Вакуум (СИ)

Solveig Ericson

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Я старался не думать о том, что ждет такого как я среди отбросов общества, в тюрьме, где надзирают гуманоидные ящеры. Приговор был пожизненным, а средняя продолжительность жизни «поколения будущего» составляла около двухсот лет. Регенерация тканей соответствующая, иммунитет – лучше не бывает. Короче, просто так мне сдохнуть не светило. Бета-редактор: Karina_1806

•

Пролог. Глава 1
Пролог

2177 год, в преддверии жопы мира

Фрегат снова тряхнуло, механический голос бортового помощника сообщил, что нам пришел полный и безоговорочный каюк:

«Произошла разгерметизация грузового отсека…. Произошла разгерметизация грузового отсека… Произошла…»…

«Внимание! Третий двигатель вышел из строя! Внимание!»

- Да заткнись ты! – крикнул я.

Помощник заткнулся. Плохой знак, суливший новую кучу дерьма. В следующую секунду все тот же голос сообщил: «Все двигатели выведены из строя….Все двигатели выведены из строя…Все двигатели…»

Я взвыл нечеловеческим голосом и в защитном жесте обхватил собственный живот, пытаясь сохранить жизнь, которую у меня скоро отнимут. По теории вероятности у нас один шанс на миллиард. Да какой там миллиард? Нет такого числа, способного показать соотношение шансов на наше спасение.

«Утечка кислорода…Утечка кислорода… Уровень кислорода упал на 10%... Уровень кислорода упал на 10%... »

Я подбежал к креслу первого пилота, понимая, что все равно ничего не смогу сделать.

- Будь оно все неладно! – заорал я, с размаху всадив кулак в хаотично мигающую панель управления.

- Оно и так ВСЕ неладно. Я не могу попасть в грузовой отсек, дверь заблокирована.

Я развернулся на рычащий голос, в котором четко улавливался чужеродный акцент, и встретил спокойный взгляд изменчивых глаз. Из-за завывающего аварийного сигнала я не услышал, как он вернулся. Мы катились в сам Тартар, а этот мужчина был спокоен и безмятежен. Мало того, он и меня каким-то непостижимым образом заразил спокойствием.

Я подошел к нему и впервые позволил себе проявить слабость… к нему - уткнулся лбом в металлически твердую грудь, обтянутую грубой тканью кителя.

Сказать или нет? Он же был полностью уверен, что это невозможно, а так я хоть перед смертью посмотрю на его вытянувшуюся физиономию…

«Уровень кислорода упал на 15%... Уровень кислорода упал на 15%».

Черт, слишком быстрая утечка!

Фрегат снова тряхнуло и меня повело, стальные руки помогли удержаться в вертикальном положении, крепко прижав к сильному телу. Я снова посмотрел в ставшие для меня целым миром глаза и… не смог произнести ни слова. Стоя одной ногой на собственной, а второй на его могилах, я не мог сказать ЕМУ правду. Не мог…

Со стороны грузового отсека прогремел взрыв, нас опрокинуло на пол, и едкий запах гари проник в капитанскую рубку.

«Уровень кислорода упал на 50%...»

Глава первая

2174 год, Земная Федерация, Гранд-Манхеттен

Немного основы под макияж, чтобы придать коже сияющий вид, самый светлый оттенок тонального крема, серебристая тушь и стальная подводка на верхнее веко, на губы - светло-лиловый блеск. Платиновые волосы уже собраны в высокую прическу, каскадом переплетений спускающуюся до поясницы. Узкие брюки из белой с перламутром змеиной кожи и тесный корсет из той же твари. На ногах - открытые белые босоножки со стальной шпилькой - эксклюзивная работа. Завершающим штрихом - платиновая змея с бриллиантом в пасти и изумрудным глазом, обвившая плечо тремя кольцами.

И, как результат, на меня из зеркала смотрит прекрасная, но недоступная Снежная Королева. Ну, в современном варианте, конечно.

Я придирчиво окинул взглядом свою тонкую высокую фигуру в отражении, повернулся спиной, чтобы оценить, как сидят штаны на крепкой заднице, шлепнул оную ладонью и остался доволен инвентаризацией.

- Ну что, блондинко, готов сразиться с потрепанными светскими львами? – спросил я сам себя, подмигнул зеркалу и сунул подмышку сумочку-сигаретку.

***

Аэрмобиль пристыковался к платформе ночного клуба «Сады Семирамиды». Дверная панель поднялась, и первым, кого я увидел, был красавец-брюнет. Мэтью Рендэл. Хозяин "Садов" и по совместительству мой будущий муж.

- Дален, - улыбнулся Мэтью, окинув меня сияющим взглядом, и протянул мне ладонь. Я подал ему руку и выскользнул из мобиля. – Ты, как всегда, ослепителен.

Последнюю фразу он прошептал мне на ухо, слегка прижав к себе.

- Спасибо, - ответил я, улыбаясь направленным на меня объективам.

- Мистер Эро! Дален! – кричали со всех сторон репортеры, ослепляя меня вспышками. Рендэл стал прокладывать сквозь назойливый рой папарацци путь в клуб, направляя меня за собой твердой рукой на пояснице. Бодигарды оцепили нас плотным кольцом, но ко мне все равно пробивались искатели свежего скандала, рискуя нарваться на грубость со стороны охраны.

- Мистер Эро, будете ли Вы объединять свою корпорацию с корпорацией Эндрюса Уайта? – прокричал женский голос.

- Нет, - ответил я, не оборачиваясь.

- Почему?

- Без комментариев, - бросил я репортерше, и мы, наконец-то, зашли под своды "Садов".

Внутри бухала музыка, приводя меня в хорошее настроение также успешно, как и отсутствие репортеров. Распространять в массах события этого светского мероприятия была допущена пара корреспондентов от двух крупных и серьезных каналов, поэтому можно было расслабиться.

Сегодняшний вечер был посвящен юному певцу-дебютанту, протеже Мэтью. Парнишка действительно замечательно пел, я сам его не раз слушал и получал удовольствие от его сильного глубокого голоса. Алекс Рид был нераненым алмазом, когда Мэтт нашел его в какой-то зачуханной забегаловке. У моего будущего супруга хорошо развита коммерческая хватка, и «Сады Семирамиды» были тому примером. Клуб являлся малой частью от всего одноименного комплекса в пять тысяч этажей, нашпигованного всем, чем только можно было нашпиговать этого монстра урбанизации. В нем находились самая крупная на планете гостиница и двести с лишним садово-парковых зон, и это помимо частных жилых секторов, плюс огромного количества развлекательных центров, бассейнов, косметических салонов, различных фото- и модельных студий, бесчисленного количество дизайнерских магазинов и еще черт знает чего. Но именно этот клуб был любимцем у Мэтта, он ассоциировался у него с большой уютной гостиной в собственном доме. Да, по большему счету, так

оно и было, потому что пентхауз Рендэла находился сразу над Садами.

Окунувшись в атмосферу клуба, я позволил Мэтью завести себя в лифт и поднять в нашу ложу. У него был пунктик по поводу старых оперных театров, поэтому здесь были многоярусные ложи с танцполом в центре.

- Солнце, я на пару минут отлучусь, - Мэтт ткнулся губами мне в шею и ушел.

Его не было больше чем пару минут, за это время я успел сделать и получить свой заказ от официанта, снующего по залу на аэрборде. Рендэл пришел, когда в клубе стихла музыка и публика стала приветствовать Алекса.

- Сейчас начнется, - сказал он, усаживаясь напротив меня и в предвкушении глядя вниз, где по сценарию должен был появиться его протеже.

Свет погас, и зал стал заполняться нарастающей музыкой. По мере усиления звука центр сцены стал медленно освещаться и насыщаться туманом, и когда в клубящейся дымке появились очертания фигуры, музыка оборвалась. Дымка рассеялась, и нашему взору предстал мужчина в черной хламиде. Широкий капюшон скрывал его волосы и лоб.

Алекс стоял, опустив голову и прикрыв глаза, словно каялся. Эта немая сцена продолжалась где-то полминуты, а потом Рид тихим срывающимся шепотом заговорил на итальянском. Шепот превратился в молитву, а молитва в отчаянный крик души. Сильный голос резонировал от стен и вспарывал наши души. Я ни черта не понимал по-итальянски, но его пение, эта исповедь раскаявшегося грешника, заставила меня замереть в кресле. Я очень впечатлительная натура.

Когда стих последний аккорд, повисшую в клубе тишину не нарушил ни единый шорох. Но это было ошеломленное молчание, наполненное немым восхищением. Поэтому вслед за ним грохнули овации. И я, признаюсь, отбил себе все ладони.

Алекс исполнил еще пару композиций, получил заслуженный восторг публики и утонул в цветах.

- Ну что скажешь, Мэтт? – спросил юноша, появившись в нашей ложе с азартным огнем в карих глазах и ярким румянцем на скулах.

- Ты их покорил, теперь вся Земля будет у твоих ног, а там и до Союза Десяти недалеко! – довольно сообщил Рендэл.

Красивое лицо Алекса расплылось в счастливой улыбке, юноша снял с себя хламиду, обнаружив под ней тесные черные брюки и обтягивающую водолазку, а затем повернулся ко мне.

- А как Вам мое выступление, Дален? – смущено пробормотал он, но глаз не опустил.

- Алекс, это было восхитительно, благо у меня макияж водостойкий, а то бы его смыло потоком восторженных слез, - заверил я дебютанта, и получил такую же широкую, ничем незамутненную, кроме радости, улыбку.

- Так, Рид, а ну, присаживайся, хватит топтаться, - сказал Метью, вставая из-за стола, - составь компанию Далену, пока я отлучусь ненадолго.

Я проводил взглядом своего будущего мужа и потом ободряюще улыбнулся застенчивому певцу. Он сел на стул рядом со мной, пытаясь смотреть без смущения прямо мне в глаза.

- Дален, я сейчас сам удивлен, что начал этот разговор, - вдруг произнес Рид, глядя на меня восхищенными, почти щенячьими глазами. – Возможно, меня опьянил успех, но если я не скажу этого сейчас, то потом пожалею.

И замолк, понурив темноволосую голову.

- Ну, так говори, я слушаю, - подтолкнул я, смутно догадываясь, о чем пойдет речь.

- Я…Вы…Дален, Вы безумно мне нравитесь! – выпалил он, заливаясь румянцем от макушки до ворота водолазки. – Вы невероятны, Вы прекрасны! Я грежу Вами днями и ночами. И… и… и не говорите об этом Мэтту, я не хочу его огорчать, он замечательный друг, он меня из нищеты вытянул, жизнь мою устроил. Только я не могу больше молчать, Дален, Вы сводите меня с ума, и рано или поздно я выдал бы себя. Так почему бы не

сейчас?... Я никогда не встречал такой красоты.

Я улыбнулся и постарался, чтобы моя улыбка выглядела мягкой, а не снисходительной, незачем было оскорблять мальчика.

- Это не удивительно, Алекс, моя ДНК усовершенствована, - сказал я ему, доверительно накрывая его горячую ладонь своей, - таким меня придумал отец.

Таких, как я, называют поколением будущего. Еще в конце прошлого века над человеческим геномом разрешили проводить эксперименты. В результате опытов были рождены первые дети с измененной структурой ДНК, которая оказалась весьма «гибкой и пластичной» для внедрения инородных генов. Корпорация моей семьи первая и единственная на Земле поставила это дело на поток, и в наших инкубаторах теперь рождаются диковинной красоты дети. Любой каприз за Ваши деньги, как говорится. Вот и мой отец решил обзавестись наследничком к шестидесяти годам, устав от свободной, не обремененной браком жизни.

- Я знаю, - тихо ответил он и повернул свою руку так, что мои пальцы оказались в захвате. Алекс поднес мою кисть к кубам и запечатлел поцелуй на костяшках, растягивая момент дольше приличного. А затем отстранился и усмехнулся. – Черт, я чувствую себя долбанным фетишистом, готовым получить кайф лишь от прикосновения к Вашей руке.

Я рассмеялся и отнял руку, напряжение момента рассеялось само собой, и Мэтт обнаружил нас за непринужденной беседой.

Спустя час веселье перешло на тот уровень, когда вместо официантов по залу на аэрбордах летали посетители. Алекс был счастлив и пьян, искренне радуясь происходящему, а я смотрел на него и испытывал чувство умиления, словно передо мной был маленький грудничок.

Мы шептались с Ридом о какой-то ерунде и хихикали как подростки, впервые урвавшие рюмку с родительского стола. Я кинул взгляд на Мэтта и увидел его напряженное лицо, только смотрел он не на меня, а мне за спину, в сторону входа. Мне резко расхотелось смеяться, и, развернувшись назад, я почувствовал, как мое приподнятое настроение рухнуло вниз.

Эндрюс Уайт собственной персоной. Мой старый и нечистый на руку конкурент.

- Дален, - расплылся он в широкой отталкивающей улыбке, что выдавалась у него за благодушную, - как я рад тебя видеть. Ты не против, если я присоединюсь?

Конечно я против, но вопрос был риторическим, потому что Уайт уже сидел напротив меня, расположившись рядом с Мэтью. Рендэл нажал на панель управления, и ложа закрылась звуконепроницаемым стеклом.

- Я слушаю тебя, Эндрюс, - нарушил я молчание, когда мне надоело играть в гляделки.

- Зачем так грубо, малыш, - сморщился он, - я сто лет тебя не видел, а ты встречаешь меня недовольной миной.

«Да я б твою рожу еще сто лет не видел бы», - подумал я про себя. Нет, Эндрюс Уайт не был уродом, это факт. У него была весьма привлекательная внешность: высокий рост, спортивное телосложение (которое подчеркивали неизменные, по-военному строгие, костюмы), правильные черты лица, серые глаза и красивого медово-каштанового оттенка волосы. Но его личностные качества наложили на всю эту привлекательность неизгладимый отпечаток, по крайней мере, для меня.

- Говори, Эндрюс, не отнимай у меня время.

- Хорошо, - вскинул он руки в примирительном жесте, - раз ты настаиваешь. Ты подумал над моим предложением?

- Да, Эндрюс, подумал, и мой ответ все тот же – нет, - ответил я резко и без колебаний.

Вот и слетела с его лица вся напускная благодушность.

- Это твой окончательный ответ? – серые глаза угрожающе прищурились.

- Да, - решительное от меня, и скрещенные на груди руки – жест, говорящий, что я считаю разговор закрытым.

- Так, значит, нет, - кивнул он сам себе, а потом посмотрел на

меня таким взглядом, что моя уверенность пошатнулась. – Ты хорошо спишь по ночам, Дален? Собственная смерть не снится? Говорят, это к долголетию.

Сзади послышался гул электропушек. Бодигарды решили поиграть мускулами.

Вот тварь! Я зло прищурился и стал цедить слова сквозь стиснутые зубы:

- Угрожаешь, Уайт? Опять собираешься играть нечисто?

- Ну что ты, малыш, я всего лишь спросил, - снова нехорошо улыбнулся Эндрюс. – Так все же нет?

- Нет, твою мать, Уайт, сколько можно говорить?! – не выдержал я.

- Тогда до встречи, Эро, - сказал он, уже поднявшись, и направился к выходу, где сверлила друг друга взглядами его и наша охрана.

- Может, ты все же согласишься? – подал голос Мэтт, когда наш незваный гость покинул ложу.

- Что за малодушие, Мэтью? – разозлился я, и посмотрел на него раздраженно. – Я не собираюсь отдавать корпорацию, созданную моим дедом. Это семейный бизнес, успешный и без постороннего вмешательства!

- Ты же знаешь, что из себя представляет Эндрюс! – зло кинул он. – У него весь черный рынок Земли на поводке сидит, да и за пределами планеты полно малоприятных связей!

- Вот именно поэтому я и не хочу отдавать ему «Сферу Жизни», ты только представь, что он сделает с ней! Представь, кого он начнет выращивать в инкубаторах!

- Ты что, совсем не понимаешь?! Он же убьет тебя, но корпорацию получит! – стукнул по столу Рендэл.

- Хватит, - сказал я тихо, и отвернулся к дребезжащему от басов стеклу, за которым бурлила клубная жизнь. - Я устал и хочу спать.

- Ладно, извини, - буркнул он, - я просто волнуюсь за тебя.

- Извиняю, пошли спать, - ответил я, нервно закусив губу.

- Ко мне?

- Естественно, - пожал я голыми плечами.

- Приятных снов, Дален, - пожелал Алекс, о котором я, признаться, забыл.

Утомленно улыбнувшись ему, я поймал немного тревожный, но влюбленный взгляд. У юноши были очень красивые миндалевидные глаза, при свете дня шоколадные, а в полумраке клуба бархатно-черные.

Я потом часто вспоминал его глаза. Они – единственное, что заставляло меня бороться. И не спрашивайте: "почему?" – не знаю.

- Пойду, подогрею нам вина с пряностями, - сказал Мэтт, выйдя из ванной в банном халате.

- Давай, - согласился я, не отрывая взгляд от окна.

Далекие огни внизу приковывали к себе взгляд, там проходили подвесные железнодорожные линии и воздушные трассы, огибающие серпантином высотные дома и исчезающие между их огромными «телами». По линиям и трассам размытыми световыми полосами проносились аэрмобили и скоростные электрички. С четырехтысячного этажа я не мог рассмотреть людей, выходящих на остановках, потому что они располагались значительно ниже, максимум до трехтысячного, выше были только шлюзы для стыкующихся мобилей. Города больше не могли расти вширь, они росли вверх, подпирая крышами стратосферу. Мегаполисы поглотили всё пространство, поэтому даже трущобы были высотными, а сады с теплицами разбивали на ярусах небоскребов.

С кухни раздался звон бьющегося стекла, и я вынырнул из того гудящего колодца, что образовался в моей голове. Злость на Мэтта все еще не отпускала меня. Как он мог предложить сотрудничество с Уайтом? По этой твари давно вакуум плачет. Самый могущественный воротила на черном рынке. Оружие,

наркотики, органы, рабы – все это проходит через его руки, но к нему не подкопаешься, он умело прикрывает свой зад. И отдать ему «Сферу Жизни»? Да ни за что! Я костьми лягу, но он её не получит!

Опять на кухни что-то звякнуло. Да что он там делает?! Я гневно запахнул на себе шелковый халат и вышел из спальни. Вся кухня была выполнена в белом металлике, создавая эффект операционной. Мне не нравилось, но Метью было так комфортно, и я не лез со своими предпочтениями: это его дом, в конце концов. Сейчас горели только несколько подсветок на полу, поэтому я чувствовал себя уютней в этой стерильной обстановке.

- Мэтт, - позвал я его.

Мэтью вздрогнул и повернулся ко мне лицом. Взгляд его был растерянным и немного испуганным. А может, мне показалось. Но вот морщинка точно залегла между темных бровей.

- Ты решил всю посуду перебить?

- Да нет, ничего не разбилось, - как-то натянуто улыбнулся он, - слушай, думаю, простой глинтвейн мне не поможет, пойду выпью какое-нибудь легкое успокоительное.

- Эй, да перестань, - я положил ладонь ему на голую грудь, когда он проходил мимо, - расслабься, я выкручусь.

Моя рука скользнула вниз, к животу и потом за спину, под халат, обняв за талию. Мэтью обхватил меня одной рукой за плечи, а другую запустил в волосы на затылке.

- Я знаю, солнце, знаю, - ответил он мне, и мягко поцеловал, - все будет хорошо. Пей глинтвейн, я сейчас приду.

Я отпустил его и подошел к столу, где стоял бокал с темно-розовой жидкостью. Бокал был расслабляюще теплым, мне сразу стало хорошо и уютно. Я поднес его к губам и прежде чем пить, втянул носом аромат трав. Меня переполнила благодарность и нежность к Мэтту. Он всегда был необычайно внимателен ко мне, предугадывая мои желания на шаг вперед. Я считал, что мне невероятно повезло с выбором супруга, и в свои тридцать лет не боялся связать себя с ним узами брака.

Я нахмурился, увидев небольшое пятно желтоватой жидкости, совсем неэстетично растекшуюся по белой столешнице. Окунув в жидкость палец, поднес его к носу и понюхал. Запах был хорошо знаком. Это был запах ядовитого фермента одной тропической рыбы, который вызывал полный паралич мускулатуры тела, и отравленный умирал от остановки сердца раньше, чем успел бы задохнуться. Наши лаборатории использовали этот фермент для изготовления сильнейшего анестетика, который не вызывал поражение нервной системы.

Вопрос напрашивался сам собой: откуда здесь это? И главное - для чего?

Хотя, если учесть то, что этот фермент имеет белковое происхождение, и в чистом виде полностью распадается в мертвом уже организме за два часа, то ответ напрашивался сам собой, но я гнал его из-за абсурдности мотивов.

Как я потом проклинал своё биологическое образование и болезненный перфекционизм.

Нужно было осушить этот чертов бокал…

- Господи, ну почему ты не можешь просто выпить глинтвейн, а, Дален? – услышал я тихий голос, полный неприкрытого недовольства.

Я развернулся лицом к Мэтту, удивленно хлопая глазами.

- Что?

- Зачем ты все усложняешь? – он медленно подошел ко мне и забрал из моих рук бокал. А я продолжал смотреть на него, не понимая, что происходит и не узнавая собственного любовника. Вроде бы, то же красивое лицо, синие глаза и темные волосы. То же мускулистое тело. Но взгляд был чужой, не Мэтью.

- Мэтью?

Он схватил меня за волосы, и я вздрогнул от резкой боли.

- У тебя потрясающие волосы, солнышко, такие густые и длинные, твоя обнаженная спина выглядит сногсшибательно, когда по ней струится это великолепие. Знаешь, я буду скучать по

тебе.

Я широко распахнул глаза от страха и изумления.

- Я тебя не понимаю, Мэтт, - сказал я, стараясь совладать с дрожью, - ты меня пугаешь. Отпусти.

- Чего тут не понимать? Я тебе говорил, соглашаться на условия Эндрюса? Говорил?! – крикнул он и дернул меня за волосы. Я взвыл от боли. – Теперь мне приходится выполнять грязную работу! А я, блядь, не железный, думаешь, мне легко травить тебя, после всего, что у нас было?

- Так не трави, - прохрипел я, глотая ком в горле.

- Не получится, милый, моя шкура мне дороже, поэтому пей, сделай одолжение, - он поднес бокал к моим губам, - открывай рот.

Я истерично затряс головой, округлив глаза еще больше. Жесткие пальцы стальной хваткой впились мне в щеки, заставляя разомкнуть челюсть. Жидкость полилась в появившуюся щель между губ, но я тут же выплюнул все ему в лицо.

- Вот сучонок, - выругался Мэтью и ударил меня наотмашь тыльной стороной ладони. Удар оказался такой силы, что меня отбросило назад, провезло по полу и укрыло собственными ногами.

Я закатился под стол, но выделившейся в кровь адреналин быстро привел меня в чувства. Сильные ноги, мелькнувшие в распахнутых полах халата, были почти рядом, когда моя рука наткнулась на лазерный нож на полу. Я успел схватить его прежде, чем Мэтью вытащил меня из-под стола. Он не успел нанести первый удар, потому что я замахнулся рукояткой, на ходу выпуская синее лазерное лезвие. Оно легко вошло в тело и распахало грудную клетку с брюшиной сверху вниз. Крови не было, лазер выжег, сплавил сосуды по краям, но внутренности скользкими червями выпали на пол.

У Мэтта расслабилось лицо, он медленно свел руки на животе, посмотрел на меня жалобно и совершенно по-детски. А потом тяжело осел на пол.

- Бляааа, я ёбаный джидай! - засмеялся я.

Я смеялся долго, до болезненных спазмов в мышцах живота, валялся на полу, а потом начал выть и орать в голос, таращась в белый потолок.

Так меня и нашли.

В каждой современной квартире стоит система безопасности, настроенная на сердечный ритм хозяина. Когда сердце Рендэла остановилось, сработала сигнализация в медблоке на этаже, и не прошло и пяти минут, как скорая была в квартире Метью.

Суд был очень быстрым. На вопрос: «Признаете ли вы себя виновным в совершенном преступлении?» я ответил: "Да, признаю". Отпираться было бесполезно. Стоя за силовым полем перед судьей, я мечтал только о том, чтобы снять тюремную робу, которая была сделана из ужасного материала, похожего на полиэтилен, чтобы дольше сохраняла свежий вид. У меня все чесалось и зудело, и я даже на приговор толком не обратил внимание.

Как оказалось, отупение было следствием сильнейшего психологического шока и релаксантов, которые мне впрыскивали в кровь. А когда шок прошел, я кричал и просил пересмотреть приговор, просил о высшей мере – выбросе в космический вакуум, но было поздно. Меня уже запихивали в цисту, чтобы погрузить в анабиоз на долгих два года.

Проснулся я в Десятой галактике на орбите Гхоллога - спутника Лога. На последнем находилась горно-рудниковая колония, куда ссылали серийных убийц, насильников, маньяков и наркоторговцев.

Это была самая задница космоса, потому что дальше были только черные дыры, мимо которых не решался пройти ни один исследовательский крейсер.

Я старался не думать о том, что ждет такого, как я, среди отбросов общества, в тюрьме, где надзирают гуманоидные ящеры. Приговор был пожизненным, а средняя продолжительность жизни «поколения будущего» составляла около двухсот лет. Регенерация тканей соответствующая, иммунитет – заебись, лучше не бывает.

Короче, просто так мне сдохнуть не светило.

Глава 2

Я открыл глаза и рефлекторно сделал вдох.

Вода хлынула в нос - и ужас от непонимания того, где я и почему тону, заставил меня биться в панике, стучать в стекло ладонями, обламывая то, во что превратились мои ногти. Я кричал, но трубка в глотке сидела плотно, обдирая слизистую, вызывая спазмы. За стеклом был воздух: я видел точно такие же цисты-камеры напротив, и люди в них так же неистово бились в прозрачную панель.

В следующее мгновение меня выплеснуло на пол вместе с анабиотической жидкостью. Мне показалось, что я сейчас выкашляю собственные легкие, стоило мне выдрать трубку подачи кислорода изо рта. Это получилось отнюдь не с первого раза, потому что ногти у меня отросли сантиметров под пятьдесят. Меня выворачивало желчью, тело сотрясала дрожь - я был так слаб, что запутался в собственных волосах, которые мокрыми нитями облепили все тело до колен. Я пытался встать, но ноги разъезжались на скользком полу.

Сражаясь со слизью и волосами, я услышал насмешливо-удивленное:

- Еееепа мать, нам тут что, девку по ошибке подсунули?

Оставив попытки подняться, я осмотрелся вокруг, пытаясь найти «девку». Но увидел только толпу скользких и голых уголовников, почему-то смотревших в мою сторону. Это я – девка?

Меня медленно, но верно стали обступать со всех сторон, а я боялся сделать лишнее движение, поэтому так и сидел на коленях в луже, по консистенции напоминающей околоплодные воды, - в жидком мелкозернистом желатине.

В отсеке с заключенными было темно, только подсветка цист давала слабое освещение. В этой полутьме лица мужчин, стоящих полукругом ко мне, казались искаженными и угрожающими. Облепленные отросшими до плеч волосами, с длинными ногтями на пальцах рук и ног, они внушали мне первобытный страх. Тяжелые взгляды скользили по моему телу, беззастенчиво отмечая особенности моей физиологии. Кто-то выглядел

разочарованным, кто-то наоборот – приободренным тем фактом, что я, все-таки, мужчина. Среди серьезных и хмурых лиц я заметил и откровенно гнусные ухмылки. Внутри меня все сжалось от перспективы оказаться в лапах одного из окружающих.

От дальнейших угрожающих действий по отношению к моей персоне меня спас вспыхнувший над нами яркий свет. Послышался характерный гул набирающих заряд бластеров. Я не мог видеть происходящего возле входа из-за спин заключенных.

- Построились в ряд! – скомандовал кто-то зычным басом. – Живо!

Толпа стала рассеиваться и выстраиваться в шеренгу вдоль цист-камер. Один я продолжал борьбу с собственным телом, и, в итоге, остался единственным на своей стороне - в полусогнутом состоянии, опираясь на одну руку, в тщетных попытках подняться.

- Так-так-так, - раздался надо мной тот самый голос: - это что у нас тут за русалка хилая?

Я поднял голову и увидел средних лет мужчину с коротким ежиком русых волос и с обычными голубыми глазами. Он был одет в серый спецкомбинезон с капитанскими нашивками Земной Федерации на предплечьях.

- Что, до сих пор не отошел от анабиоза? – участливо поинтересовался он.

Я отрицательно мотнул головой: горло саднило, и ответить я не мог. За спиной капитана надзиратели защелкивали кандалы на щиколотках и запястьях осужденных.

- Тим, Берт! – крикнул он в сторону входа. – Помогите этой кисейной барышне встать на ноги.

Тим и Берт опустили свои бластеры и вышли из строя охранников, держащих нас под прицелом. Две пары сильных рук вздернули меня как сухую ветошь вверх.

- Итак, господа заключенные, думаю, вам не стоит объяснять, как работают эти кандалы? Вижу, что не стоит. Но для тех, кто не знает, - капитан окинул меня пристальным взглядом, - поясню:

стоит вам сделать шаг шире пятидесяти сантиметров или поднять руку выше сорока пяти градусов относительно тела, сработают датчики и вам оторвет конечность. Ясно?

Я проглотил болезненный ком в горле и кивнул.

- А если мы просто споткнемся? – задал вопрос кто-то из толпы.

- А вы постарайтесь не спотыкаться, - обманчиво нежно улыбнулся капитан. – Еще будут вопросы?

Вопросов не было.

- Отлично. Теперь все дружно на водные процедуры, а потом - в медблок, - удовлетворенно сказал он и направился к выходу.

- Это будет сложно промыть, - один из надзирателей кивнул другому на мои волосы, - принеси ножницы.

Я уставился на него в немом ужасе, машинально схватившись рукой за мокрые пряди у шеи.

- Не смотри на меня так, волосы – это рассадник вшей, - сказал тот.

Второй вернулся и развел руками.

- Нет ножниц - давай ножом.

Первый возмущенно цыкнул, но попросил повернуться к нему спиной. Я выполнил его просьбу - парень собрал мои волосы в кулак и, попросив не двигаться, отсек их ровно под затылок. Мне внезапно стало холодно и непривычно легко голове.

Потом мне и ногти подрезали.

Водные процедуры были унизительными. Нас выстроили в ряд вдоль стен в душе и окатили едва теплой водой из шланга. Напор был как из брандспойта, струя больно била по телу и мне, ко всему прочему, приходилось из последних сил удерживаться на ногах.

- Наклонитесь вперед и раздвиньте руками ягодицы! Ну!

«Будьте вы прокляты…» - пронеслась в моей голове усталая мысль.

Потом нас под конвоем отвели в медблок в той же «одежде», в которой мы вышли из цист-камер. После прохладного душа меня трясло как эпилептика, что вызывало презрительные взгляды других заключенных и многозначительные сальные усмешки в мою сторону.

Бортовой врач взял кровь на анализ, заглянул мне в рот как призовой лошади, а потом попросил нагнуться и сунул мне пальцы в анус. Твою мать! Это долго еще будет продолжаться?! Я дернулся и втянул со свистом воздух сквозь зубы. Медик оказался грубым и бесцеремонным.

- А ну, куколка, стой спокойно! – рявкнул эскулап в белом форменном комбинезоне. – По сравнению с тем, что в тебя загонят зеки на Логе, мои манипуляции будут казаться нежной лаской любовника.

Меня прошиб холодный пот, и затрясло уже совсем безудержно.

- Что, страшно стало? – глумливо спросил он. – Не ссы: привыкнешь, глядишь, еще кто-нибудь из авторитетов тебя под крылышком пригреет - будешь ему свой сладкий зад подставлять.

Врач решил больше не тратить на меня своего внимания и попросил за дверь. Конвоир взял меня под локоть и буквально вытащил из медблока на подгибающихся коленях.

***

Я сидел в каюте капитана, куда меня пригласили для приватной беседы. Хозяин каюты сочувствующе посмотрел на мою окончательно обритую голову, и я машинально провел по короткому ежику ладонью, мысленно успокаивая себя тем, что это не самое страшное, что могло со мной случиться.

- Как тебя зовут, котик? – фамильярно обратился он ко мне, облокотившись о стол.

- Дален Эро, сэр, - ответил я, не понимая, для чего меня сюда

затащили: остальные заключенные этой чести не удостоились.

- Дален, я предложу тебе сделку, - сказал он, откидываясь на спинку кресла и складывая руки на слегка выпирающем животе. – Ты вправе отказаться.

- Я слушаю Вас.

- Котик, - тут он встал, и, заложив руки за спину, стал мерить шагами каюту. – Ты представляешь, что будет с тобой в колонии? Такие красивые мальчики, как ты, долго там не протягивают. Наш бортовой врач выпишет свидетельство о твоей смерти, это проще простого, скажем, ты захлебнулся анабиотической жидкостью, придя в сознание раньше времени.

- И что взамен Вам от меня нужно? – спросил я для порядку, хотя сам уже догадывался об ответе.

- Было бы неплохо, если бы ты скрасил мои долгие дни в космосе, - он встал напротив и выжидающе посмотрел на меня.

Тогда я был еще слишком гордым, и посчитал это предложение унизительным, поэтому, сделав каменное лицо, я ответил категорическим отказом.

- Ты уверен? – капитан недовольно сморщился и окинул меня взглядом, полным сожаления об ускользнувшей возможности развлечься. Я тогда еще впервые порадовался, что на мне этот убогий комбез кислотно-зеленого цвета.

- Что ж, не смею тебя задерживать, - заключил он, - можешь идти.

Я встал и направился к двери, где меня ждал конвоир с бластером наперевес. Я наверное выглядел в их глазах совсем чахлым ничтожеством, раз меня так спокойно пустили к капитану без охраны.

- Только запомни, котик, что на Логе не будут к тебе столь лояльны, - полетело мне в спину, - начальнику колонии нет никакого дела до заключенных: для него главное, чтобы норма руды добывалась в срок.

Я выслушал его, стоя лицом к выходу, а потом вышел из

кающты.

Поскольку горный ландшафт планеты не позволял расчистить обширную площадь под крупный космический корабль, мы прибыли на Лог в четырех небольших челноках по шесть человек в каждом. Я был в последнем, и, пока челнок летел с Гхоллога, пытался вспомнить все, что помню об этой планете. А помнил и знал я не так уж и много. Десятая галактика, в которой была всего лишь одна планета населенная разумными гуманоидами, присоединилась к Союзу около семидесяти лет назад. Спустя пять лет на Логе разразилась гражданская война. Не все были рады присоединиться к Межгалактическому Союзу и лишиться суверенитета. Повстанцев возглавил родной брат их дэали – что-то вроде абсолютного монарха. Междоусобица длилась больше двадцати лет, но в итоге дэали и его сторонники смогли подавить бунт. Не без помощи Союза, конечно.

Сейчас на Логе находится горно-рудная колония. На планете было обнаружено крупное месторождение девония – драгоценного металла. Девоний в руде имел красный цвет, но в сплавах при разной температуре плавления и при использовании различных катализаторов вел себя непредсказуемо. В результате мог получиться металл невероятных цветов и оттенков, но всегда с красноватым отливом на свету.

Этим мои знания о Логе исчерпывались.

***

Челнок приземлился и нас стали выводить.

- Добро пожаловать на Лог, - насмешливо произнес один из конвоиров.

Я просеменил до шлюза и застыл. Планета была красной. Вся. Буро-красные горы, красный песок, ярко-алое солнце и небо цвета разбавленной в воде крови. Судя по всему, девония здесь было хоть ешь, его количество в атмосферной пыли зашкаливало. Как здесь люди живут вообще?

- А ну шевели булками, конфетка, - меня толкнули в спину, и я посеменил по трапу вниз, сглатывая загустевшую слюну с резким металлическим привкусом. Было страшно до дурноты сделать хоть одно неверное движение, особенно когда кандалы

начинали тревожно пищать, тогда руки и ноги буквально приклеивались по стойке смирно, и лишний шаг казался шагом в ад.

Мы шли через навесной мост, перекинутый через карьер, разделяющий космопорт от колонии. Последняя возвышалась шпилями труб плавильных цехов над острыми пиками бурых скал.

- Господи, господи, господи…- слышалось впереди.

- Эй, ты чего? Не тормози, - идущий впереди меня крупный мужчина грубо одернул того, кто шел перед ним.

- Я боюсь высоты, - проскулил парень.

Мы застопорились на полпути до колонии, и надзиратель, идущий впереди нас, недовольно повернулся к страдальцу.

- Боишься высоты, закрой глаза и иди! – процедил он. – Живо! Мы цацкаться с тобой не будем!

Страдающий акрофобией поспешно кивнул и сделал шаг вперед. Вероятно он все же закрыл глаза, только меня не оставляло гнетущее чувство неизбежного. Акрофобы испытывают сильное головокружение и тошноту, некоторые - дезориентацию в пространстве, в зависимости от степени тяжести фобии.

Наша колона была почти у цели, когда акрофоб споткнулся и вцепился руками в спину конвоира. Раздался тревожный писк сработавшей системы безопасности кандалов.

- Твою ж ебаную мать! – взревел конвоир, разворачиваясь перекошенным лицом к ухватившемуся за него парню. – Пусти, мудила!

Произошедшее дальше было кошмаром. Охранник одним сильным толчком перекинул парня через поручни моста, и кандалы сработали на полсекунды позже, оторвав акрофобу конечности.

Мне на лицо брызнули теплые капли.

- Вот сука! – я перевел взгляд от пространства, где только что

взорвался один из нас, на взбешенного мужика в форме. – У кого-нибудь есть еще подобные проблемы?

Мы молчали. Если у кого-то они и были, то их решили оставить при себе.

- Блядь! – услышал я тихое от впереди идущего заключенного. – Чистый комбез выдадут только через неделю!

Я осмотрел себя и не увидел ни одного пятна крови, а потом потерся лицом о плечо и на кислотно-зеленом остались красные разводы. Прямо под цвет этой гребанной планетки.

Кажется, у меня опять шок. Пора уже привыкнуть, что мне никогда не проснуться от этого жуткого сна.

Тюремные помещения колонии уходили глубоко внутрь скал, а то, что скалами не являлось, было выполнено из темного металлического сплава. Все это совместно с пейзажем в красно-бурых тонах создавало гнетущее тревожное впечатление.

На входе располагался блокпост, и там я впервые увидел логианцев. Как оказалось, они не были ящерами в прямом смысле этого слова. На постах стояли рослые гуманоидные мужчины в строгой армейской форме: черные кители с высокими воротниками-стойками, застегнутыми под горло, и узкие бриджи. А вот дальше… Вместо ступней – лапы. Четыре сильных пальца с маслянисто-черными изогнутыми когтями и пятый – противопоставлен остальным, как у птиц. Кожа у них была красноватой, словно перекаленной на солнце, на чуть более скуластых, чем у людей, лицах, вдоль линии роста волос, располагались мелкие чешуйки, сильно напоминающие красный металл.

Вот именно девоний их хитин и напоминал. Волосы и глаза привлекали внимание и вызывали удивление: первые казались тонкой длинной металлической проволокой психоделических расцветок, а вторые - вроде бы и были похожи на человеческие, только зрачок был кошачьим, а радужка бликовала ртутью.

Все это я успел рассмотреть, пока наши бывшие конвоиры передавали нас с рук на руки. Один из логианцев, обладатель угольно-черных волос вперемешку с прядями цвета ультрамарин и такими же ультрамариновыми радужками, увидел, как я на них

пялюсь и оскалился, обнажив острые белые клыки. Я вздрогнул и отвел взгляд. К черту их, еще нарвусь на неприятности раньше времени.

Логианцы отконвоировали нас в просторное помещение с высоким потолком и огромными, встроенными в него вентиляторами, которые сейчас вращались медленно и лениво.

- Построились! – приказал один из новых надзирателей.

Мы вытянулись в ряд вдоль стены и увидели зашедшего в помещение незнакомого нам еще логианца. Все в его внешности свидетельствовало о том, что он, в свое время, воевал: от шрамов вместо чешуи на левой щеке до механической руки, сделанной из черно-красного сплава девония. Она идеально повторяла строение правой – сильной и когтистой. Черный китель сидел на нем как влитой, подчеркивая военную выправку. Сведенные брови, плотно сжатые губы и острый взгляд жутковатых кроваво-красных глаз навевали мысль о более чем суровом характере.

- Меня зовут Иэен орх Даган, для вас я – господин начальник колонии, - он говорил на межгалактическом, и голос у Ена (так я назвал его про себя, дабы избежать хаотичного наскакивания одной извилины на другую) был грубый и хриплый, словно обладатель отменного баса умудрился простыть и поорать всласть одновременно. – Если вы не будете создавать нам проблем, то и у вас их не будет. Это главное, что вам нужно знать. Понятно?

Нестройный хор голосов проскандировал: да, господин начальник колонии. Я промолчал. Он стрельнул глазами в мою сторону, и кровь отлила от моего лица. Его радужки перетекали из цвета в цвет, из фиолетового в красный и обратно, стоило их хозяину перевести взгляд; собранные в высокий конский хвост волосы вели себя так же непостоянно. Черная бровь под линией чешуи недоуменно изогнулась, и я мысленно весь сжался, совсем не ожидая, что Ен попросту развернется и, цокая когтями по полу, удалится из зала.

Здесь же с нас сняли кандалы, сопроводив этот процесс выражением легкой брезгливости по отношению к этой мере предосторожности на экзотичных лицах. После этого охрана повела заключенных бесконечными коридорами сквозь бронированные двери, которые разъезжались перед нашими

конвоирами. В конце нас завели в лифт и, судя по всему, спустили глубоко под землю.

Не знаю, как у других, но у меня появилось ощущение, что меня похоронили. Правда, хоронить своих покойников уже давно считается пережитком древности: земли и так катастрофически мало, так что тела либо кремируют, либо выбрасывают в космическое пространство – в зависимости от обстоятельств…

Помещение, которое отводилось под жилье заключенных, было большим и многоярусным. Нас развели по камерам, которые были в данный момент не защищены силовыми полями. В моей камере была двухъярусная кровать, стол, стул, умывальник и унитаз, а еще - я бросил взгляд на кровать, внизу была заправлена постель и на ней лежала Библия - плюс сосед. Религиозного фанатика мне для комплекта еще и не хватало. М-да…

Я быстро застелил свою постель на втором ярусе и, как был, в комбезе, так и завалился спать, словно жалкий клочок ткани смог бы меня защитить. Но тогда казалось, что лучше уж какая-то преграда между мной и окружающей действительностью, даже такая ненадежная.

Я устало прикрыл глаза, и вскоре в голове пронеслось торнадо образов.

Ту несвойственную мне апатия, в которой я находился во время следствия, можно было бы списать на шок, но, думаю, что смог бы справиться с ним быстрее. Сейчас я уверен, что мне вкалывали сильные седативы вкупе с каким-то наркотиком, поэтому я воспринимал мир неадекватно. Как меня могли осудить на пожизненный срок за непреднамеренное убийство?! И почему я согласился с приговором? Ответ прост: Уайт подсуетился. Не сумел убрать меня руками Мэтта, так успел воспользоваться случаем и отослал меня в далекие дали, лишенного всех прав и шанса на возвращение. Слишком многое в мире продается и покупается. Мою жизнь продали. Легко. А я не сопротивлялся.

Я СУМЕЛ ПРОСРАТЬ СОБСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ!

Вот вам и "поколение будущего". Совершенное тело и долголетие - еще не залог счастливой жизни…

Я отогнал от себя мысли об убийстве, пока не засосало в водоворот смердящей вины, иначе останется только сложить руки и умереть. Я мысленно написал поперек черепной коробки большими красными буквами: ОН ЗАСЛУЖИЛ! – чтобы помнить об этом и никогда не позволять собственной совести выесть мне душу.

За этой мыслью пришло воспоминание о пробуждение на Гхоллоге….

Оно накатило удушьем, и я вновь почувствовал панику. Этот страх преследовал меня во снах долго, пока более яркий, жестокий и реальный кошмар не вытеснил его без следа. Но в свой первый день в колонии, лежа на нарах, я заставил себя сделать глубокий вдох и расслабиться, проанализировать ситуацию с самого начала. Почему раствор не слили до момента пробуждения? Или это своеобразное приветствие, что-то вроде: «добро пожаловать в ад»? Во время анабиоза отключаются все системы жизнедеятельности за исключением сердечно-сосудистой. Анабиотическая жидкость поступает в желудок через зонд, введённый в глотку, и полностью отключает перистальтику, замирает работа кишечника, легких, кислород поступает через кровь по тонким системным трубкам, которых я, кстати, и не заметил, пока пытался выбраться из камеры. Сорвал, наверное, неосознанно. И первым делом после пробуждения срабатывает дыхательная система. В тот момент я мог бы просто захлебнуться.

Меня передернуло, я перевернулся на бок и сжался в позе эмбриона. Еще один иллюзорный щит, такой же эфемерный, как и защита комбинезона. Но хоть что-то. Нужно собрать себя в кулак, иначе я просто рассыплюсь, мне хватило пребывания на палубе тюремного корабля, чтобы впечатлиться на всю оставшуюся жизнь, и от одной лишь мысли о том, что ожидает меня в дальнейшем здесь, на Логе, становилось страшно до судорог.

Яркое пятно кислотно-зеленого на красном зарябило под веками. Кислотно-зеленый и красный, и брызги все того же красного на яркой зелени тюремного комбинезона. Раскинутые обрубки конечностей в отчаянной попытке сохранить жизнь, и крик… Душераздирающий, полный боли и обреченности, и в тоже время неверия….

Я зажал уши ладонями, лишь бы не слышать этих воплей агонии, чем сильнее я прижимал руки, тем отчетливей слышался

крик. Я опять сделал дыхательное упражнение и постарался отогнать и эту мысль от себя, но на смену крику пришел голос конвоира, низкий, вибрирующий от гнева и страха за собственную жизнь: «У кого-нибудь еще есть подобные проблемы?».

Если кто-то из заключенных взорвался бы просто стоя рядом с другим, то пострадал бы только первый, второй отделался бы кровавым душем и ошметками плоти на своем теле. Но если бы того акрофоба разорвало на конвоире, то последний рисковал получить сильные повреждения. Зачем вообще применяют столь ненадежные кандалы? Психов, вообразивших себя камикадзе, не нужно долго искать, и конвоиры каждый раз подвергают себя опасности, находясь с зеками в непосредственной близости. Политика устрашения очень эффективна, но зачем жертвовать собственными подчиненными? Или это своеобразное наказание для провинившихся, не оправдавших доверия, военнослужащих? Им предлагают на выбор либо трибунал, либо служба на тюремном корабле? Выходит, наши бывшие тюремщики сами являются заключенными… Получается, я еще легко отделался, могло быть и хуже. Людям свойственно звереть в условиях повышенной угрозы. Меня – да и любого из нас - могли просто прибить на Гхоллоге, чтобы доказать себе, что есть кто-то более бесправный, чем они… А здесь? Что ждет меня здесь?

Я застонал, сворачиваясь в еще более плотный клубок. Все, Дален, хватит рефлексировать, тебе еще с толпой зеков жить неопределенное количество времени: если они почуют в тебе жертву, то все, жизнь твоя продлиться до первой серьезной стычки. И никто тебя не защитит. Никто. Логианцы не выглядят гуманистами и филантропами...

- С Вами все в порядке, сэр? – рядом со мной стоял обладатель вежливого тихого голоса.

Я повернулся к нему лицом и увидел парня с внимательными темными глазами.

- Да, вполне, - отозвался я и попытался улыбнуться. Улыбка на лице ощущалась чем-то инородным, словно улыбнись я чуть шире и кожа лопнет.

- Я Клайв Везнер, - сказал он, мягко улыбаясь в ответ.

- Дален Эро, - представился я, а сам попытался ненавязчиво его рассмотреть. Везнер был человеком, точнее - Homo sapiens. После того, как Земля присоединилась к Союзу, понятие «человек» получило более обширное определение, поэтому я сейчас говорю о видовой принадлежности своего сокамерника.

На вид парню было лет двадцать с небольшим довеском. Он носил туго затянутый хвост серо-мышиных волос, обладал красивыми миндалевидными глазами - темными и блестящими, и ямочкой на правой щеке. Плюс ко всему - острый тонкий нос и невероятно длинные ресницы, даже мои не шли в сравнении.

Между нами повисла смущенная тишина.

- А-а… Клайв… как здесь?... – спросил я.

- Нормально… если приспособиться, - ответил юноша, пожав плечами. Он обнял себя, съежившись словно от холода, красивые губы сжались в тонкую бледную полосу. – Нормально.

Я невооруженным глазом видел, что для него здесь не все «нормально», но тактично промолчал. Всему свое время, поэтому я перевел разговор на не менее интересующую меня тему.

- А распорядок дня тут какой?

- Подъем в четыре утра, работа в шахтах до двенадцати, потом - душ, завтрак и весь день можно слоняться без дела, - Везнер снова улыбнулся, на этот раз немного криво, из-за чего образовалась горькая складка возле уголка губ.

- Завтрак через восемь часов после подъема? – удивился я.

- А на полный желудок ты не сможешь спуститься вниз, тебя вывернет еще на стометровой отметке. Тамошние природные газы вызывают рвотные спазмы, пока хорошенько ими не надышишься.

- А почему не выдают кислородные маски?

- На всех не напасёшься, да и дорого выходит, - хмыкнул Клайв, - да ты расслабься: немного потошнит на голодный желудок, а потом привыкнешь. Эти газы не токсичны, не отравишься.

- Понятно, - скривился я от открывшейся перспективы захандрить по полной программе, - потом, наверное, и есть не захочется.

- Захочется, после АМ-душа просыпается такой жор, что тебе и слона покажется мало, - Везнер сел на свою койку и стал снимать высокие грубые ботинки, а я свесился головой вниз, в ужасе распахнув глаза.

- АМ-душ? Антимолекулярный? Ты шутишь? Он же опасен!

- Эксцессов еще с ним не случалось, не переживай: все живы и здоровы, - сказал парень, спокойно стягивая с себя комбез и оставаясь в черной майке-борцовке и черных плавках. – На планете напряг с водой, поэтому АМ-душ – это необходимость, а не разновидность пыток.

Клайв растянулся на кровати во всю длину, блаженно вздохнул и закинул руки за голову, демонстрируя абсолютно гладкие подмышки и неплохо развитые мышцы рук и груди.

- Здесь нас больше пяти тысяч, - продолжил он, - на всех воды не хватит, а нам кровь из носа нужно каждодневное очищение кожи, иначе её разъест девонская пыль.

Я все еще прибывал в не самом спокойном расположении духа, поэтому также ошарашено смотрел на него во все глаза. Везнер улыбнулся немного сконфуженно.

- Извини, не хочу показаться невоспитанным, но до подъема осталось шесть с половиной часов, и нам лучше всего поспать.

- Да, - я откинулся на подушку, и тут же ощутил тяжесть сна на веках, - да, согласен. Спокойной ночи.

- Спокойной.

Словно по сигналу сокамерника потух свет и заработало силовое поле, отделяя камеру от коридора. Я моментально провалился в сон. Может, здесь в воздух по ночам впрыскивают снотворные газы?

Подъем был оглушительным и жестоким. Сработала сирена такой мощности, что из сна меня вырвало за долю секунды. И то я

непростительно опаздывал - пока я сражался с собственным контуженным звуковой волной, организмом, пытаясь загнать сердце из глотки обратно в грудную клетку и, желательно, в левую её половину, Клайв уже шнуровал ботинки. Я скатился со своей койки, чудом приземлившись на ноги, а не на голову.

- Шустрее!

- Я в туалет…

- Потерпишь, не маленький, в шахте сходишь, – кинул мне сосед по камере, быстрыми движениями собирая длинные волосы в косу.

Я как загипнотизированный наблюдал за этим процессом, забыв, что нужно одеваться. Вчера я не обратил внимания, какой длины у него волосы, а они вон какие - удивительные.

- Я думал, при поступлении сюда обривают всех в обязательном порядке, - сказал я, погладив свой короткий ежик и разглядывая даже на вид шелковые пепельно-русые пряди.

- Так и есть, - он перекинул косу за спину и вопросительно взглянул на меня. – Ты хочешь получить взыскание и отработку в первый же день?

- А? О! Нет, конечно!

Быстро натянув комбез, я сел на его постель обуваться.

- А здесь не заставляют брить голову? – спросил я, зашнуровав один ботинок и принимаясь за второй.

- Нет, зачем? В этом мире нет организмов, паразитирующих в волосах. Заразиться можно только от новичков. От салаг, - Клайв широко улыбнулся. – Пойдем, салага.

Увидев, что я готов, Клайв потянул меня за собой. Когда он повернулся ко мне спиной, я увидел, что коса его доходит кончиком до копчика. Боже… сколько же он здесь сидит?

Мы пронеслись по узкой площадке вдоль открытых и пустых уже камер, а затем чуть ли не кубарем скатились вниз по металлической лестнице к открытой широкой площадке. У меня

сложилось впечатление, что люди здесь отсутствуют как вид. Словно вымерли все. Когда мы пробежали сквозь открывшийся нам на встречу дверной проем, то оказались в зале размером с футбольный стадион, заполненную ровными шеренгами людей в кислотно-зеленном. Я только сейчас осознал масштабы колонии.

Клайв потащил меня сквозь ряды, и я всей поверхностью своего тела почувствовал сверлящие меня взгляды. Я шел с гордо поднятой головой, стараясь ни на кого не смотреть, потому что стоит мне с кем-то зацепиться взглядом, отвертеться от дальнейшего контакта я уже не смогу. Если я опущу глаза долу, то на мне "поставят клеймо" жертвы и от "женихов" не будет отбоя. Выдержу взгляд – пойдут проверять на прочность агрессивную выскочку. Я справлюсь с парой-другой, но вот в чем загвоздка: этим вряд ли все ограничится.

- Давай сюда! – мой сосед схватил меня за локоть и втянул в строй рядом с собой.

- Свали, Везнер, это мое место! – рычащим шепотом возразил бритоголовый зек выше меня на пол головы и шире в полтора раза в плечах.

- Остынь, Зуб, он будет стоять здесь, - огрызнулся Везнер.

- Я так не думаю.

- А ты думай реже, а то голова заболит.

- Я гляжу, ты совсем страх и совесть потерял? – Зуб презрительно ухмыльнулся, и я разглядел у него во рту один длинный клык. Верхний правый. Явно имплант. – Не раскатывай губу, скоро ты нахер не нужен будешь Торияту.

- Лучше бы тебе заткнуться, - зашипел побелевший Клайв, - ты можешь сдохнуть прежде, чем я попаду в опалу.

Я хотел уже спросить кто такой Торият, как раздался резкий предупреждающий сигнал. Испуганно оглядевшись, я увидел, что все с хмурым сосредоточением смотрят вверх перед собой. В том направлении обнаружилась воздушная передвижная платформа-трибуна, на которой стояло несколько логианцев. Ена я узнал сразу. Он был крупнее своих сородичей, вся его фигура внушала мне ужас, я чувствовал в нем затаившееся Нечто - оно клубилось

вокруг него невидимым облаком. Мне часто казалось, что, поймав это "облако" периферическим зрением, смогу удержать этот образ и рассмотреть, как следует. А еще я знал, что если это самое "Нечто" распознает тебя на своем радаре как свою добычу, то ты либо сдохнешь, либо… Короче, лучше сдохнуть.

Логианцы медленно и молча пролетели над нашими головами. Облетев все ряды, платформа вернулась в исходную точку.

- Что они делают, - шепнул я Клайву.

- Считывают с наших датчиков показатели здоровья и заодно проверяют все ли на месте.

- Вот с этого датчика? – протянул я ему руку, показывая тонкий браслет на запястье.

- Нет. При поступлении сюда бортовой врач должен был ввести в твое тело передатчик.

- Я не помню этого...

- Этот датчик похож на мелкого клеща и внедряется под кожу безболезненно.

Черт! Естественно у меня в следующей же момент стало зудеть все тело, даже в тех местах, где при посторонних чесать считается не комильфо. Я терпеть не могу все, что имеет больше четырех конечностей!

- Ты чего суетишься? – Клайв скосил на меня глаза.

- Ничего, - пропыхтел я, пытаясь не чесаться.

Фантомный зуд прекратился сам собой, когда мой браслет пискнул, и над ним развернулась голограммная панель.

Глава 3

- Что это? – я нахмурился на полупрозрачный экран, появившийся передо мной.

- Карты шахт, - ответил Клайв, пристально вглядываясь во что-то на своем экране.

- Жаль, что не самой тюрьмы, - хмыкнул я, изучая уменьшенный ландшафт над шахтами и указатели входов над ними.

- Ага, держи карман шире, - тихо засмеялся Везнер и заглянул в мою панель. – Разобрался?

- Да что-то пока не очень.

- Смотри, - он ткнул пальцем в метку над какой-то шахтой (которая в отличие от остальных выделялась синим огоньком, а не желтым)- та увеличилась и приобрела трехмерное изображение с системой переплетенных ходов: – Это - южная шахта 13 В – она твоя, там добывают промышленный девоний. Залежи драгоценного лежат северней и глубже, поэтому новичков туда не посылают: там скопление газов просто не даст работать с непривычки.

Он порылся и потыкал в своей карте, потом открыл совсем короткое электронное письмо и одобрительно хмыкнул.

- Я сегодня работаю с тобой, так что расслабься.

Вокруг нас началось шевеление, народ стал «сворачивать» свои карты и разворачиваться на сто восемьдесят градусов.

- Так, сейчас будем выходить.

Мы покинули главный зал стройным шагом, как на плацу. Поднялись в несколько заходов в лифтах на поверхность, сели в вагоны металлического монстра-поезда, движущегося по горному ландшафту Лога за счет антигрависистем.

Всего остановок было девятнадцать, и ни одна из них не заняла больше двух минут. Во время стоянок заключенные выпрыгивали по пять человек в ряд, одни за другими. На счет раз – прыжок. Раз – прыжок, раз – прыжок. Остановка – раз – прыжок. Раз, раз, раз… Здесь все работало слаженно и по команде, никаких заминок. Да и, глядя на сопровождающих конвоиров с внушительным оружием в когтистых руках, не хотелось становиться источником проблем.

Через час после подъема мы были на месте, наша шахта оказалась конечной – двадцатой по счету - остановкой в южной

стороне. Навскидку, в ней предстояло трудиться сотне заключенных. Нас быстро вывели из вагона, похожего больше на клетку из прутьев, и трусцой погнали к шахте, расположившейся рядом с огромным терриконом. Или это террикон расположился рядом с шахтой? В предрассветных сумерках он темной горой возвышался над нами, красные огни освещали только его подножие и широкий котлован, похожий на срез муравейника. По всей окружности, вглубь, уходили освещенные ярусы, а самое дно фосфоресцировало алым.

- Как в жерло вулкана смотришь, - сказал я, слегка нагнувшись над ограждающими шахту поручнями. Оттуда тянуло почему-то не могильным холодом земли, а влажным жаром.

- Эй, я надеюсь, ты не хочешь полетать? - Клайв предостерегающе взял меня под локоть.

Я снова посмотрел вниз. А что если подтянуться и перекинуть свое тело через перила? Сколько мне лететь, пока не встречусь с дном? Минуты даже не будет… И все, от меня только мокрое воспоминание в комбинезоне.

Нет. Не хочу себе бесславный конец у черта на куличиках. А как же подвиги и рыцарская слава?

- Успокойся, я не самоубийца, - уверил я сокамерника и отошел от ограждения.

- Теперь - вы, - рыкнул конвоир, люминесцируя тяжелым взглядом, и наша группа из двадцати человек вошла в грузовой лифт.

Чем ниже мы спускались, тем ощутимей меня начинало тошнить, и поначалу я не мог, без угрозы обблеваться, оценить по достоинству окружающий меня подземный мир. Меня не рвало, только слюна скапливалась во рту в огромном количестве, да желудок схватывало спазмами, но пять минут спустя я разогнулся, прислонился к земляным стенам и осмотрелся.

- Вот это… да-а, - только и смог я произнести.

Передо мной была система пещер, ходов, сталактитов и сталагмитов, освещенная красными «виноградными гроздьями», группами облепившими стены.

- Что это? – восхищенно проблеял я.

- Это - организмы-симбионты, - тут же ответил Клайв, - они служат костяком для всей экосистемы подземного Лога, точнее, для всего Лога, потому что на поверхности жизни особо-то и нет. Вот из-за этих организмов логианцы запретили работать в шахтах машинам, потому что симбионты не смогли до сих пор восстановить микрофлору в самых первых шахтах.

- А если в шахтах работают люди, а не машины, то флора и фауна подземелий восстанавливается?

- Так точно, - улыбнулся Везнер, - уже через пять лет они принимают изначальный вид.

- А как же буры? По-моему, они способны одним разом похерить всю экосистему.

- Буры – это меньшее из зол, совсем без техники невозможно.

- Заканчивайте разговоры! – грохнуло над самым ухом, и я подскочил, схватившись за сердце. – За работу!

Я наградил логианца укоризненным взглядом, а тот мне ответил звериным оскалом.

- Идем, - Клайв потянул меня за рукав в направлении одной из пещер.

- Слушай, откуда ты столько знаешь о Логе? – у меня сложилось впечатление, что Клайв неплохо образован.

- Может, за годы в колонии знания накопились? – вопросом на вопрос ответил мой сокамерник, хитро при этом улыбаясь.

Я улыбнулся в ответ.

- Нет, здесь другое.

Клайв отвел взгляд, улыбка сошла с лица, и я почувствовал, что лезу не в свое дело.

- Если не хочешь, не отвечай, - поспешил я заверить его.

- Да нет, здесь нет тайны: я учился на четвертом курсе ксенологического факультета до судимости. Хотел побывать во всех десяти галактиках с исследовательскими экспедициями… Вот, в одной уже побывал…

Да уж, хороша вышла «экспедиция»...

- Может, когда-нибудь побываю и в остальных, - с этими словами Везнер встряхнулся, как мокрая собака, и совершенно по-сумасшедшему улыбнулся.

- Главное, убедить самого себя, Дален, - он панибратски хлопнул меня по плечу, - говорят, аутотренинг творит чудеса.

- Ага, скорей я сдвинусь по фазе, и мне начнет мерещиться, что я на берегу теплого моря, в гамаке между двумя пальмами, нежели увижу что-то интереснее колонии в ближайшую свою жизнь, - буркнул я.

В этот момент мы зашли в один из рукавов шахты, где уже отрабатывали повинность с десяток заключенных.

- Здесь ты ошибаешься, в колонии интересно до жути, - мрачно вздохнул Клайв. – И не будь пессимистом.

- Я не пессимист, я – реалист.

Везнер хохотнул, а потом поднял с пола настоящую… кирку!

- Ммм, - промычал я, с придурошным удивлением уставившись на чудо рудокопного снаряжения, - а как же прогресс и все такое? Этим раритетом последний раз еще гномы пользовались.

- Вон твое чудо прогресса стоит, - парень махнул рукой с увесистой киркой в сторону погрузчика, - я выбиваю руду из породы, а ты тащишь её на погрузчике к конвейеру. Понятно?

- Понятно, - вздохнул я и направился к «станку», который выглядел, как орк без мозговой начинки. Ну, в смысле, руки-ноги есть, а вместо башки и торса - кабина.

Первый трудовой день прошел без ЧП: мы с Клайвом быстро

сработались, он ловко орудовал своей гномьей киркой, а я шустро таскал в погрузчике руду к конвейеру, который доставлял её наверх. Мутило, правда, все время, но постепенно я привык к постоянной тошноте.

Уже сидя в поезде между Клайвом и еще одним заключенным, изнывая от жары и истекая потом, щурясь от яркого первого солнца и с содроганием ожидая, когда взойдет второе, я понял, откуда у моего сокамерника такие развитые мышцы. У меня болело все, даже кости. Не было сомнений, что еще месяц таких изнуряющих тренировок - и моему телу позавидуют бодибилдеры. Я всегда считал, что к моей андрогинной внешности не подходят избыточные мышцы, но сейчас они просто необходимы, может, сравнявшись в физических показателях с остальными мужчинами, я буду вызывать меньший интерес как сексуальный объект… Сомнительно что-то. Морду мышцами не накачаешь, изуродовать если только… Нет, это - экстремальный вариант.

Мы уже въезжали в подземный туннель колонии, когда взошло второе солнце. Кварц в логианской породе ослепительно сверкнул кровавыми гранатами, и металлические жалюзи опустились с лязгом, отделяя нас от адского жара второго восхода, ознаменовав конец моего первого рабочего дня.

Прежде чем пойти в душ, мы сначала попали в обдувной шлюз, где сильными потоками воздуха была удалена пыль с наших комбезов.

В раздевалке душевой заключенные шелестели одеждой, приглушенно и вяло переговариваясь после тяжелой работы в шахтах. Пара логианцев медленно прохаживалась среди нас, блюдя порядок. Никто из заключенных не лез ко мне в открытую, но я ощущал всем своим телом жалящие изучающие взгляды. Я силой заставлял себя держать голову прямо, смотреть вперед, нацепив нейтральную маску. Эта уверенность давалась мне с трудом, но я очень-очень надеялся, что выгляжу убедительно.

Заключенные по одному заходили в АМ-кабинки и благополучно из них возвращались. Я вздохнул и сунул руку в приемник ДНК, ощутил укол стерильной иглы. Загорелся зеленным «индикатор согласия» над входом, отошла тонкая белая панель, и я вошел внутрь.

Принцип работы антимолекулярного душа состоял в удалении с тела всех веществ, отличных по составу от чистого ДНК хозяина. У первых экспериментальных моделей была слишком высокая погрешность, вместе с грязью и потом с подопытных зверюшек удалялись шерсть и верхний эпидермис. Выживших не было. Впоследствии разработчики смогли снизить погрешность, но загвоздка состояла в том, что у подобной системы очистки погрешностей быть в принципе не должно. Кому захочется очиститься так, что в итоге не останется ни единого волоска на теле? Ни ресниц, ни бровей, ни волос на голове – и это самое безобидное, что могло случиться, бывали случаи, когда с уже сниженной погрешностью пропадали когти и зубы. Слава Богу, не было человеческих жертв… Хотя, кто знает?..

В общем, мой страх, когда я заходил в кабину, был обоснован.

Я расставил руки - и очищающее зеленое поле прошло колючим холодом от пяток до самой макушки, поставив дыбом все волоски на теле. Чтобы удалить грязь со ступней, я поочередно приподнял ноги. Поле кольнуло сначала одну ступню, потом вторую, и я, наконец-то, был избавлен от страха за собственные части тела.

Меня не трогали и в столовой, но от навязчивых взглядов уже гудела голова. Клайв добровольно вызвался быть моим ангелом-хранителем и не спускал с меня глаз, везде следуя со мной, и, как ни странно, это действовало. Зеки косились, скалили зубы в усмешках, но ни один не осмеливался к нам подойти. Я, признаться, не понимал, почему так. Везнер, бесспорно, физически силен, но он был далеко не самым страшным зверем на этой территории.

- Почему меня еще не обступили толпы желающих познакомиться? – спросил я у него тихо, ковыряя в миске какую-то сопливо-белковую массу желтоватого оттенка.

- За новенькими ведется строгое наблюдение в течение месяца, - ответил Клайв и отпил из стакана бурду, которая здесь заменяет чай. Ладони у него были натруженные и загрубевшие.

- Даже если так, - нажимал я, - но просто подойти, поиграть мышцами? Здесь столько самцов социально альтернативных, а я - новое мясо… Как-то непонятно.

И тут понимание само снизошло ко мне. Оно буквально подсело к нам за стол в компании своих «фрейлин».

- Здравствуй, мышонок. Что это за птичка с тобой?

Прости Господи, «птичка», потеряла дар речи, наблюдая как, прости Господи еще раз, «мышонка» лапает хнурт. Теперь все стало кристально ясно, потому что самым страшным зверем в абсолюте среди заключенных был именно он. Этот хнурт тискал сейчас свою вещь. Да, Клайв был его вещью, а я не видел еще смельчаков, позарившихся на собственность хнуртов, если их впоследствии гарантированно не разделит пара-тройка десятков парсеков. Мощные, жестокие, агрессивные – они рвали неугодных им голыми руками.

Везнер был смущен моим присутствием, но безропотно позволял сдавливать свои бока огромными ручищами с черными короткими когтями и кокетливо заглядывать в страшные глаза на грубой морде серо-металлического цвета. Хнурты, так же как и логианцы, эволюционировали от хищников, у них также остались рудиментарные пары клыков наравне с набором острых зубов и вдобавок пара костяных наростов от лысых бровей до такого же лысого затылка. Волос на теле не было в принципе.

Клайв поймал мой взгляд, и краснота его перешла в бардовый. Боюсь, я не смог скрыть отвращения к происходящему.

- Торият, - сказал он тихо, уворачиваясь от поцелуя. Если облизывание губ фиолетовым языком можно считать поцелуем.

- Что? – с оттенком раздражения спросил Торият. Не любит мужик, когда ему отказывают.

- Дален - новенький, он…

- А-а. Птичка, - хнурт пригвоздил меня взглядом к стулу (оранжевые радужки на черном фоне белка), - ты откуда к нам залетела?

Я проглотил ком и хрипло сказал:

- С Земли.

- Землянин, значит, - ухмыльнулся Торият, показав набор острых клыков. – Что же, Птичка, у вас там, на Земле, мужики не трахаются между собой?

- Да трахаются, даю руку на отсечение, - я отшатнулся от усевшейся рядом со мной «фрейлины», чем немало позабавил второго хнурта. – Смотри, какой сладкий, такому просто необходимо, чтобы ему кто-то засаживал между половинками, правда?

Оранжево-черный глаз подмигнул мне, но руки хнурт оставил при себе. Две других «фрейлины» заржали громко и похабно. Я стиснул зубы, бросил гневный взгляд на потерянного Клайва и повернулся к соседу, скалившему зубы.

- Не тебе трахать меня, хнурт, - огрызнулся я, чувствуя, как меня начинает потряхивать от злости и унижения.

Тот дернулся ко мне, зарычал тихо:

- Что, такие сладкие белые сучки, как ты, считают хнуртов отбросами?

- Успокойся, гайди, - отмахнулся от него Торият, - Птичка ведь не расистка, правда, Птичка?

Я повернул к нему лицо, и животный ужас скрутил мне внутренности. Торият хоть и был спокоен, но взгляд у него был… он - хладнокровный убийца, в этом не было сомнений.

Я не был расистом, но конкретные хнурты почти убедили меня в обратном. Я снова взглянул на Везнера, тот сидел ни жив ни мертв, весь бледный, с округлившимися глазами. От ответа меня спас господин начальник колонии: он самолично явился в столовую проследить, как приняли новичков. Цокая когтями между рядами столов, он окидывал всех нечитаемым взглядом - и разговоры тут же стихали, зеки утыкались носами в уже пустые миски. Когда Ен добрался до нас, Торият не уткнулся в свою тарелку, прижал напрягшегося Клайва к себе еще плотнее и оскалился, вроде как улыбнулся.

- Здрасте, господин начальник колонии, как у вас день прошел?

Ен смерил его взглядом, затем меня. Мне показалось, что на его лице сейчас отразится хоть какая-нибудь эмоция, что он вот-вот усмехнется… Но Ен снова взглянул на Ториата.

- Хорошо, 82-69, лучше, чем у тебя, - и он двинулся дальше.

Торият проводил его тяжелым взглядом и выплюнул что-то нелицеприятное вслед, но его слова потонули в сигнале, означавшем, что пора выметаться из столовой.

Я наконец-то смог остаться наедине с собой в нашей с Клайвом камере. На удивление, в голове было пусто, все время до появления Клайва, я пролежал с вытаращенными в потолок глазами.

- Ты спишь? – спросил Клайв снизу.

Я свесился с койки и посмотрел в сумрачное лицо своего соседа. Думаю, мне и говорить не надо было ничего, потому что мой сосед оскорбленно вскинулся:

- Не смей осуждать меня! – прошипел он яростно. – Ты не знаешь, что такое быть «подружкой» в колонии и, дай Бог, тебе оставаться в счастливом неведении и дальше! Поверь: лучше один большой монстр, чем множество мелких!

Он прав, но эту правду хочется растоптать и закопать.

- Как долго вы вместе?

Клайв взглянул на меня с вызовом:

- Шесть лет.

Я присвистнул.

- А он удивительно постоянен, - не удержался я от сарказма. – Почему вы не в одной камере?

Он невесело хохотнул.

- Это колония осужденных на пожизненное заключение, а не семейное общежитие… Да и не надо этого… У нас были и черные времена, - Везнер сказал это таким тоном, что я не осмелился спросить, насколько черными были эти времена.

Поэтому спросил о другом:

- Какой у тебя срок?

- Пожизненный. Как и у всех здешних обитателей, - пожал он плечами, потом добавил с горькой усмешкой, - правда, у некоторых здесь по несколько пожизненных. Их тела не вернут после смерти на родину, а сожгут в здешних печах.

- За что осудили?

Он криво усмехнулся, и снова в темных глазах появился вызов.

- За изнасилование с отягчающими.

Я удивленно вскинул брови:

- Серьезно?

- Не веришь?

Я отрицательно качнул головой.

- Ты судишь по внешности, а она бывает обманчива, - он закрыл глаза, растер лицо ладонями и шумно выдохнул, - но я, правда, этого не делал. Никогда ни к одной женщине я не испытывал подобной ярости.

- Так как же тебя взяли?

- Не время вспоминать об этом… Как-нибудь в следующий раз, – Клайв растянулся на кровати и тяжело вздохнул. - Расскажи о себе.

Я откинулся на спину, снова уставившись в серый потолок:

- Меня подставили.

Снизу послышалось фырканье.

- Извини, не сдержался, - сказал Клайв, - это - настолько расхожая фраза в здешних казематах, ты просто себе не представляешь.

Настала моя очередь тяжело вздохнуть.

- Ладно, прости, продолжай, пожалуйста, - тихо попросил Везнер.

- Это была самооборона. Меня хотел убить мой будущий муж, я защищался.

Я не стал продолжать, и тишина показалась мне плотной и удушливой, сглотнув ком в горле, перевернулся на бок и попытался отключиться.

- Разве за самооборону дают пожизненный срок? – недоверчивый голос Клайва прервал тишину.

Я подавил усталый вздох.

- Не дают. Конкурент подсуетился.

- Должно быть, твой конкурент крутая шишка, - протянул задумчиво мой сосед, - да и ты, ведать, не из мелких.

- Именно, а теперь давай спать… Я выжат.

Нижняя койка скрипнула, и в следующее мгновение голос Клайва раздался совсем близко.

- Ты должен воспользоваться расположением Звуро, иначе через месяц тебя разорвут на клочки.

- Я не настолько беззащитен, насколько кажусь, - буркнул я недовольно.

- Может быть, но только не здесь. Дай всем понять за этот месяц, что ты с Звуро, иначе попадешь в ад.

Я промолчал, стиснув от ярости челюсти. Клайв, не

дождавшись от меня ответа, вернулся к себе.

***

Месяц пролетел бесконечной чередой изнуряющего труда и постоянного страха.

Страх. Он свернулся холодной напряженной змеей внутри меня, отсчитывая ускользающие дни безопасности. Я был в логове волков, выжидающих, когда путь к моему мясу будет открыт. Они скалились, истекали слюной, облизывали острые зубы, а мне оставалось лишь надеяться, что я смогу отстоять свое право ходить с гордо поднятой головой. Мне была ненавистна сама мысль, что придется кому-то подставлять зад ради защиты…

Чертов Звуро шнырял вокруг меня голодной акулой, мое нежелание признать себя его «девочкой» доводило хнурта до невменяемости.

- Ты идиот! – он швырнул меня на стену и оставил висеть в воздухе, схватив за грудки. – Я делаю тебе одолжение, маленькая сучка, а ты нос воротишь!

- Отпусти его, 82-51, адаптационный месяц еще не закончился, - под насмешкой надзирателя слышалась угроза.

Хнурт опустил меня на ноги, демонстративно поправил воротник комбинезона, а потом наклонился ко мне и прошипел:

- Если не придешь сам, я возьму силой, а потом пущу по кругу, чтобы спесь сбить.

- Ты не слышал, 82-51? – высокий логианец с терракотовыми прядями в черных волосах угрожающе оскалил клыки.

Звуро развернулся в противоположную сторону от столовой, возле которой он меня поймал, и нервным шагом удалился от нас.

- Ты лучше бы лег под него, а то дразнишь смазливой мордой весь наш зверинец, - недовольно сказал мне надзиратель. – Иди в свою камеру.

***

Единственной отдушиной стала библиотека. Я и не ожидал в подобном месте найти такое разнообразие книг и информации. Оказалось, что мой сосед – библиотекарь, помимо работ в шахтах. Он и его напарник Джош, большой и молчаливый увалень с такой тьмой в глазах, что в них лучше и не заглядывать, заведовали этим раем для чтиволюбов.

Шел двадцать пятый адаптационный день, была смена Клайва, и я спокойно засиделся в читальном зале, перелистывая очередную электронную книгу. Я ждал, когда мой сосед закончит свои дела, чтобы вместе пойти в камеру.

Зашипела пневмоническими замками дверь, и я бросил на неё взгляд. Внутренности обдало холодом и рвануло вниз. Звуро и Торият. Первый был взвинчен до предела и зол как берсерк, второй – просто хмур.

- Я позову охрану, - проблеял я.

- Зови, - огрызнулся Звуро. Он с такой яростью кинулся ко мне, что только столы не отбрасывал на своем пути.

Я вскочил на ноги в оборонительную стойку и, не дожидаясь, когда он первым прикоснется ко мне, нанес хнурту удар по голове ногой. Ноль реакции. Стальная рука схватила меня за щиколотку и одним рывком опрокинула на пол. Бешеный и неуправляемый Звуро склонился надо мной, я отработанными движениями нанес точечные удары пальцами по шее. Снова никакой реакции. Человек бы уже корчился от удушья. Хнурт не человек, и нервная система у него другая. Я надеялся, что смогу выдавить ненавистные черно-оранжевые глаза и вскинул скрюченные пальцы, но мои запястья стиснули до хруста и вытянули руки над головой.

- Не вырывайся, птичка, расслабься, - Торият с пугающим участием взглянул на меня вверх ногами. – Ты сам не понимаешь своей выгоды.

- Пошли на хрен, - просипел я. – Охрана!

- Да нет там никого, думаешь, им самим не надоела эта возня

вокруг тебя? – сказал Торият, устало вздохнув.

Комбез разошёлся под чем-то острым, затем и плавки. Я весь сжался и скрючился от страха и холода, а когда из пасти хнурта выползло нечто серое и скользкое, похожее на уродливый бутон, я заорал, надрывая горло. «Бутон» раскрылся лепестками с мелкими, как иголки, зубами.

- Недоносок, - зашипел Торият, - спрячь! Я не хочу из-за тебя в карцере сидеть!

Мерзость спряталась и я увидел перекошенное лицо Звуро.

- Нет, - я дернулся всем телом, пытаясь сбросить с себя ублюдка, - Нет! Нет! Нет!

Неконтролируемый ужас, животный страх стали сотрясать мое тело в судорогах, в последних отчаянных попытках вырваться. Мне удалось освободить ноги, и я стал беспорядочно молотить ими. Я впечатывал удары в хнурта, он пытался схватить меня за щиколотки, я вырывался и снова бил.

- Да переверни его! – взревел Звуро.

Торият одним рывком перекатил меня на живот, и я снова заорал. Резкий толчок в затылок впечатал меня лицом в пол. На мгновение я был дезориентирован, только гул и расплывающиеся цветные пятна перед глазами. Влажные шершавые ладони настойчиво раздвинули ягодицы, раздирая кожу до крови когтями. Острая боль полыхнула красным заревом перед глазами, я задергал руками в цепких пальцах Торията, замычал, не в силах вдохнуть и закричать.

- Не… надо…

Меня вздернули на четвереньки как секс-игрушку, но толчки валили на живот, колени разъезжались, сбиваясь до синяков.

Этот кошмар длился бесконечно. Снова и снова. Замкнутый круг. Я перестал чувствовать боль. Меня вообще здесь не было.

С моим телом что-то делали, переворачивали, использовали, пачкали. Все не по-настоящему.

А что было в моей жизни настоящим? Я родился-то не как большинство. Все обман, я сам – красивая обманка, а то, что внутри, должно вызывать отвращение…

Мэтью. Мэтью оказался безжалостной ложью, страшной и горькой. Все слова, сказанные им – ложь. Все прикосновения – ложь. Чувства – ложь…

А что было правдой?.. Алекс, твои красивые карие глаза тоже мне врали?...

Хлесткий удар по лицу заставил меня сфокусироваться на настоящем. Боль с новой силой ворвалась в тело. Звуро скалился и вбивался в меня, скалился и вбивался…

- Кончай уже, сука, - просипел я.

Он схватил меня одной рукой за горло, пробивая кожу когтями. Кожа хрустнула как яблочная кожура. Воздух стал для меня не доступен. Перед глазами заплясала черная мошкара, заполняя собой все поле зрения.

- Сука – это ты! Маленькая сучка-шлюшка.

- Господи, Торият, он его задушит!

Я перевел мутнеющий взгляд на Клайва. Так значит, он все это видел…

- Я не могу их остановить, не могу! – отчаянно шептал он.

Черное облако мошкары скрыло под собой испуганное лицо Клайва, проникло монотонным гулом в уши…

Мерное клацанье по полу. Вокруг все еще темно. Я дышу, но с трудом, хрипло и надрывно. Клацанье совсем близко.

Тишина. Чужой глубокий вздох.

- Чего и следовало ожидать.

Я не успеваю удивиться (а может, и не могу), как меня поднимает вверх.

- Тебе не выжить здесь.

Клацанье возобновляется, но где-то подо мной. Обнаженным боком я чувствую прикосновение холодной и твердой руки. Вторая обжигающе горячая. Удивительно.

Темнота не рассеивается, но клацанье сменяется чьим-то тяжелым механическим дыханием и бесконечным пиканьем, то редким, то быстрым и тревожным. Когда пиканье становится тревожным, вокруг начинается суета. Уйдите, дайте отдохнуть.

- Отдыхать будешь на том свете, мальчик, - говорит кто-то.

Один раз ко мне пришел Алекс. Я не видел лица, только темные миндалевидные глаза, взгляд был почему-то холодным, не таким как раньше. И ты меня предал, Алекс? Глаза блеснули алым и растворились в темноте.

***

Я очнулся в больничной палате, подключенный к аппарату искусственного дыхания и датчику сердцебиения.

Вырвав трубку из горла, я зашелся кашлем. Жив. Я жив. Меня изнасиловали, задушили, избили, но я жив. Что должны люди чувствовать по этому поводу? Почему внутри все какое-то… пустое? Мертвое.

- Куда собрался, мальчик? – в дверях стоял незнакомый мне логианец в спецкомбезе. Высокий, стройный, какой-то весь радиоактивный на вид со своими лимонными глазами и такими же ядовитыми прядями в черных волосах. Как опасное животное со смертоносными железами под кожей.

Я отбросил попытки встать на ноги и плюхнулся обратно на кровать.

- Датчики сорвал, - сказал незнакомец, - а я-то примчалась, думала все, можно кремировать.

- Не надо… кремировать, - прохрипел я.

Так это логианка? Выглядит она как я, только на логианский

манер, не понять, то ли баба, то ли мужик.

- Кто вы? - снова каркнул я.

- Врач, - она подошла ко мне, ощупала лоб, посветила фонариком в глаза, проверила пульс на шее. – И в больничном блоке я – Верховный Повелитель. Так что расслабься, мальчик, тебе лежать здесь еще неделю.

Я наблюдал, как она убирает все ненужные приборы по местам. Стройная и гибкая, она двигалась плавно, но быстро, движения были четкими, умелыми.

- Не дергайся, - сказала логианка, когда я увидел шприц на приличное количество кубов в её руке с длинными когтями, - это - укрепляющее. Ты и так хорошо восстанавливаешься, но дополнительная помощь извне тебе не помешает.

И она подмигнула мне лимонным глазом.

- Кто меня нашел? – спросил я, чувствуя, что веки наливаются тяжестью.

Она взглянула на меня серьезно, и по желтым радужкам пробежал ртутный блик:

- Он сам тебя принес.

Как так оказалось, что мне не нужно было пояснять, кто такой «он», я и сам не понял, но внутри меня зашевелилась надежда. Может мне стоит просить защиты у самого страшного монстра. Клайв был прав, только монстром ошибся. Звуро был не моего калибра.

Внутри меня разлилось отупение к произошедшему. Если Ен откажет мне… выход есть всегда...

Глава 4

Выходить из медблока было страшно: адаптационный месяц истек - и в колонии меня ждали "ласки" заключенных. Уверен, что помимо Звуро со мной захотят тесно "пообщаться" и другие зеки. Боюсь, столь тесного "общения" я не переживу. Мне хотелось забиться куда-нибудь и сидеть там тихо-тихо, чтобы меня никогда не нашли и, желательно, дали бы сдохнуть, но я не мог опустить себя до такого. Это означало бы проиграть окончательно. Поэтому

я давил в себе мерзкое чувство никчемности и беззащитности.

- Тришер, как я могу поговорить с начальником колонии?

- Сто десять на семьдесят… - буркнула она себе под нос, а потом подняла на меня ядовитые глаза. - Зачем тебе?

Я замялся, наблюдая, как логианка снимает с моего запястья пневмоленту для измерения давления.

- Ну… чтобы спасибо сказать, - соврал я.

Она улыбнулась хитро и хищно, показав клыки.

- Не трать время, мальчик: наш начальник идет на контакт только по своему желанию.

- И все же, - настаивал я, натягивая на себя комбез, - как я могу с ним поговорить?

Она задумалась, процокала до встроенного в стену шкафа и спрятала там тонометр.

- В карцере он лично проводит разъяснительные работы с провинившимися, - Тришер сверкнула глазом через плечо.

- А как попасть в карцер?

- Устроить драку, - она развернулась ко мне лицом и добавила уже серьезно. – Мальчик, в этот раз тебе может и не повезти.

- Тришер, я не мальчик, я - мужчина, - вздохнул я раздраженно.

Логианка подошла ко мне вплотную, взяла одной рукой за подбородок, запрокинула голову и посветила в глаз тонким фонариком.

- А выглядишь ты как мальчик не достигший порога возмужания, - сказала она, наконец отпустив меня.

- Это по вашим меркам, - возмутился я.

За месяц я все же оброс мышцами - до мистера Олимпия конечно еще далеко, но у меня никогда раньше не было таких бицепсов и выпуклой груди. Я чувствовал, как у меня шевелятся так называемые «крылья» по бокам… Правда, при своих ста восьмидесяти пяти сантиметрах роста я был все равно немного ниже её.

- Ладно, можешь быть свободен, - удовлетворилась она результатами окончательного обследования. – Смотри, не попадайся ко мне в ближайшее время, а то залечу до смерти.

- Я уж постараюсь, - сказал я скорей для себя, нежели для неё.

***

Я успел к началу обеда. Есть мне особо их гадость не хотелось, но пропускать приемы пищи нам не разрешали. Уж о чем - о чем, а о хорошей физической форме заключенных в колонии заботились. За исключением мелких инцидентов.

Все началось еще в очереди. Смешки, толчки, поглаживания и скабрезности. Свора озабоченных ублюдков!

Я заставлял себя не дергаться от каждого мерзкого прикосновения. Кое-как отстояв положенное время к раздаче и заполучив свой обед, я нашел свободный стол и уселся за него.

Естественно, в одиночестве я оставался недолго:

- Куда это ты подевался, красатуля, давно тебя не видно?

Я молча продолжал жевать белковую гадость.

Мой гость наклонился ко мне ближе:

- Я слышал, что кто-то уже порвал твою хорошенькую жопку. Я тоже хочу.

Я медленно повернул к нему голову. Тот самый Зуб.

- По-шел-на-хрен, отморозок, - сказал я по слогам.

Зуб хмыкнул, оголив единственный клык, огляделся по

сторонам, наморщив свой толстокожий лоб. Драки здесь не жаловали и не разбирали, кто прав, кто виноват. Мучительно больно будет обеим сторонам.

- Слышь ты, мармазетка, это ты здесь такой смелый. Я ж тебя поймаю и выебу так, что ты харкать моей спермой будешь.

Я плюнул ему пережеванным обедом в лицо. Желтая масса была похожа на рвоту.

Зуб замер. Столовая затихла. Я тихо офигевал от кайфа. Недолго, правда.

Зуб с утробным рыком вскочил с табуретки и вздернул меня за собой. А я улыбался во весь рот. Улыбался, потому что хренов ублюдок больше ничего не успел сделать. Зуб был всего лишь хомо сапиенсом, и мои пальцы безошибочно нашли болевые точки на бычьей шее. Он задыхался, а мне не хватало ужаса на его лице. Я хотел, чтобы бледную, покрывшуюся испариной кожу залило кровью. Звук хрустнувшего под моим кулаком носа оказался для меня симфонией, лучшей из лучших. Я весь звенел от темного разрушительного счастья и небывалого удовлетворения.

- Я НЕ терпило. Я НЕ шлюха, - говорил я спокойно, нанося удары. А потом сорвался. - И я никогда не буду чьей-то подстилкой! – крик приносил облегчение.

Я бил и бил, не мог остановиться. Даже когда меня оттащили, я все еще пытался достать до него ногами. Потом меня сильно тряхнуло, отдаваясь болью во всем теле.

***

Я пришел в себя в темноте. Уставился в пустоту широко распахнутыми глазами, не понимая: что со мной, почему ничего не вижу, почему у меня болят кисти рук так, будто под пресс попали?

В панике я обшарил крохотную комнатку, размером где-то два на два метра. "Карцер!", - осенило меня. Облегчение придавило обратно к полу. Прислонившись спиной к одной из стен, я стал ждать. Обсмаковав драку с Зубом раз сто, я

занервничал. Начальник колонии где-то сильно задерживался. Темнота ломала, отбирала чувство реальности и привычных физических ощущений. Я как раз начал сомневаться, сижу ли я в маленькой черной комнатке или вишу в пустоте вверх ногами, когда дверь наконец-то щелкнула и отворилась.

Оказывается, я уселся как раз напротив. Пол подо мной зажегся тускло и зловеще, подсветив снизу внушительную фигуру моего гостя. Ха, да у начальника колонии любовь к театральным появлениям! На мой взгляд, это - уже лишнее: одна мысль, что я нахожусь с ним наедине в маленькой комнатке, заставляла покрываться мгновенно выступившими мурашками.

Тени ползли вверх по его мощному телу, резче обрисовывая впадины и выступы лица . От скул и до бровей все было черно, только радужки горели красным. Шрамы вместо чешуи проступили чернильными пятнами. Этому демону, для пущей убедительности, осталось только простереть ко мне металлическую длань и прогреметь:

- Теперь твоя душа принадлежит мне!

И я тут же преставлюсь. Богу, черту – кому посчастливится.

Ен смотрел на меня сверху вниз, я же силился собрать в кучу все заготовленные фразы.

- Я жду объяснений, 90-36, - нарушил он тишину.

Что-то у него было не правильное с голосовыми связками, потому что ни один представитель известных мне рас не говорил так, будто у него в горле встроен двигатель от гоночного автомобиля. От его голоса болели уши.

Я зашевелил губами, но безрезультатно – ни одного звука.

- Не слышу, - сообщил он холодно.

Я прочистил горло, сглотнул и попробовал снова:

- Мне необходимо было с Вами поговорить.

Вроде его лицо не изменилось, но мне показалось, что он озадаченно нахмурился:

- Ты драку для этого устроил?

"Отчасти", - подумал я. Все же рожа Зуба в кровавых соплях оказалась приятным бонусом. Жаль, что это был не Звуро.

- Для этого, - сказал я покорно.

- Зачем? – легкое любопытство в голосе.

- Я… Я прошу Вас дать мне свою защиту! - выпалил я.

- Чего ради? – ни одной эмоции в голосе.

- Я сделаю все, что пожелаете.

Вот собственно и все, что я мог предложить.

Я посмотрел ему в глаза с затаившейся надеждой.

- Почему ты решил, что твое тело заинтересует меня? Ты же это мне предлагаешь, так?

Я понуро кивнул, чувствуя, как рушится надежда.

- Мое тело интересует многих, - сказано это было без хвастовства, скорей как констатация факта.

Молчание согнуло меня до пола. Я вздрогнул, когда за Еном захлопнулась дверь, оставив меня снова в темноте.

И только тогда я понял, какие возложил надежды на его согласие. У меня остался один выход – самоубийство. Осознание этого заставило меня рычать и яростно бить распухшими ладонями по полу. Не хочу умирать! Не-хочу-не-хочу-не-хочу! Я хочу жить! Спокойно жить, никому не мешая, и чтобы мне при этом никто не мешал, разве я так много прошу?!

Снова клацнула дверь, и я взметнулся на ноги.

Это был не Ен.

- Выходи, - приказал конвоир.

Я вжался в стену.

- Не хочу.

Логианец вошел внутрь и дернул меня за локоть:

- Начальник приказал тебя к нему в кабинет, не осложняй себе жизнь.

У меня гора с плеч упала. Неужели получилось? Я покорно поплелся по коридорам за конвоиром.

Коридоры, ведущие к служебным помещениям, не отличались от множества других в этой колонии: бесконечное переплетение кабелей и пересечение металла, словно мы в утробе неизвестного монстра. Уже в кабинете Ена решимость стала таять. Страшно было до усрачки, иначе не скажешь. Да и не чувствовал я себя этаким соблазнителем, скорей уж - потрепанным и уставшим циником. Трудно видеть себя на коне соблазна, когда на тебе окровавленная тюремная роба, пальцы распухли и не гнутся, а на голове - тифозный ежик.

Кабинет был обставлен строго и лаконично: стол с рабочей консолью, жесткий стул, светопанели, встроенные в стены и потолок. Царство серого цвета.

Монументальная фигура Ена не позволяла осмотреться. Его присутствие в комнате, в принципе, подавляло большинство желаний, оставляя только одно: напряженно следить за перемещением опасного тела в пространстве. В данный момент это самое "опасное тело" прислонилось к столу, сложив на груди руки и уперев в меня немигающий взгляд из-под чешуйчатых надбровий. Пугающе, правда?

Охранник без лишних вопросов развернулся на сто восемьдесят градусов и покинул помещение, оставив меня один на один со своим боссом.

Я смотрел на Ена, напряженный как струна. Он смотрел на меня и был неподвижен как скала.

Секунды улетали за секундой. Ничего не происходило. Начальник колонии ждал. Только чего? Когда я заговорю или начну действовать?

- Я… - я осекся и сделал нерешительный шаг к нему.

Пойманный его тяжелым взглядом, я подошел ближе, как магнитом притянутый. Остановился в одном шаге, вскинув голову - он на голову выше меня.

- Мне противопоказан сейчас полноценный секс. Вы должны понимать. Вы знаете, что… было со мной. Но я могу… могу сделать минет. Вам понравится, - я говорил сухо и отрывисто, пытаясь загасить вспыхнувшее чувство стыда.

Ен продолжал молчать, изучая мое лицо. Нечеловеческие глаза медленно двигались, рассматривая мой лоб, скулы, нос, губы, скользнули по голой шее, а потом вернулись к моим глазам.

Вздохнув, я стал расстегивать на нем китель. Вакуумный замок поддался легко, оголив его торс спереди. Я застрял взглядом на переплетении шрамов на груди, уходящих под рукав. Вокруг вполне человеческих сосков были расположены мелкие чешуйки, красные с металлическим отливом.

У него был пупок. Прямо среди твердых пластин пресса. Это было так странно, словно бантик в горошек на шее у тираннозавра. Глядя на Ена, можно было предположить, например, что он вылупился из огромного яйца уже в том виде, в каком он стоит сейчас передо мной, или родился от волчицы, оплодотворенной петухом (или как там религиозники обозначают приход Сатаны на Землю?). Но пупок?! Пупок говорил о том, что этот монстр тоже был когда-то маленьким и защищенным утробой матери…

Я опустился на колени, завозился с замком бриджей, запустил в них руку. Чешуя блядской дорожкой от пупка уходила в пах и рассыпалась там по лобку. Член как член: большой красный и без крайней плоти, с гладкой, как обкатанная галька, чешуей у основания и на яичках, крупных, твердых и эллипсовидных. Они плотно прижимались к основанию члена, делая его таким толстым, что я не смог бы обхватить пальцами.

Прервав ненужные размышления, я лизнул головку коротким движением языка, обхватив ствол рукой, а потом посмотрел Ену в лицо. Он слегка изогнул бровь, во взгляде появилось любопытство. Я снова лизнул прохладную кожу, но уже от яичек и

вверх до конца, а потом обхватил губами.

Жесткая ладонь схватила меня за горло и заставила выпустить член изо рта. Я испуганно и непонимающе вскинул на Ена глаза. Тот нахмурился и коротко приказал:

- Открой рот.

Я подчинился. Логианец запустил туда оба больших когтистых пальца, обхватив лицо ладонями, повертел голову так и сяк, заглядывая в рот, а потом отпустил:

- Продолжай.

Я даже спрашивать не стал, зачем он это сделал. Откинув мысли прочь, я продолжил. Я старался, был усердным и терпеливым, но этот чертов хрен все не кончал. Открыв глаза, я встретил его взгляд. Никаких эмоций. Мои щеки залила краска стыда и гнева. Внезапно зрачки Ена расширились, он стиснул мой затылок здоровой рукой, брякнул: «Красный – это красиво», - и кончил кислой струей с металлическим привкусом в рот.

Я отстранился и встал. Кроме беспорядка в одежде, других признаков, что начальник колонии только что получил оргазм, не было. Даже зрачки пришли в норму.

- Завтра тебя приведут снова, - сказал он холодно и быстрыми скупыми движениями привел свою форму в порядок.

За мной пришел тот же надзиратель и увел в камеру.

***

- Дален…

- Уйди, а то уебу.

- Пожалуйста…

Я на чистых рефлексах крутнулся с бока на бок и со всей дури впечатал Клайву ногой по шее. Ярость. Внутри что-то противно пенилось и застилало глаза. Снова, как и с Зубом, мне хотелось разбить его лицо в кровавое месиво. Еле сдержал себя. Я

скоро так человеческий облик потеряю.

Клайв с трудом поднялся с пола, куда улетел с моей подачи. Вытер кровь с рассечённой брови трясущимися руками (приложился об унитаз) и посмотрел на меня затравленно. Я повернулся к нему спиной, уперся взглядом в стену.

Нижняя койка скрипнула, принимая своего хозяина. Послушный мальчик. Я очень сомневался, что смогу выслушать сейчас его оправдания, а то, что он будет оправдываться, - не вызывало сомнений. Здравый смысл подсказывал, что Везнер не смог бы помочь: все произошло с молчаливого согласия охранника. Ну, включил бы Клайв тревогу, и пытки надо мной отложились бы на время, и только. Вряд ли начальник колонии стал бы вмешиваться на тот момент - он скорей спалил бы меня в плавильной печи, чтобы не наводил смуту в рядах его трудовых лошадок.

Только дело в том, что от моего здравого смысла осталось очень-очень мало, примерно в таком же соотношении, как один нейрон ко всей нервной системе человека. В данный момент я мог только вскармливать гневом свою обиду, обвинять весь мир и рвать глотки зубами…

***

- Опа-на, какая задница, какие ножки! – сзади засвистели и одобрительно заулюлюкали.

Душ. Первый трудовой день после госпитализации. Отморозки почувствовали свою безнаказанность, здесь слухи летели со скоростью звука и все уже знали, что со мной сделал Звуро. Его не тронули, я видел эту мразь с утра на разводе в главном зале. Целый и невредимый, сука, послал мне воздушный поцелуй и глумливую улыбочку.

Я прошел между кабинок и встал в очередь в одну из них за невысоким мужиком средних лет. Гиены продолжали скалиться за моей спиной.

- Говорят, ты Зубу табло начистил, конфетка. Что-то он совсем сдал, раз позволяет бабам руки распускать.

Я проигнорировал фразу и смешки, её сопровождающие, а вот удар по заднице игнорировать не смог.

- Убери руки, - сказал я развернувшись.

- А то что? – спросил парень: длинный, жилистый, с желтыми зубами и кривым из-за давнишнего перелома носом. – Надаешь мне пощечин?

Свора вокруг загоготала. Мне резко, просто до звезд в глазах, захотелось выбить эти желтые зубы. Я и боли-то в костяшках не почувствовал, когда у придурка пошла ртом кровь.

Чьи-то крепкие руки схватили меня под локти, мне даже под дых успело пару раз прилететь, прежде чем в душевой все, как один, свалились в корчах на пол. Кроме меня. Я, прижимая руки к животу, не в силах еще толком разогнуться, стоял посреди содрогающихся тел и не мог понять в чем дело. Что это? Да неужто кара небесная?

Раздалось уже знакомое клацанье и в душевую вошел один из надзирателей. Он смерил меня пренебрежительным взглядом и сказал:

- 90-36 для вас неприкасаемый: если хоть один из заключенных нарушит это правило, то пойдет работать в сектор G.

Логианец ушел, и зеков в душевой отпустило. Они неуклюже поднимались, болезненно морщась, кто-то тяжело вздыхал, и враждебное молчание медленно затапливало помещение.

Я без очереди вошел в кабинку под тихое шипение в спину:

- Кому же ты задницу подставляешь, блядина?...

Я что-то говорил про «никогда не буду ничьей подстилкой»? По крайней мере, я сам выбрал, под кого стелиться.

***

Ен дал мне неделю. Неделю я отрабатывал свою безопасность только ртом. Дня через три я уже знал, как сосать так, чтобы он кончил быстрее. У него были очень чувствительные яйца, если их

обсасывать наравне с головкой… В начале второй недели логианец перегнул меня через стол и трахнул. Просто и без изысков. Я вытерпел первый болезненный раз, а потом приноровился расслаблять тело.

В эти моменты я был всего лишь оболочкой без чувств. У меня не было угрызений совести, ощущения грязи на теле, я не думал о себе как о шлюхе. Я даже отвращения не испытывал к происходящему, но я и не получал от этого удовольствия, ни морального, ни физического. Я просто выживал. Ен брал сполна в качестве платы: укладывал меня в невообразимые позы прямо на столе, вдалбливался и наблюдал за моей реакцией немигающими змеиными глазами.

За две недели нашего «соглашения» с начальником колонии я немного успокоился, почувствовав некоторую, хоть и извращенную, стабильность. Все просто: меня защищают, я расплачиваюсь.

С Клайвом мы почти не виделись: его перевели в другой сектор, а мне дали в напарники хмурого молчаливого парня, с которым мы и парой слов не обмолвились. Мой сосед еще с утра ускользал на построение вперед меня с печальной миной на лице, а вечером приходил ближе к отбою. Меня выворачивало от мысли, что он проводит время с Ториятом и Звуро, поэтому ограниченность нашего общения была как нельзя кстати. Одним раздражителем меньше.

***

Я дежурил в душевой. До отбоя оставалось два часа, я драил полы ультразвуковым пылесосом и нервничал: Ен не звал меня сегодня.

- А вот и моя сладкая девочка.

Я резко развернулся на голос, выставив трубу пылесоса перед собой.

Звуро медленно двинулся ко мне от двери, наблюдая за мной исподлобья.

- Скучал, птичка? – хнурт нехорошо оскалился.

Я сглотнул всухую. По всей колонии распиханы камеры слежения, нас увидят и меня обязательно избавят от его общества. Очень на это надеюсь.

- Отвали, - выдавил я хрипло.

- Боишься? – Звуро остановился так, чтобы я не достал до него своим «оружием». – А почему? Мы ведь так хорошо друг друга поняли. Разве нет, птичка?

Он насмехался надо мной, но сквозь налет насмешки чувствовалась злость. И я действительно его боялся, меня уже ощутимо потряхивало.

- Мразь. Оставь меня.

- Убери свое оружие, а то страшно до дрожи, - он ткнул черным когтем в сторону трубы, а потом резким быстрым движением выдрал её из моих рук, а в следующую секунду я уже задыхался в его жесткой хватке.

Звуро болезненно вдавил меня лопатками в душевую кабинку, я до онемения в пальцах вцепился в лапу на своем горле, пытаясь отпихнуть его ногой.

- Я не люблю, когда у меня вещи воруют, - зашипел он, - кому ты зад подставил, чтобы обеспечить себе защиту? Господину начальнику?

Я хрипел и вырывался, молотил ботинком куда придется, но хнурт будто не замечал боли.

- Он натрахается и выбросит тебя! - выплюнул Звуро мне в лицо. – И тогда я научу тебя уважать хнуртов!

Тут его тряхнуло, он на мгновение сжал мое горло еще сильнее, а потом выпустил.

Я свалился помятой кучей на пол, кашляя и пытаясь восстановить дыхание. Хнурт потемнел, его серая кожа стала почти графитной. Он напряженно выдохнул, окатил меня полным ненависти взглядом и свалил.

Комм на руке пискнул и над ним выскочил голоэкран. Надзиратель окинул меня оценивающим взглядом, а потом сказал:

- Начальник ждет.

Экран свернулся.

Я наконец-таки справился с дыханием, потер саднящую шею, глянул в раздевалке в зеркало на красные пятна, опоясывающие её, и пошел платить по счетам.

***

- На этом все.

- Что? – не понял я.

- Мне надоело. Ты как секс-дроид. Секс-дроидов я не трахаю.

Вот так меня огорошил господин начальник колонии, когда я вошел в его кабинет.

Оглушенный новостью, я моргнул раз-другой, а потом зарычал, сам себя не узнавая:

- Вы что, сговорились? Что я должен сделать еще, чтобы тебе было хорошо? Станцевать стриптиз? Да на, пожалуйста!

Я с остервенением скинул с себя один ботинок, потом другой, принялся срывать комбез. Ен облокотился о стол, спрятав пол-лица за сцепленными кистями рук, фиолетово-красные глаза не пропускали ни одного моего движения.

- Так пойдет? – я вызывающе двинул бедрами, стянул с себя майку и резко провел от паха до сосков, сжал их до боли, снова вернулся к паху и смял в горсть. – Ты говори, не стесняйся!

Я продолжил разъяренный стриптиз, стянул казенные трусы и швырнул их Ену в лицо. Он поймал тряпку рукой и так и оставил висеть резинкой на пальце. Меня взбесило его хладнокровие.

- Ну, что ты таращишься?! Не нравится?! А что тебе нравится?!

Я повернулся к нему спиной, встал на четвереньки, развел широко ноги и прогнул спину.

- А так?! Так нравится?! – крикнул я из-за плеча. – Извини уж, но отсосать, чтобы встал, я сам себе не смогу!

У меня, кажется, даже пена изо рта пошла.

Пара клацающих шагов и меня подорвало на двухметровую высоту. Боль от стальной хватки на ребрах быстро заглохла от страха, что меня сейчас просто выкинут за дверь как есть и хорошо, если живым.

Входная дверь замаячила впереди, но нас разделяли теперь стол с консолью и кресло Ена. Я услышал шипение открывающейся двери и меня пронесли сквозь одну темную комнату в другую и бросили на кровать.

Я настороженно замер, наблюдая за Еном снизу вверх: он раздевался, снимал с себя полностью все. Первый раз за наш двухнедельный «адюльтер». Я окинул его взглядом, открыв рот от удивления: его тело без одежды вызывало смесь восхищения и ужаса. Одна рука была полностью протезирована черно-красным девонием, и на стыке с плечевым суставом словно вплавлялась в красноватую кожу, частично перетекая к шее и подмышке. С этой же стороны мускулистый бок был весь испещрен шрамами, которые охватывали и часть твердого сильного бедра. Ена словно киборгом создали: невероятное совершенство мускулов и костной структуры, необходимое для смертоносного оружия.

- У тебя стоит.

- А? – я моргнул и посмотрел ему в лицо.

- У тебя стоит, - повторил он и впервые ухмыльнулся мне, показав острые зубы. И я поплыл, потому что это был тот тип улыбки, перед которой я беззащитен: тонкая хищная, кривая, оставляющая сухую складку возле уголка губ и еще одну - на щеке, этакий суровый вариант ямочки.

Ен склонился надо мной и медленно обхватил здоровой

рукой мой затвердевший член. Я затаил дыхание, такая непосредственная близость когтей будоражила, впрыскивая адреналин в кровь. Металлическая ладонь уперлась мне в грудь и опрокинула на спину, да так и осталась, прохладной тяжестью. Немного шершавый язык, прошедшийся от яиц к головке, стал неожиданностью, скрутившей низ живота судорогой. Тепло потекло от паха к пупку и бедрам. Я дергался и что-то вякал нечленораздельно, пока Ен меня вылизывал, каждое грубое прикосновение языка было на грани, мне хотелось и уползти от него, и втолкнуться в его рот глубже. Только он не брал глубоко, а просто лизал, слегка царапал и прикусывал кожу вокруг, а я, распластанной звездой на мягком покрывале, стонал, содрогался, закусывал губы, зачем-то гладил черно-красный металл руки на своей груди.

Я почти кончил, но Ен заставил меня перевернуться на живот и встать на четвереньки. Мой недовольный ропот перешел в восторженные междометия, когда его наглый и любопытный язык прикоснулся к моему анусу, прошелся вверх-вниз, возбуждая и раздражая и без того жаждущую плоть. Я уткнулся лицом в короткий мех под собой, оттопырил зад, развел шире ноги, мол: "на, бери на здоровье!" - и застонал глухо и протяжно, когда скользкий язык ввинтился внутрь. Я, кажется, начал раскачивать задницей влево-вправо, как зачарованная кобра головой, и получил резкий и неожиданный укус в ягодицу.

- Черт!

Не успел я высказать претензии, как меня сгребли в охапку, бесцеремонно проволокли по одеялу и ткнули лицом в изголовье - каменное и резное.

- Держись, - сказал он мне на ухо и положил одну мою руку на прохладный выступ.

Я испуганно вцепился пальцами в камень, попытался обернуться, но твердая рука зафиксировала голову.

- Не смотри.

А потом меня словно вывернуло наизнанку от тягучего, густого, обжигающего удовольствия. Ен с гулкими шлепками вбивал меня в кровать, нависая огромной тенью, дышал в ухо, лизал шею, намечал укусы, так и не сжав челюсти.

Я потерялся, растворился в его мощном напоре, заскулил, хватаясь онемевшими пальцами за изголовье. Мне стало жарко, ладони взмокли и заскользили по гладким выступам. Я подался назад: желание получить больше было нестерпимым. И Ен дал мне больше. Схватив меня поперек живота здоровой рукой и упершись в одеяло металлической, он начал засаживать до конца, вместе с прижатыми к стволу яйцами. Я стал хрипеть, хватать воздух открытым ртом. Меня выворачивало от кайфа. Словно стержень вытащили, и я уже не мог держать собственное тело, прижался полыхающей щекой к прохладной металлической руке, а потом кончил с хриплым стоном и судорогами.

Приглушенный рык, мощный толчок бедер - и Ен свалился рядом, так и не вытащив из-под моей щеки свою руку. Я медленно приходил в себя, чувствовал его учащенное дыхание затылком и слушал, как тихо гудит под ухом протез. А потом уснул.

Глава 5

Не могу долго спать в незнакомом месте: скорей всего, и пятнадцати минут не прошло, как я уже проснулся. Я все еще лежал головой на руке Ена. Прямо перед моим лицом бугрилось стальное предплечье, переходящее в расслабленную кисть с острыми когтями. Медленно, словно ожидая протеста или, наоборот, одобрения, я поднес руку к протезу и указательным пальцем провел от локтя до кисти. У меня сложилось впечатление, что прикасаюсь к чему-то живому, а не искусственному: металл казался живым, хоть и прохладным. Под красной в черных разводах «кожей» находились «металлические» мышцы и кости. Скорей всего, это - какой-то биосплав, и сам протез полностью нейросинхронизирован с периферической и центральной нервными системами. Это - очень тонкая и ювелирная работа нейроконструктора и нейрохирурга…

Проведя подушечкой пальца по внутренней стороне «искусственной» ладони, я почувствовал прочное эластичное покрытие из множества мелких упругих ворсинок: так и есть, его ладонь наверняка чувствительней настоящей…

Я шарахнулся назад, едва успев убрать руку - когти быстро и звучно лязгнули друг об друга. Вскинув глаза, я увидел невозмутимое лицо Ена.

- Одевайся, - сказал он.

Меня буквально сдуло с кровати.

- Вещи, вещи, где мои вещи? – забормотал я себе под нос, лихорадочно и слепо шаря по комнате взглядом. Что-то нервы пошаливают: напугался до усёру.

- Они в кабинете, - подсказал Ен.

Ах да, точно. Я направился в кабинет, бросив на любовника косой взгляд – его голос мне показался странным, не таким безразличным и отстраненным, как обычно.

Нет. Показалось. Лицо все такое же непроницаемое. Только вот мое былое безразличие дало трещину: вид голого и развалившегося на широкой кровати Ена заставил сжаться внутренности отголоском прошедшего оргазма.

Черт! Не хватало еще впасть в зависимость от траха с ним.

Пока я возился со своей одеждой, начальник колонии появился в кабинете полностью одетый и вызвал дежурного офицера. Я усилием воли сдержал себя, чтобы не бросить прощальный взгляд на его затянутое в форму тело.

Мое пребывание в колонии разделилось на две ежедневные фазы: рудники и изматывающий, размягчающий кости в кашу, секс. В тот раз Ену удалось повернуть внутри меня какой-то тумблер, выпустив мою сексуальность на свободу. Даже с Мэтью я не был таким раскрепощенным, как с этим логианцем. Я беззастенчиво оголял перед ним любую часть тела, принимал любую позу, сам себе дрочил ему на потеху и трахал себя пальцами, раскинув ноги или выставив перед ним зад. И Ен после этого драл меня так, что от нас искры летели, а я стонал и кричал, царапал его, кусал, облизывал, обсасывал… Я впал в зависимость не только от секса с представителем инопланетной расы, я подсел на самого Ена.

Плохо дело. От слова «совсем».

****

Красные чешуйки были гладкими и прохладными, мне нравилось обводить их пальцами, пока я лежал, тесно

прижавшись к его боку. Такое случалось очень редко, и я особенно ценил эти минуты, когда он подгребал меня к себе огромной лапищей и отключался минут на пять-десять. Впервые он позволил себе так вырубиться спустя месяц, как привел в свои комнаты. Помню, я очень удивился, когда он обнял меня, прижал к себе и уснул. Лицо у него стало безмятежным и открытым, линия рта утратила суровость, и тонкие губы стали соблазнительными. Я отчетливо понял, что Ен ни разу меня не целовал, но пользоваться моментом было страшно: мало ли, возьмет и снесет мне когтями полголовы спросонья.

Я привык к логианцам, и Ен мне теперь казался привлекательным: мелкие чешуйки цвета запекшейся крови складывались в красивую форму бровей, огибая глазницы возле висков, после они переходили в ярко-красные и сползали на скулы, высокие и более острые, нежели у хомо сапиенсов. Нос с тонкой переносицей, горбинкой и красивыми узкими ноздрями… и если он откроет раскосые глаза, я увижу фиолетово-красный взгляд под тяжелыми веками и прямыми черными ресницами.

Я заметил, что чешуйки на его теле в большей степени концентрируются на груди вокруг сосков и спускаются от пупка к лобку. Это - аналог человеческой растительности? Если так, то почему у него голова покрыта волосами, а не чешуей?

Интересно… где бы взять историю эволюции логианцев на межгалактическом?

Отпущенное нам мирное время истекло – Ен ослабил хватку и тяжело вздохнул. Я выскользнул из-под его руки и встал, чтобы одеться.

Через пять минут за мной придут.

Застегнув ботинки, я разогнулся – вот он, холодный фиолетово-красный взгляд. И я не могу прочитать его: от попыток понять, что за ним кроется, у меня кружится голова.

***

И снова умопомрачительный секс. Секс. Секс. Секс. Ничего больше.

Я так больше не могу! Мне необходимо общение. В колонии я - персона нон грата, со мной больше не разговаривают и обходят стороной. Я не жалуюсь: меня это устраивает, но так я вскоре человеческую речь забуду, если не считать пары фраз, которыми нам приходиться обмениваться с напарником, то в будущем я буду оперировать лишь несколькими словами: "быстрей", "сильней", "еще", "глубже" и "ааа".

Печально.

Так уж получилось, что господин начальник колонии - единственный близкий мне человек… во всей Вселенной.

Еще печальней.

Я знаю, что нельзя позволять себе привязываться к нему, это - непростительная ошибка. Только я не железный: его руки меня ласкают, его язык испробовал каждый миллиметр моей кожи, тяжесть его тела вызывает у меня вспышку вожделения… И каждый раз я слышу что-то вроде: «наклонись», «выше бедра», «шире ноги».

Совсем беспросветная печаль.

***

Десять минут назад просигналили отбой, и я уже находился на гране яви и сна - голова была как в тумане, а тело свинцовым.

- Дален?

Нет, Клайв, я все еще не горю желанием слушать твои оправдания.

- Будь осторожен: Звуро в ярости, Торият каждый день вправляет ему мозги… безрезультатно.

Больше он не сказал ни слова. Я пялился в темноту еще пару минут и все же отрубился с неприятным ощущением неизбежного.

***

Сегодня нас с Джу Йонгом (моим хмурым необщительным напарником) отправили в другую шахту на новый участок. Я уже привык к этим ало-неоновым кавернам, но за все время, проведенное в подземельях, так и не увидел ни одного представителя местной фауны. Нам объясняли, что перед тем, как позволить зекам спуститься в шахты и запустить туда рабочую технику, местную живность эвакуируют в другие районы, чтобы экосистема самого Лога не страдала.

- Не отвлекайся, - буркнул Джу Йонг, указав на кучу ненужной руды.

Я моргнул и направил погрузчик к этой куче – нам предстояло разработать жилу драгоценного девония. Драгоценная руда пряталась глубже и была мельче промышленной. Только я ухватил щупами первую глыбу, как раздался грохот осыпающихся камней и угрожающий рокот. Землетрясение?

Начался хаос, из глубин шахты бежали зеки, ужас и паника охватила наш маленький мирок за считанные секунды.

- Что происходит?! – крикнул я, но остался без ответа.

Я выбрался из погрузчика и был тут же сбит с ног, мне пришлось перекатиться и забиться между ходулями машины, чтобы не затоптали. Мгновеньем позже шахту сотряс взрыв со стороны входа. Замуровали.

- Нет! Выпустите нас! Суки! – душераздирающие крики заключенных потонули в громогласном рыке нескольких звериных глоток.

Воцарилась тишина. Затаив дыхание, я наблюдал, как из темноты пещеры появляются монстры. Исполины. Это были сплошь мышцы, шипы и клыки. Пестрые, как райские птички, смертоносные, как адова армия.

- Ящеры…- прошептал кто-то обреченно.

Всё. Тишина взорвалась истошными воплями, рыком, скрежетом падающих опор и грохотом обваливающейся породы.

Меня завалило со всех сторон, я, при всем желание убежать, был обречен видеть, как эти твари рвут людей, слышать, как

ломаются кости, булькают и хрипят разодранные глотки… Во мне забурлил страх, горло сдавило спазмом, я не мог закричать, не мог двинуться, я просто наблюдал за кровавой бойней, пока один из ящеров не оказался со мной «лицом к лицу». Я видел каждую яркую чешуйку на его морде, видел, как раздуваются ноздри и чувствовал прохладное дыхание на своей коже. Я знал, что сейчас будет, он просто выковыряет меня из каменно-стальной скорлупы и сожрет. Но прежде, чем это случилось, шахту снова дернуло толчком, заскрипел погрузчик… и мир почернел.

- …ен! Дален! Дален, очнись!

Ен? Мне чудится?

Острая боль в затылке заставила меня застонать.

- Жив.

Я разлепил веки и увидел над собой Ена. Боль в затылке была не только от удара по голове, но и от мертвой хватки его когтей в моих волосах.

- Эй, полегче… - проскулил я.

- Идти сможешь? – он проигнорировал мои слова и хватки не ослабил.

- Отпусти и узнаем…

Его рука выскользнула из моих волос, я поднялся на подгибающихся ногах и осмотрелся: в шахте не осталось ни одного монстра, только изуродованные тела заключенных. Завал вокруг меня расчищен и всё покрыто инеем…

- Откуда здесь снег?

- Идем, - это весь ответ на множество вопросов.

Я шагнул вперед - и все вокруг закружилось и замелькало, меня вывернуло, и мир снова погас.

***

Голова трещала, и размерное попискивание медицинских приборов раздражало. Я открыл глаза и медленно повернул головой. Знакомый бело-серебристый блок.

- Смотрю я на тебя и думаю: чем же ты зацепил дайина, что он сделал то, что сделал?

- Кто такой «дайин» и что он сделал? – я аккуратно повернул голову в ту сторону, откуда доносился голос Тришер. Логианка сидела на табурете в изножье моей больничной койки.

Она изучающе прищурилась:

- Начальник колонии. Нарушил табу нашего народа. Заморозил из фризера жертвенную территорию арагхалов, отпугнув и оттолкнув от трапезы. Арагхалы не переносят холод: на нашей планете нет подобных температур, они для нас смертельны.

- Какое табу?

- Никогда не оспаривать добычу арагхала. Всё, что он выбрал, является добровольной жертвой Богу. Арагхал - наш прародитель, первый из Всего Сущего, Он – это Мы, Мы – это Он.

- Даже если он сожрет ваших детей, жен, мужей, родителей?

- Даже если…

- Бога ради, вы же не в каменном веке живете! И даже не в средневековье!

- Как бы то ни было, но это - наша вера. Наш народ давно нашел способ избегать подобных встреч, но если она неизбежна, то нужно покориться Богу и стать жертвой ему.

- Не самая радужная перспектива.

- Знаешь, что говорят про дайина? Пока он находился на реабилитации, залечивая ранения, полученные во время войны, на его рохаэ и двух отпрысков напал арагхал… Рохаэ принесла Богу Сущего эту жертву, хоть сама и осталась жива. Дайин сбежал из реабилитационного центра в ту же ночь, когда узнал о случившемся, а когда его нашли в их доме, то рохаэ была уже

мертва.

У меня пересохло во рту, еле разлепив запекшиеся губы, я прохрипел:

- Он убил её?

- Нет, она сама убила себя. Правда, не все в этом уверены.

Я прикрыл глаза, в черепе нарастала боль, мешая обдумать информацию. Наш начальник колонии потерял многое, но почему он не позволил простой подстилке, вроде меня, стать жертвой священному животному? Кто я для него?..

***

Тришер выпроводила меня из медблока через пару дней, я был абсолютно здоров и полон желания увидеть Ена, сказать: "спасибо", - и, может быть, задать вопрос: «Почему?». За эти два дня я узнал от неё про нашего начальника столько, сколько мне не довелось узнать про него за все время пребывания в колонии.

Дайин армии Дэали - Маршал Императорской Армии.

Герой последней междоусобной войны, потерявший в сражение руку и сложивший свои полномочия после смерти семьи.

Я просто безумно хотел его увидеть, посмотреть в глаза, прикоснуться к широкой груди, расстегнуть клапаны на форме и перецеловать каждую чешуйку на его теле…

Откуда это желание, что это за чувство полного подчинения? Я хочу, чтобы он был моим, не просто тем, кому я подставляюсь ради защиты, а моим в самом собственническом смысле этого слова.

Тришер выпустила меня в семь утра, поэтому до четырех дня я слонялся по «казематам» без дела, зашел в библиотеку, почитал теософию Лога в переводе на единый и нашел подтверждение словам Тришер о жертве Богу: «Если ты повстречал посланца Божьего, то сломи свое сопротивление Его воле, ибо Он выбрал тебя для жизни вечной в Своих чертогах. Убеди Его через боль и

муки, что достоин стоять перед Взором Творца Всего Сущего».

То, что сделал ради меня Ен приравнивалось к Высшему Греху, раньше за него светила смертная казнь, но, как я заметил до этого, логианцы и вправду давно отошли от средневековья, поэтому Ену грозит всего лишь стать изгоем, а если считать, что колония является территорией Союза, то он отделается молчаливым осуждением. Думаю, он это переживет.

К четырем часам дня я ушел в свою камеру, прожигаемый взглядами надзирателей. Ох, не к добру они так «страстно» на меня смотрят…

- Ну здравствуй, Птичка.

Я дернулся на койке, услышав ненавистный голос.

- Что ты здесь забыл, Торият?! – зашипел я, покрывшись мурашками.

- Давай притворимся на время, что между нами все радужно, - ухмыльнулся он, показав клыки.

- Черта с два между нами "радужно"!

- Выслушай его! – зашипел уже на меня Клайв, появившись из-за спины Ториата.

- Вы ведь не уберетесь отсюда? – они вдвоем заслоняли дверной проем и я оказался в ловушке.

- Послушай, Птичка, - начал спокойно хнурт, - Звуро не отступится от своего: ты ведь знаешь нашу репутацию во всех союзных галактиках – что наше, то наше, даже если это не принадлежит нам по праву, и чем сильнее наш противник, тем больше это нас заводит. Он знает, что ты спишь с орх Даганом, и это знание приводит Звуро в неистовство, его ничто не остановит. Он возьмет тебя, пометит тебя, что будет вызовом самой крупной шишке в этой колонии. А когда наш начальничек убьет моего брата, моего сородича (а он убьет этого дурака без сомнения), я выпотрошу тебя.

Клайв вздрогнул и не моргая уставился на хнурта.

- Это угроза? – спросил я, рассмеявшись. – Получается я просто жертва обстоятельств, как не крути мне - жопа?

- Это предупреждение. И да, как не крути, тебе – жопа.

Прекрасно…

Я был у Ена к семи вечера. Он встретил меня в своем кабинете, сидя за столом и умудряясь быть еще неприветливей, чем обычно. Это меня не оттолкнуло, не сейчас и никогда больше. Я был зависимым от него, он был для меня теперь всем, и я хотел его всего. Никогда ранее я не испытывал подобных чувств, никогда и ни для кого я не хотел быть всем миром. Глядя на этого мужчину, я понимал, что хочу быть его миром.

- Привет, - сказал я осторожно.

Темная бровь изогнулась: легкое подобие недоумения и презрения, полагаю.

- Вижу, ты в норме, - произнес Ен.

- Чувствую себя живее всех живых, спасибо, - ответил я, приближаясь к нему.

Ен молча наблюдал, как я подкрадываюсь, словно к дикому животному, одним движением ноги он развернул стул от стола так, чтобы я смог к нему подойти вплотную.

- Я хочу тебя.

- Действуй, - лаконично заключил он.

Да, я хочу его до одури, до трясущихся рук и пересохшего горла. Хочу. Хочу. Хочу. Я склонился над ним, расстегивая клапан сверху вниз, я стал целовать каждый оголившийся участок красноватой кожи, опустившись на колени, я стал дразнить его не давая желаемого, согревая головку дыханием, слегка прикасаясь кончиком языка.

Ен схватил меня подмышки и вздернул на уровень со своим хмурым и злым взглядом, а потом перекинул через плечо и широким шагом направился в спальню. Я рассмеялся так, как давно уже не смеялся. Легко и непринуждённо.

Он кинул меня на кровать и буквально вытряхнул из комбеза и берцов, белье порвал в хлам, а затем быстро разделся сам и сел посреди кровати, откинувшись спиной на подголовник.

- Работай, - приказал он.

- Да, мой Господин, - отозвался я, ухмыляясь, что вызвало ответную, с легкой тенью самодовольства улыбку.

***

Это случилось через неделю после того, как я вышел из лазарета. Ена не было слишком долго, я начал волноваться, в голову стали лезть непрошеные мысли, что он просто забыл про меня, а значит, секс-игрушка наскучила и прощай мой неприкосновенный статус.

Чтобы задушить в себе неприятные, на грани паники чувства, я стал ходить по его комнате взад-вперед. Сначала я просто слонялся без дела, ничего не трогая, стараясь не думать вообще, просто что-то напевал себе под нос, стучал ладонями ритмично по бедрам, и результатом такого вот тотального «недумания» стала мысль, что я не мог ему надоесть в свете того, что он вытворял со мной в прошлый раз. Тут в мою пустую голову стукнула идея – заглянуть в тот шкафчик, откуда Ен доставал свои «игрушки». Ну, просто так, чтобы вспомнить.

Я запомнил тогда код и нажал всплывшие в памяти символы, панель бесшумно отъехала и перед моими глазами появились полки шкафа. На уровни глаз находилась полка с теми самыми игрушками, от одного взгляда на которые у меня под пупком стянуло отголоском прошлого оргазма. Нет, это был даже не отголосок, а шепот отголоска, но все равно весьма ощутимо. Я мечтательно провел пальцами по всему развратному инструментарию и предвкушающе вздохнул. Для меня наши встречи давно перешли из разряда необходимой и малоприятной повинности в желанные и с трудом ожидаемые. Порой даже терпения не хватало, один раз уже собирался сам к нему ломиться.

- Да-а, стыд и позор тебе, Дален Эро, - резюмировал я, а губы растянулись в улыбке, противореча словам.

Просто удивительно, что в этой чертовой колонии единственным светлым пятном для меня стал её начальник. А все потому, что Ен умел быть… внушительным.

Оставив наконец-то чудо порнографии в покое, я наклонился, чтобы посмотреть, что же на нижних полках: вдруг он приготовил для меня что-то из ряда вон. Пробежавшись взглядом по содержимому, я не нашел ничего представляющего для меня интерес, кроме небольшой прямоугольной коробочки…

Вот говорят, что любопытство не порок… Нет, конечно – не порок, его нужно приравнять к смертному греху.

В шкатулке оказался цифровой проигрыватель и несколько фотографий старого земного образца. Таких плёночных фотоаппаратов давно не выпускают, это - уже раритет.

Ен.

На всех фото только Ен, но фотографировал его явно близкий человек. Близкий и любящий. И любимый.

На первой фотографии Ен в строгом кителе - отличающимся покроем и цветом от того, что он носил в колонии, - сосредоточенно рассматривал голографию ландшафта Лога. Четкий хищный профиль, неизменный конский хвост. На второй он хмуро и отстранено смотрит в объектив, на лице еще нет ни одного шрама. На третьей он улыбается этой своей кривой усмешкой, от которой по телу проходит дрожь, только без шрамов на лице она выглядит иначе – одуряющей, обещающей, волнующей…

Я сглотнул ком в горле и взглянул на последнее фото. Ен стоит вплотную к фотографу, в объектив попали только глаза и то по диагонали… Его взгляд, он такой, что я готов был сам уже раздеться...

Я спрятал фото обратно в шкатулку и повертел в пальцах проигрыватель. А, чем черт не шутит? Я нажал кнопку воспроизведения и передо мной появилась полупрозрачная, время от времени вздрагивающая от помех фигура.

…Её внешность была довольно экзотичной на земной вкус, но проведя столько времени среди логианцев и находясь в тесном контакте с одним из них, я научился понимать их красоту. Тоже на свой, земной, лад. Их женщины, судя по тем, которых мне довелось увидеть, не сильно уступают в росте и физических параметрах своим мужчинам: они чуть изящнее, грациознее, но ключевое слово «чуть», если не знать, что искать, то можно подумать, что перед вами - миловидный юноша на пороге возмужания. Наверное, поэтому на Логе нет гендерных различий и дискриминаций по половому признаку – их женщины равны мужчинам.

Женщина на голограмме была яркой и красивой, высокой, поджарой, как молодая кобылица, она медленно подкрадывалась к небольшому валуну, покрытому ярко-сиреневыми, голубыми и желтыми симбионтами (я не знал, что они могут быть таких вырви-глаз расцветок), вся её поза говорила, что она охотится. Одним рывком она перескочила валун и совершенно по-варварски, перекинув через оба плеча двоих детей, появилась на

голограмме снова. Запись почему-то не воспроизводила звук, но хохочущие лица малышей говорили сами за себя…

- Кто тебе разрешил?

Я застыл на месте. Фраза вымораживала нутро ледяным тоном. Медленно развернувшись к Ену, я почувствовал, как вся кровь отлила от лица. Он никогда не смотрел на меня так, словно готов убить меня без колебаний прямо сейчас. Ен протянул руку, и я молча положил туда проигрыватель, едва успев отдернуть пальцы от лязгнувших когтей.

- Я…

- Пошел вон. – Отрезал он.

- Но я…

- Пошел вон! – громогласный рык, бешеный взгляд и стертый в пыль проигрыватель.

Я выскочил из его кабинета, как ошпаренный. Я ведь не знал, не хотел… Мне никогда не стать его Миром, пора бы уже проснуться, я всего лишь забавная подстилка.

Прошел день. Второй. Третий… Я снова драил полы в душе, когда комм сработал и всё тот же надзиратель, что и всегда, заявил:

- Господин начальник колонии ожидает тебя в своем кабинете.

- Премного благодарен за такую чудесную весть, - съязвил я.

Ответом мне был хмурый взгляд из-под изумрудных бровей.

Я шел в его кабинет, пытаясь унять бьющееся в горле сердце. Что он скажет? Что он сделает? Переживет ли моя голова сегодняшний день?

Дверь в кабинет закрылась за спиной, но Ена здесь не было. Панель в спальню была убрана. Это приглашение? Я направился вглубь его комнат. Полная тьма медленно озарилась алым светом, поднявшиеся жалюзи открыли панорамное окно во всю

стену.

- Подойди, - сказал Ен, стоявший на фоне красного заката Лога.

Что он задумал?

- Я хочу, чтобы ты увидел явление, которое бывает на нашей планете раз в год.

Я удивленно взглянул на него, приблизившись вплотную. Ен не смотрел на меня, устремившись взглядом на горы и пыль планеты. Я оторвал взгляд от его профиля, освещенного алым, и увидел багрово-красные облака, озарявшиеся яркими вспышками молний. Неоново-кровавые изгибы, похожие на артерии человеческого тела сверкали в клубящихся и рокочущих тучах. Одна искра сорвалась и полетела вниз, за ней - другая… Множество косых огненных «капель» обрушилось на иссушенную землю Лога.

Огненный дождь.

Я завороженно прикоснулся ладонями к стеклу, ощущая его тепло, почти жар. Так красиво.

Взгляд Ена был тяжелым, требовательным, ожидающим. Повернувшись к нему лицом, я понял все без слов. Это был способ извиниться.

Глядя ему в глаза, я стал медленно расстёгивать комбинезон. Когда последняя вещь слетела на пол, Ен сделал нетерпеливый рывок в мою сторону .

- Разденься, - опередил его я.

Я хотел чувствовать его всего - каждый изгиб его тела, его жар, его страсть. Обнаженный Ен подхватил меня под ягодицы и прижал спиной к окну, и наши лица оказались на одном уровне. Я блуждал взглядом по демоническим чертам, пока не остановился на губах. Словно прочитав мои мысли, Ен приблизился вплотную, опалив горячим дыханием. Мы не двигались, наслаждаясь моментом. Последующий поцелуй был уверенным, жестким, жарким и влажным. Я не стал сдерживать блаженного стона, открываясь ему. Ен оторвался от моих губ, посмотрел

прищурившись.

- Ты!...- произнес он нетерпеливо.

- Я - чт?.. – мои слова перешли в протяжный стон, потому что Ен без промедления насадил меня на себя, зарывшись лицом мне в шею и возбужденно рыкнув.

То, чем мы занимались в данный момент, не было простым совокуплением, вызванным похотью, - это была жажда. Жажда чего-то большего.

Я зарылся пальцами в его распущенные волосы, дикой гривой упавшие на лицо, и заставил взглянуть на себя.

- Еще, - прошептал я ему в губы. Глаза Ена горели красным, он, как всегда, криво улыбнулся и накрыл мои губы своими, одновременно вбиваясь в меня глубже.

Все вокруг померкло, остались только мы и огненный дождь позади.

Глава 6

Погрузчик знакомо и успокаивающе гудел, мои движения были заученными и автоматическими. Вот уже несколько дней мне не давало покоя чувство необъяснимой тревоги: по непонятным причинам меня бросало в жар, а через минуту уже бил озноб. Порой я просыпался среди ночи с выскакивающим из груди сердцем, покрывшись липким потом. Сначала я списывал свое самочувствие на угрозу от хнуртов, но когда я сталкивался со Звуро воочию, ничего, кроме омерзения, не испытывал. Я не понимал, что со мной происходит…

Чудом выживший в прошлый раз Йонг старательно работал киркой, сваливая руду в сторону. Когда куча значительно выросла, я взялся перетаскивать её к конвейеру. Уже на подходе к быстро движущейся ленте меня скрутил приступ, я выпустил рычаги управления из обеих рук и схватился за живот: если бы не узкая кабина погрузчика, я свернулся бы на полу. Воздух вырвался сквозь стиснутые зубы, испарина покрыла лоб, а в районе пупка и ниже боль была такой, словно меня резали по живому.

Когда она отступила, я осторожно выпрямился, утер влажное лицо ладонью и аккуратно вдохнул полной грудью. Чтобы не

привлекать к своему состоянию лишнего внимания, я взялся трясущимися руками за рычаги и принялся собирать выпавшую из щупов руду. Джу Йонг посмотрел на меня вопросительно, увидев мое бледное лицо и болезненную испарину на висках. Я показал ему знак «Ok» и продолжил свою работу.

Ена не было неделю, поэтому мое состояние оказалось незамеченным: я не стал обращаться к Тришер в надежде, что все пройдет к его приезду. Не прошло. Когда я подходил к его кабинету, то все мое существо противилось к соитию с ним. Меня мутило, низ живота ныл и тупая боль требовала полного покоя.

- Где ты был? – спросил я, после того, как входная панель закрылась за мной.

Ен не ответил, его взгляд настороженно пробежался по моей фигуре, ноздри расширились, с шумом втянув воздух.

- Что такое? – в свою очередь насторожился я.

Он снова не ответил, медленно поднялся из-за стола и стал подкрадываться ко мне. Хищные зрачки расширились во всю радужку.

- В чем дело? – в моем голосе появился страх, сердце бешено застучало.

Я прижался спиной к двери, когда Ен подобрался вплотную и уткнулся носом в мою шею. Тихий рокочущий звук из его горла заставил сжаться все мое нутро. В следующее мгновенье меня швырнули на стол. Ен с легкостью разорвал на мне одежду и подтянул к себе, рванув клапан на форменных брюках.

- Ен! – взбрыкнул я. – Я не хочу!.. Не могу! Пусти!

Он не слушал меня, вернее, не слышал, экзотичное лицо превратилось в маску зверя, Ен с рычанием ворвался в меня и больше не реагировал на мои мольбы. Меня разрывало, пах горел огнем, кишки прошивало острой сталью, все тело била судорога. Я несколько раз терял сознание от боли и от неё же приходил в себя. Когда все закончилось, я свернулся на столе в клубок и тихо заскулил. Ен навис надо мной, хрипя и пытаясь отдышаться.

- Что с тобой? – наконец спросил он.

- Что с ТОБОЙ?! – пролаял я осипшим голосом.

- Не знаю, - ответил он с легкой нотой удивления в голосе. – У тебя кровь.

Я знал это. Я чувствовал, как она вытекает из меня вместе с его спермой, острый металлический запах врывался в ноздри с каждым судорожным вдохом.

- Тришер, зайди ко мне, - напряженно сообщил Ен в коммуникатор.

Кровь шла не только с ануса, она вытекала и из уретры.

- Я не могу понять в чем дело, - бубнила Тришер себе под нос, делая мне сканирование внутренних органов и малого таза. – Наружных повреждений сфинктера нет, мочевой не поврежден, просто вся твоя слизистая, расположенная ниже пупка, воспалилась и кровоточит.

- Просто замечательно, - сказал я, чувствуя себя выжатым и безмерно уставшим.

- Почему ты не остановился?! – рявкнула логианка на Ена, развернувшись к нему на стуле.

Начальник колонии смерил её взглядом.

- Он в норме?

- Не знаю! Может быть! – с вызовом произнесла Тришер.

- Наблюдай его, - приказал Ен и вышел.

- Какого хрена?! – возмутилась она, повернувшись ко мне.

Правда, какого?

Я провел под наблюдением Тришер всю ночь. Кровь перестала вытекать из всех дыр, и с утра я чувствовал себя хорошо. Со словами: «я буду за тобой присматривать», - тюремный врач снова выпустила меня на свободу.

***

Ен не вызывал меня две недели, я видел его только с утра на построениях и во время обеденного обхода. Вначале третьей недели между анусом и мошонкой набухла кожа. На следующий день она лопнула и запачкала сгустками крови мое белье. Я, наконец-то, понял, что творится с моим телом.

Спасибо тебе, отец… Огромнейшее, мать твою, спасибо!

***

- Дален, - обратился ко мне отец с ноткой пафоса в голосе, - сегодня тебе исполнилось четырнадцать - пришло время открыть тебе тайну твоего рождения.

Я застыл с поднесенной ко рту ложкой, в которой был кусок именинного торта. По обыкновению, мой день рождения мы справляли только вдвоем. Отец всегда говорил, что слишком много работает и мало видит меня, поэтому в этот день не желает делить своего единственного и горячо любимого сына с кем бы то ни было.

- Какую тайну? – спросил я, подавляя дурное предчувствие.

- Собирайся, мы едем в «Сферу Жизни».

Я отчетливо помню, как закрывшаяся за нами входная дверь пробудила во мне чувство неизбежного краха.

Молча следуя за отцом по коридорам корпорации, я был словно в вакуумной оболочке, не слыша звуков, не различая цветов, и воздух казался твердым, невдыхаемым.

Мы остановились возле бронированной двери, отец набрал на панели код, сунул в идентификатор палец, подставил лицо для сканирования сетчатки глаза, затем повернулся ко мне и мягко улыбнулся.

- Идем малыш, ничего не бойся, - сказал он, когда дверь отворилась.

Я вошел в святая святых «Сферы Жизни» - «чрево». Приглушенный красный свет падал на два длинных ряда инкубаторов, в каждом из которых находились сжавшийся в комок младенец или эмбрион на той или иной стадии развития. Над каждым из инкубаторов висела голограмма, демонстрируя итог.

- Посмотри на это Дален, - махнул отец рукой в сторону инкубаторов: - разве они не прекрасны?

В голограммах висели уменьшенные модели в полный рост, на одной был мальчик с серебристыми волосами и яркими ультрамариновыми глазами, на второй девочка какой-то нереальной красоты, словно нимфа из сказочного мира, на третьей была еще одна девочка с ярким рисунком крыльев бабочки на спине. При ближайшем рассмотрении стало ясно, что это не рисунок, а мелкие волосинки покрытые пыльцой.

- Ты родился здесь, малыш. Я придумал тебя, я корпел над твоей физиологией долгие годы, пока не уверился, что родится совершенство.

- Значит, у меня никогда не было матери? – мне стало больно. Так больно, что от желания заплакать, затряслись губы. Я закусил нижнюю, чтобы не опозориться перед отцом. – Ты говорил, что мама умерла после родов….

- Дален, я тебе и мать и отец. По молодости я был увлечен древнем учением, в нем говорилось, что в начале времен все люди были двуполыми, у каждого был срощенный близнец противоположного пола. Меня не заинтересовала идея родить на свет сиамских близнецов, это не ново, но появление в мире истинного, полноценного человеческого гермафродита – очень даже. Ты - истинный гермафродит, Дален, ты - инь и янь в одном лице.

Я не верил, просто не мог. В тот момент мне казалось, что мой отец сошел с ума.

- Но ведь я полноценный мужчина, у меня нет девчачьих… атрибутов, - я попытался достучаться до него, указать на факты.

- Это временно, сынок, - отец обнял меня за плечи и

проникновенно глянул в глаза, - наступит момент, когда ты выберешь себе мужчину и захочешь подарить ему дитя, тогда твое тело перестроится.

Глядя на ряды диковинных младенцев, я осознавал, что моему родителю под силу сделать то, о чем он мне говорил. И все же…

- А если я не захочу ни одного мужчину? Мне нравятся девушки, меня еще ни разу не тянуло к своему полу.

- Всему свое время, тебе необходимо вырасти.

- Но я не хочу…- ком в горле разрастался, не давая мне нормально вдохнуть, - это же уродство!...

Я начал хрипеть и задыхаться, от гипервентиляции легких я потерял сознание, а очнулся уже в своей комнате, подключенный к капельнице с седативами.

Я рос, но ничего не происходило: я был обычным юношей, склонным к бунтарству. Мой образ был подчеркнуто брутальным, я менял женщин как перчатки, имел приводы в каталажку за избиение и дискриминацию гомосексуалистов. Я не искал драки, просто они сами липли ко мне как мухи. Отец только мягко улыбался и говорил: «Не сопротивляйся своей природе… придет время, вот увидишь».

Уже заканчивая медицинскую академию, я встретил своего первого парня: не знаю, что во мне тогда щелкнуло, но я отдался страсти с головой. Я не любил его, но желал очень сильно. И даже после этого во мне не пробудилась моя сущность, хоть я и смирился. Потом я стал тем, кем стал, позволил себе плыть по течению сексуальных предпочтений, уже не ожидая изменений в своем теле.

Отец умер, так и не увидев результата своих трудов. Как бы он не поступил со мной, я все еще люблю его.

***

Спустя тридцать с лишним лет проснулась моя истинная форма. Преобразование завершилось, наградив меня двойной

сущностью. Больше не было боли, не было крови, осталась лишь женская тайна в моем мужском теле. Я стал тем, кем боялся быть с того самого момента, как узнал правду о себе – мутантом.

Непоколебимый альфа-самец из другой галактики запустил во мне скрытый механизм, мое Альтер Эго не могло бы выбрать лучше. Не могло. Твою мать.

Я шел по коридору в столовую, когда сильный толчок в плечо опрокинул меня на пол, я удивленно уставился на обидчика и обнаружил нависшего надо мной хнурта. Мог бы и догадаться сразу кто это, меня больше никто не смел задирать, даже смотреть косо в мою сторону побаивались, ведь я был сучкой страшного и злого монстра. И, черт возьми, я этим гордился.

- Смотри куда идешь, сладкий, - Звуро недобро ухмыльнулся, показав мне клыки и подал руку.

Я проигнорировал его порыв помочь, после того, как он сам же и уронил меня.

- Все еще выкобениваешься, да, конфетка? – шепнул он мне, когда я самостоятельно встал на ноги.

Я хотел огрызнуться, но поймал его тяжелый, обращенный на кого-то взгляд. Хнурт снова зло ухмыльнулся. Проследив его взгляд, я обнаружил стоящего за нами надзирателя, высокого и хищного, как все логианцы, с волосами цвета лазури. Надзиратель казался отстраненным, но в глубине его холодных голубых глаз была какая-то тревожащая меня эмоция.

Звуро неожиданно схватил меня за бедра и дернул на себя.

- До встречи, сучонок, - выдохнул он мне прямо в лицо.

Я вырвался из крепких «объятий» и угрюмо посмотрел на него. Звуро рассмеялся и направился по коридору к выходу. Логианец, наблюдавший эту сцену, никак не отреагировал, сделав вид, что меня здесь нет.

Во мне шевельнулся страх, толкая спрятаться где-нибудь и не высовываться. Но где мне прятаться? В тюрьме я как на ладони.

Я всю ночь дергался от малейшего шороха и с утра был

совершенно обессилен, только в шахте я чувствовал себя более-менее в безопасности от хнуртов. Ен все еще отказывался приглашать меня к себе. Я не знал, что с ним происходит, завершились ли наши отношения, и было ли вообще между нами что-нибудь помимо животного секса. Мое подсознания решило, что было, подготовив мое тело принять этого мужчину окончательно, как партнёра по жизни, позволив ему продолжить свой род во мне. Будет смешно, если подсознание ошиблось. Смешно до горечи.

На следующий день мы с Йонгом дежурили в столовой, поэтому были освобождены от работ в шахте. За работой на кухне я совершенно забыл про Звуро, и, только вечером, когда столовая опустела, я понял, что не видел хнурта весь день. Мне стало не по себе, я настороженно оглянулся, надеясь увидеть хотя бы напарника, но Джу Йонга не было в поле зрения. Я выпустил из рук тряпку, которой протирал столы и двинулся в сторону раздаточной витрины.

- Йонг? – позвал я.

Нет ответа.

Когда я завернул на кухню, то, как никогда, понял, что смерть моя близко. Мой напарник лежал на полу возле микроволновой печи с вырванной глоткой. Кровь растеклась по белому покрытию яркими кляксами.

- Сладкий, время для жарких поцелуев, - «промурлыкал» знакомый голос.

Я замер на месте, лелея надежду, что если я его не увижу, то возможно все это исчезнет, и я проснусь. В холодном липком поту, но проснусь!

- Посмотри на меня, сладенький, я жду, - в голосе Звуро зародился булькающий звук.

Я медленно повернулся к нему лицом – хнурт стоял за морозильной камерой, сложив руки на груди и нежно улыбаясь. Ужас.

- Не подходи ко мне, - мой голос прозвучал надтреснуто.

- Ну, уж нет, подойду, - Звуро в миг перестал улыбаться и пошел ко мне, на ходу расстегивая кислотно-зеленый комбинезон, оголяя бычью шею и серую грудь.

Я как испуганный олень ломанулся к выходу и тут же был пойман за шиворот, ворот впился в горло гарротой, я захрипел, забился в истерике, сметая с раздаточной витрины пустые лотки, они с грохотом попадали на пол и в этот момент я увидел, как закрывается входная дверь в пищеблок. По другую сторону сужающегося проема на меня бесстрастно смотрели холодные голубые глаза.

- Позови Ена! – хотел крикнуть я, но кроме хрипов ничего не вышло.

Звуро рванул меня, разворачивая к себе лицом.

- Не сопротивляйся, - сказал он, ласково поглаживая меня по щеке пальцем с длинным когтем.

Может все обернулось бы иначе, будь я покладист и сговорчив, но тайна моего тела заставила меня драться с остервенением загнанного зверька. Соотношение наших сил было примерно как у хорька и медведя, на каждый мой удар я выдерживал шквал ударов от хнурта. В тот момент, когда я был уже в полубессознательном состоянии и мои руки обвисли сломанными плетьми, Звуро выпустил из своего горла нечто, похожее на мерзкий серый цветок, я смог только жалобно завыть, когда эта недопасть впилась в мое горло.

Кто-то расцепил нас, и я услышал злобный рев Торията, он орал на незнакомом мне языке, я не мог ни понять, что он говорит, ни увидеть его сквозь тошнотворную пелену перед глазами. И, слава Богу, я наконец-то потерял сознание.

***

Меня качало на грани сна и яви, я видел белый потолок медблока во вспышках света и тьмы. Тело казалось невесомым, голова – пудовой гирей. Что-то тихо шипело и гудело сбоку, с трудом повернув голову на звук, я увидел аппарат для переливания крови, которая была через чур яркой для человеческой. Яркая, очень яркая, как закат второго солнца на

Логе… Мои мысли прервались, не успев обрести четкий образ.

Иногда я приходил в себя, буквально на секунды, Ен каждый раз оказывался в поле моего зрения. Он был здесь, сидел рядом, и было в его взгляде то, из-за чего мое Альтер Эго выбрало этого мужчину. Оно не ошиблось.

- Кажется, в твоем блоке я бываю чаще, чем в шахтах, - попытался я пошутить. Я окончательно пришел в себя, но был не активней овоща.

Тришер сидела рядом на стуле и кормила меня какой-то невероятной гадостью, которая должна сделать меня бодрым и упругим.

- Да ты просто везунчик, - ухмыльнулась логианка, вытирая мне рот и убирая тарелку. – Как самочувствие?

- В норме, если не считать того, что я даже в туалет не могу сходить самостоятельно.

Тришер погладила меня по руке, безвольно лежащей поверх простыни, и поднялась, унося поднос в утилизатор.

- Ты лучше мне скажи, как в твоем теле появились органы, которых не было еще месяц назад? – логианка встала передо мной в позу и насупила желтые брови.

Я устало прикрыл глаза, не в силах обсуждать с ней особенности своей физиологии в данный момент.

- Дален, я ведь не отстану.

Я вздохнул и посмотрел на неё взглядом тяжелобольного человека, причем больного не только физически.

- Не прокатит, - хмыкнула Тришер, - отвечай.

- Отец, - сказал я.

- Отец, - кивнула она так, будто это все разъясняло. Потом нахмурилась и требовательно продолжила: - «отец», а дальше?

Пришлось рассказать в подробностях.

- Великий человек - твой отец, - широко улыбнулась моя радиоактивная ангел-хранитель.

- Он таким и был, - согласился я.

- Значит, твоя физиология среагировала на нашего хмурого воинственного начальника. Очень интересно. Удачный выбор, хочу сказать.

Я фыркнул и поморщился от боли в забинтованном горле. Кстати, об этом.

- Расскажи мне, что произошло, когда этот мудак рвал мне глотку.

- Он не рвал глотку, хнурт хотел осушить тебя. Поскольку его желудок не может вместить столько крови, то Звуро не сглатывал, а выпускал её наружу. Эта тварь хотела тебя убить.

- Это я понял. Дальше.

- А дальше тебе на помощь пришел заключённый 82-69, - увидев мои поднятые в удивлении брови, логианка поправилась: - спасти он хотел не тебя, а Звуро. У Торията, в отличие от его брата, мозги были на месте, он знал, что Звуро подписал себе смертный приговор.

- Были? – уловил я нюанс.

- Были. Торият мертв.

Я с пристрастием вгляделся в лицо Тришер:

- Ен?

Она молча кивнула.

Я снова устало прикрыл глаза.

- Спи, через пару дней будешь как новенький.

Слово с делом у Тришер не расходится, и уже через два дня я стоял на своих двоих в новом кислотном комбезе, готовый

добавить к своей коллекции выписок из медблока еще одну.

Входная дверь отворилась, и на пороге появился сам начальник колонии. Я от удивления вытаращил глаза и разинул рот – всегда застегнутый на все клапаны Ен сейчас стоял передо мной в одних лишь бриджах, выставляя свои шрамы напоказ. Его волосы по обыкновению были стянуты в тугой хвост, мышцы бугрились под красноватой кожей, и сам он был каким-то наэлектризованным.

- Идем, - сказал Ен хмуро, прожигая меня взглядом.

Я не осмелился уточнить, куда мы идем, только неосознанно взглянул на Тришер. Логианка кивнула мне и произнесла странную фразу:

- Иди, рохаэ Иэена орх Дагана, ваше время пришло.

Я молча брел за Еном, едва поспевая. Каждый его шаг выдавал напряжение в теле, когти звучно клацали по полу, мышцы спины подергивались под кожей, словно ожидая смертельной схватки.

Мы прошли коридор ведущий в карцер, и я не обнаружил на постах ни одного надзирателя. Колония словно вымерла.

Ен подошел к карцеру и не оборачиваясь сказал:

- Стой здесь и смотри.

Он с грохотом распахнул дверь и вошел внутрь, где его уже ждал Звуро.

- Пришел, - рыкнул хнурт и встал в стойку.

Ен не удосужился ему ответить, а просто кинулся в бой с оглушающим рыком. Я стоял как вкопанный, совершенно запутавшись в чувствах: страх и иррациональная радость сплелись во мне тесным клубком. Из карцера доносился звериный рев и грохот: Звуро остервенело защищался. Ен рвал серое тело на куски, не давая ни малейшего шанса нанести себе вред. Искромсанный в хлам хнурт умудрился проскользнуть к двери и ринулся ко мне с перекошенным агонией лицом, в яркой оранжевой крови:

- Убью!

Я попятился, прощаясь с жизнью, но Звуро не получил ни единого шанса добраться до меня. Ен схватил его окровавленными руками - одна за роговые наросты, вторая за плечо - и с легкостью оторвал голову. Обезглавленное тело рухнуло на пол, дернулось в судороге и замерло. Я ошарашенно взглянул на Ена - бурно дышащего и нанизавшего на когти свой трофей.

Он вышел из карцера и прорычал:

- Идем.

Его вид был настолько свирепым, что я поплелся за ним на почтительном расстоянии.

Мы пришли в зал для построений, в котором собрались все надзиратели колонии. Здесь не было заключенных. Логианцы стояли полукругом от входа, Ен вышел в центр, так и держа на когтях голову Звуро.

- Логэр, - сказал он громко, - я обвиняю тебя в нападении на моего рохаэ, что скажешь в свое оправдание?

В гробовом молчании из толпы надзирателей вышел тот самый «лазурный» логианец и встал перед Еном.

- Скажу, что не считаю себя виновным, - объявил он, храбро посмотрев на своего начальника. – Ты попрал все законы нашей веры ради чужака, ты - отступник, изгой!

- Еще кто-нибудь так считает? – с вызовом спросил Ен у толпы.

Толпа напряженно наблюдала за начальником колонии и оказалась безучастна к переживаниям Логэра.

- Отлично, - заявил Ен, подпуская в голос приглушенный рык, - тогда я казню тебя прилюдно.

Всё произошло еще быстрее, чем со Звуро. Логэр первым кинулся в атаку, но Ену оказалось достаточно вильнуть в сторону,

схватить противника за щиколотку пальцами левой ноги, а правой схватиться за затылок и впечатать Логэра лицом в пол. Раздался хруст и в следующее мгновение Ен поднял голову логианца за длинный лазурный хвост. Из обрубка шеи текла ярко-красная кровь, пачкая полы в зале.

В абсолютной тишине Ен подошел и бросил обе головы мне под ноги, его разгоревшиеся красным глаза смотрели на меня с вызовом. Я пытался унять дрожь в коленях и не мог понять, чего он от меня ожидает.

- Считай это предложением руки и сердца, - шепнула мне появившееся за спиной Тришер.

Глава 7

Я сглотнул сухой комок в горле и перешагнул головы. Ен сделал резкое движение вперед, забросил меня на могучее плечо и в гробовой тишине вынес из зала. Я покорно молчал до тех пор, пока он не свалил меня на кровать в своей спальне.

- Раздевайся.

- Что? – мой голос предательски дрогнул, и я совершенно по-девчачьи свел колени вместе.

- Что слышал. Я хочу видеть тебя всего.

Трясущимися руками я начал расстегивать комбинезон, ненавидя себя за испытываемые эмоции. Ненависть к своему уродству, которая когда-то была заложена моим отцом, вспыхнула с новой силой, но возразить этому полуметаллическому зверю, покрытому кровью с ног до головы, я не смел.

Я сел на кровати, поджав под себя ноги – обнаженный, беззащитный и сотрясаемый крупной дрожью.

- Прекрати это, - логианец подобрался ко мне по меховому одеялу и опрокинул на спину. – Я уже принял тебя, заявив об этом во всеуслышание. Теперь покажи мне всё.

Отвернув от Ена лицо, я медленно раздвинул и согнул ноги в коленях. Теплая ладонь на бедре заставила меня снова сжаться.

- Раздвинь.

Меня бесила его манера говорить уверенно и спокойно, тоном, не терпящим возражений. Как он может сохранять равнодушие в такой момент? Хотя... чего я ожидал? Что он с воплем отвращения побежит блевать? После такого я, наверное, наложу на себя руки.

- Шире.

Я рывком раздвинул ноги и злобно уставился в красные глаза. Лицо Ена было сосредоточенным, слегка выпяченный вперед подбородок выдавал напряжение. Мое сердце сделало кульбит и зачастило: подобных эмоций у невозмутимого начальника колонии я еще не наблюдал.

Ен одной рукой приподнял мне мошонку, а когтями второй провел по недавно образовавшимся складкам кожи под ней. Очень осторожно, практически невесомо, а потом сделал то, что заставило меня покраснеть от корней волос до пальцев ног: устроился между моих ног, закинув их на плечи.

Я наблюдал за ним с широко раскрытыми глазами и не верил в происходящее. На лице Ена дернулся желвак, верхняя губа приподнялась оголив клыки, и тихий возбужденный рык прокатился по комнате.

- Ен, - позвал я и в ту же секунду распластался по кровати с удивленным стоном.

Горячий, влажный и немного шершавый язык Ена широко лизнул меня между бедер. Я запутался в сладко-липкой паутине ощущений, вырывая клочья шерсти из одеяла. Все тело загорелось огнем. Сильные ладони мяли мои ягодицы, слегка царапая когтями, движения языка становились то жесткими, то снова мягкими, дразнящими, я захлебывался стонами, извивался и взбрыкивал ногами. Когда Ен навис надо мной, потираясь каменным стояком, я бездумно обхватил его ногами, желая только усилить наслаждение. Забыв на время про свое уродство, я выгибался и подавался навстречу мужчине, который с легкостью взял меня как женщину. Я растворился в этих ощущениях цепляясь за него, как за единственное, ради чего стоит жить в этом мире.

Утром меня разбудил Ен, чистый и застегнутый на все

клапаны формы.

- Я опаздываю! – вскочил я, вспомнив о построение.

- Ты больше не работаешь на рудниках.

Я непонимающе уставился на него.

- Теперь ты - мой рохаэ, ты больше не заключенный, - пояснил Ен, пристально наблюдая за мной.

- … Что если об этом узнает Федерация?

- Меня это не волнует, здесь я – Царь, Бог и Господин, а ты - рохаэ Царя, Бога и Господина. Это ясно?

- Но…

- Дален, ты думаешь вашей Федерации есть дело до того, что произойдет с вами на Логе? Нет, им плевать. Ссылая сюда приговоренных, они ставят на них жирную точку.

Все верно.

Я окинул Ена придирчивым взглядом и решил, что раз уж я получил статус «жены», то можно сказать вслух то, что я сейчас думаю:

- Ты красивый.

Темная бровь изогнулась, приподняв переливающиеся темно-бардовые чешуйки.

- Серьезно?

Я насторожился: его голос, и без того низкий и хриплый, стал глубоким и обволакивающим.

- Повтори, - попросил Ен.

- Ты красивый.

- Встань.

Я насторожился еще сильнее, но все же встал на кровати, прикрывшись тонким одеялом. Ен дернул одеяло на себя и меня бросило в его раскрывшиеся объятия. Шквал горячих поцелуев обрушился на меня, и я, в состоянии бездумном, но восхитительном, обхватил его ногами и руками. Вся кожа горела от прикосновений, особенно что-то невероятное творилось с моими сосками, когда его губы засасывали всю ореолу.

- Еееен….

Он рыкнул и с явным нежеланием поставил меня на пол.

- Продолжим позже.

Получив шлепок по заду я остался в одиночестве. Офигеть…

Что это было?

Упав спиной на мягкие покрывала, я со стоном завернулся в них и уснул, чувствуя себя... Хорошо я себя чувствовал, очень, очень хорошо…

***

- Как твое самочувствие?

- В норме, пытаюсь привыкнуть к тому, что я - не совсем мужчина.

Тришер хмыкнула, не отвлекаясь от монитора: она с таким интересом разглядывала мои внутренности, что я чувствовал себя беременным кентавром, не иначе.

- Одевайся, - сказала она, вырубив скан-камеру.

- Все в норме? – не удержался я от вопроса.

- Все просто замечательно, насколько это может быть у двуполого.

Я замер на мгновенье.

- Стерва, - выдохнул я, посмеиваясь.

Тришер широко улыбнулась, показав большую часть острых зубов, и подмигнула кислотно-желтым глазом:

- Все для тебя, лапуля.

- Женщина, не будь вульгарной! – фыркнул я.

Логианка открыла рот, чтобы ляпнуть мне что-то в ответ, но резкий писк, который издал её коммуникатор, заставил тюремного врача сорваться с места и опрометью броситься в реанимационный бокс. Я зачем-то кинулся следом. Тришер оперативно взялась за реанимацию схватив в руки дефибриллятор, хрупкое тело на больничной койке выгнулось дугой, получив разряд. На изуродованном и отекшем лице распахнулся рот со свистом втянув воздух, на секунду открылись серые мутные глаза, а потом все затихло, осталась только ритмичная пульсация на приборах.

В реанимации находился практически неузнаваемый, едва дышащий Клайв.

- Что произошло? В шахте завалило?

- Нет. Пустили по кругу. Прошлой ночью.

Взгляд Тришер стал непроницаемым, на лице появилась профессиональная маска:

- Ты можешь идти.

В её голосе не было обвинения или намека на упрек, но из бокса я вышел с давящей тяжестью в груди. Будь Торият жив, с Клайвом не произошло бы подобного.

***

Прошел день, другой, а Клайв так и не приходил в себя. Мысль о том, что в его нынешнем состоянии повинен я, угнетала меня больше, чем одиночество. Я, как никогда, нуждался в поддержке своего рохаэ, эгоистично надеясь, что он скажет: «В том нет твоей вины». Но как бы мне не хотелось монополизировать Ена, его обязанностей начальника колонии

никто не отменял. Хоть бы отпуск на «медовый месяц» предоставили, что ли… Бред какой-то… О чем я думаю? Наш союз даже юридической силы не имеет.

- Что с тобой?

Я едва не подпрыгнул на кровати, потому что не услышал легкого цоканья обычно сопровождающего каждого логианца. Я видел, как они передвигаются по камням и песку – бесшумно и быстро, но в помещении ни один логианец, как бы не старался, не может полностью приглушить удары когтей по полу.

- Без понятия, - солгал я, хлопая на него ресницами.

Ен изогнул бровь и продолжил внимательно сканировать меня с макушки до ногтей на пальцах ног. Я, в свою очередь, преданно смотрел ему в глаза.

- Будь готов через пять минут.

- К чему? – удивился я.

- К длительной поездке.

- Куда?

- Увидишь.

Ен вышел в кабинет и защелкал по консоли, я воспользовался моментом и одел то, что подарила мне Тришер, мол, она приобрела это для себя, но - в этом месте логианка уж больно драматично вздохнула - не пригодилось, увы. Тут бы мне задуматься, но…

Тяжелый головной убор оттягивал голову, обилие разноцветных камушков и ярких перьев делало его практически неподъемным. Пестрая голограмма ткани, из которой был сшит балахон скрывающий меня с ног до шеи, рябила в глазах до дурноты. И вот это логианки носят первые 10 лун после замужества… Я был несколько опечален, но Тришер уверила меня, что любой нормальный мужчина родом с Лога будет в восторге, увидев свою спутницу в столь радужных одеждах, они, видите ли, олицетворяют радость новобрачной.

Ен отреагировал на мой наряд каменным лицом, не единый мускул не дрогнул на его лице… Только глаза странно полыхнули. Как-то не выглядел он особо радостным.

Интересно, что он скажет про то, что у меня под одеждой?

***

Маленький катер тихо гудел над красным ландшафтом Лога, Ен аккуратно лавировал среди камней и сосредоточенно пялился в иллюминатор. Я ерзал задницей по сидению, при этом стараясь не шевелить головой, желание сорвать с себя всю эту разноцветную безвкусную дрянь уже достигло апогея.

Катер сманеврировал в широкую пещеру и при этом наклонился вперед, тяжелая конструкция на моей голове накренилась туда же и я едва успел придержать её руками. Пропыхтев секунд тридцать, пытаясь восстановить баланс на макушке, я все же зафиксировал её ровно и нечаянно поймал странный взгляд Ена. Он смеется надо мной? Нет, такого не может быть, это существо способно только злобно ухмыляться.

Тем временем, катер ловко шел сквозь каменный коридор освещенный симбионтами и минут через пять мне открылся захватывающий вид подземелья. Огромное пространство перемежающееся каменными колонами – сросшимися сталагмитами и сталактитами, обвитыми разноцветными гроздьями симбионтов. Внизу было алое море с пурпурными и ярко-синими всполохами.

- Что это?

- Сао Нагар, - ответил Ен.

- А что означает это название? – я нетерпеливо подпрыгивал в кресле, стараясь поближе рассмотреть то, что у нас под ногами и не уронить при этом с головы аццкий кандибобер.

- Если приблизительно - Море Блаженства.

Катер приземлился на голый каменный выступ перед арочным входом в грот. Я ступил на узкую тропу с двух сторон окруженную яркими симбионтами и Ен подхватил меня на руки,

цилиндр Безумного Шляпника качнулся и свалился.

- Упала, - буркнул я.

Ен и ухом не повел, а я тем более.

В небольшом гроте стены, пол и потолок переливались живыми искрами, у меня дух перехватило от такого фейерверка цветных всполохов. Я даже предположить не мог, что на этой суровой планете может быть что-то настолько восхитительное. Красный, пурпурный и синий где-то идеально перетекали друг в друга, где-то вспыхивали пятнами. У дальней стены клубилось озеро пара, наполняя помещение мерцающей дымкой.

- Здесь жарко, - сказал я.

- Разденься. - Ен поставил меня на ноги.

Я вскинул голову и встретил его потемневший взгляд, мое лицо залило краской – знает ли он, что на мне под балахоном? Должен ведь знать?

- Не стесняйся, - мой Бог и Господин сделал царственный жест рукой.

Я вскинул руки и развязал все завязки, а затем скинул груды ткани на пол. Ен медленно вдохнул полной грудью, ноздри хищно раздулись, взгляд стал диким и налился звериной похотью. На мне был белый и обтягивающий, словно вторая кожа, костюм.

Ну, костюмом это было трудно назвать, всего-то чулки да топ соединенные друг с другом по бокам металлическими кольцами. Топ имел широкие бретельки и открывал полностью грудь и спину. Я уже давно перестал быть тонким и звонким, в пищу заключенным добавляют протеин и мое тело стало мускулистым и крепким, поэтому смотрелся я в этой специфической одежке весьма похабно. Судя по лицу Ена, он считал, что сексуально. Кто я такой, чтобы спорить с ним о вкусах?

Рохаэ принялся срывать клапаны со своей формы пригвоздив меня взглядом к месту, широкая грудь тяжело вздымалась, перекачивая жаркий воздух, передавая мне импульс звериного желания. Я не хотел заниматься сексом или любовью, я хотел

трахнуться так, чтобы в ушах звенело и в глазах сверкало. Ен хотел того же. Он всегда хочет именно этого, даже в состоянии покоя ощущается его подавленное желание отыметь меня.

Пар оседал на моей коже каплями и они струйками стекали вниз, я машинально провел ладонью по голой груди и… и понеслось – Ен зарычал гортанно, предупреждающе, его рык срезонировал внутри меня, заставив разом напрячься все нервные окончания в предвкушении. А потом я потерялся в ощущениях, в его жесткой хватке, обжигающих поцелуях, почти укусах; мое тело дрожало, пылало, плавилось, я стонал от удовольствия, хватаясь за широкие шрамированные плечи, подставляя шею, грудь его губам. Ен вертел меня как ему вздумается, облизывал, мял, вжимал в себя.

- Пожалуйста, - молил я шепотом, ласкаясь о шершавую когтистую ладонь, накрывшую полностью мое лицо, - поторопись….

Он уложил меня на теплые влажные камни, закинул мои ноги себе на плечи и я ощутил дыхание на оголенной коже между ног. Мое тело выгнулось дугой и содрогнулось от оглушающего оргазма, стоило Ену только прикоснуться ко мне языком. Я закричал вцепившись ему в волосы. Когда я отдышался и открыл глаза, то обнаружил, что до сих пор не отпустил его, он смотрел на меня с неудовлетворенным желанием, вся полнота которого отражалась в глубине горящего взгляда. Рохаэ взял мои руки в свои и демонстративно лизнул оба запястья по очереди, затем провел языком до сгиба локтя и надавил зубами, я протяжно застонал почувствовав, как снова завожусь. Не желая больше терпеть я поднялся и буквально впился зубами в красноватую влажную шею. Ен замер на мгновение, а затем судорожно вдохнул. Да-а, эффект, что надо. Меня словно с цепи сорвало, раньше я не позволял себе так атаковать его, но в этом заполненном горячей дымкой гроте все казалось нереальным, словно в эротическом сне.

- Хочу тебя, - бормотал я, облизывая его грудь, прикусывая соски, - возьми меня, трахни меня так, чтобы ноги не держали.

- Да запросто, - хмыкнул Ен и одним движением развернул меня к себе задом, поставив на колени. Я ощутил прикосновение его груди к своей спине и прохладное дыхание над ухом. – Держись крепче.

Ен вошел в меня, и я вновь почувствовал подавляющее желание подчиниться. Подчиниться его несокрушимому телу, его несгибаемой воли.

Мощные толчки и жесткая хватка сильных рук на бедрах, хриплое дыхание - его, мое, и мир взрывается красными, синими и пурпурными огнями. Внутри все задрожало, выворачивая мышцы и суставы в удовольствии, сжалось и рвануло по всему телу чистым наслаждением. Я в эйфории.

Ен снял подаренный Тришер чудо-комбинезон и уложил меня на себя, обняв одной рукой за плечи. Я удобно устроился головой у него на груди, обвив мощное тело ногами и руками как осьминог. В этом небольшом гроте, в маленькой каменной чаше наполненной паром, мне словно открылась в платяном шкафу собственная Нарния. Я широко улыбнулся, представив Ена в роле Алана и потерся щекой о голую влажную грудь. Он глубоко вздохнул и обхватил меня второй рукой. Ен был немногословен и загадочен до противного, но сейчас мой мужчина был доволен и расслаблен: я ощущал это всем своим существом. Умиротворенное дыхание рохаэ подействовало на меня как снотворное и я погрузился в мир грез, где Ен-Алан, яростный и справедливый, вел за собой угнетенных и восставших обитателей Нарнии.

***

Тихо гудела система кондиционирования в катере, гоня прохладу. Я открыл глаза и горько пожалел об этом - внутри моей головы случился маленький такой, но вполне себе настоящий атомный взрыв.

- Фу-у, что-то я себя странно чувствую, - простонал я, скрючиваясь в кресле и обхватывая голову руками.

- У тебя случился тепловой удар, - произнес Ен с плохо скрытой тревогой. Первый раз я слышу подобную интонацию в его рычащем голосе. От удивление я взглянул на него, не скрывая интереса.

- Моя вина. Я сожалею, - рохаэ ответил мне немигающим взглядом и, спустя мгновение, снова вперился в приборную доску

и иллюминатор.

Он сожалеет. И смущен? Да ла-адно… Что-то мне поплохело от избытка эмоций, надо срочно переключиться на что-нибудь. В этот момент мы вылетели из пещеры, и красный однообразный, успевший мне наскучить еще месяцы назад, Лог показался весьма занимательным. Только сердце бухало в груди, кровь стучала в висках в одном четком ритме, недавая мне больше заниматься самообманом. Я влюбился.

И самое страшное было то, что любовь эта была на грани отчаяния: я отдам все, что бы быть рядом с ним, даже собственную жизнь, как бы бессмысленно это не звучало.

***

- Отпусти меня! – шипел я, вырываясь. – Я сам могу, не при смерти!

Только Ен был неумолим и непробиваем, и продолжал нести меня на руках через всю колонию. Наконец-то сообразив, что мое сопротивление бесполезно, я сложил руки на груди и постарался принять достойный вид. Какое мне дело до прихеревших лиц надзирателей и мрачных заключенных? Я – король!... Только вот Ен думал, что принцесса.

Меня наконец-таки сгрузили в медблоке, прямо на кушетку, а то вдруг помру, сделав пару шагов до нее.

- Что на этот раз? – не удержалась от сарказма Тришер.

- Понос, - съязвил я, - чуть не обосрался.

- Перегрелся, - ответил Ен, не обращая на меня внимания.

Тришер хмыкнула и достала тонометр.

- Как тебе мой подарок? - спросила она.

Я нахмурился: какой подарок?

- Весьма своеобразный наряд, - ответил Ен ухмыляясь. – Головной убор был лишнем.

Э-э?!

- Постойте, - дошло до меня: - вы хотите сказать, что это был не традиционный наряд невесты?

- Кто тебе такое сказал? – почти искренне удивился Ен. Почти.

- Тришер! – рявкнул я на неё.

- А разве тебе не понравилось? – нагло заявила эта... эта ядовитая ящерица!

Я стушевался и, кажется, начал краснеть. Я давно не был девственником, но с тех пор, как мое тело изменилось, Ен брал меня исключительно как женщину. Это безумно меня смущало, словно нечто постыдное. Постыдное и невообразимо сладостное.

- Осмотри его, - внезапно закончил дебаты рохаэ и вышел из медблока. Похлопав ему вслед ресницами, я направил свой гнев на ту, кто выставил меня полным дебилом.

- Объясни мне, что это был за нафиг?!

- Не горячись. Это всего лишь подарок другу ко дню свадьбы, - пожала она плечами.

- Нельзя дарить людей в идиотских нарядах!

- Да, ну? - засмеялась Тришер.

Я еще не успел излить на неё всё свое праведное негодование, как из отсека реанимации раздался истошный вопль. Тришер сорвалась с места и кинулась в палату, я метнулся за ней. Узкая койка со смятыми светло-голубыми простынями была пуста, сорванные датчики пищали как потерпевшие потеряв своего подопечного. В дальнем от двери углу съежился трясущийся и поскуливающий Клайв.

Вот он и пришел в себя.

***

Прошло четыре дня с момента, как Везнер очнулся. Я не находил себе места и по нескольку раз на дню отирался возле медблока, но только и слышал от тирана, правящего в лазарете, что «еще рано», и никак не мог попасть в палату Клайва. Совесть и, наверное, сострадание, а может, и чувство вины не давали мне покоя, подстегивая увидеть своего бывшего сокамерника. Думаю, мне стало бы легче, наткнись я на озлобленного, пышущего на меня гневом Клайва, но когда я смог беспрепятственно попасть к нему, то обнаружил безжизненную куклу. Он сидел на кровати, устремив пустой взгляд в противоположную стену, бледные руки лежали поверх одеяла. Словно марионетка с обрезанными нитями.

- Давно он так? – спросил я у стоявшей за мной Тришер.

- С момента пробуждения, - ответила она. – Оставлю вас.

За моей спиной зашипела дверная панель, отгораживая нас с Клайвом от суеты колонии. Подтянув стул к кровати, я сел лицом к лицу с Везнером, он никак не отреагировал на мое появление, продолжая видеть что-то свое.

- Клайв, - позвал я.

Тяжелый ком распирал мне горло и грудь, было очень тяжело видеть его в таком состоянии: красивый замшево-серый цвет его волос словно выцвел, да он весь словно выгорел, превратившись в бесцветное подобие себя.

- Мне очень жаль, - выдохнул я и дотронулся до бледной кисти, лежащей на одеяле. – Мне, правда, очень-очень жаль.

Не дождавшись реакции, я взял его ладонь в свои и слабо сжал. В этот момент губы Клайва задрожали, он вырвался и закрыл руками лицо, всё его тело задрожало от воя. Так ревут дикие звери, когда неимоверно больно и спастись от боли невозможно. Я растеряно хлопал глазами, не зная, что сделать чтобы его успокоить, но прежде чем я до чего-то додумался, Клайв заговорил все еще закрывая ладонями лицо:

- Я любил его. Правда, любил. По-своему. Чем ты лучше меня? Ты такой же. Выбрал себе самого страшного и сильного зверя и влюбился в то ощущение защиты, которое он тебе дал. Я

выбрал Торрията. Ты выбрал орх Дагана. В чем между нами разница?! – последнее он проорал мне в лицо.

Я сглотнул сухой комок в горле, увидев мокрое от слез лицо Клайва, того начало потряхивать от обуревающих эмоций.

- Он не мог остановить Звуро, потому что тот был его гайди – побратим, это - связь на всю жизнь, куда брат - туда и ты, эти узы сильнее брачных! …А теперь его нет… Что же делать мне? Что? Ответь мне! – выкрикнул Клайв, метнулся ко мне и вцепился в плечи: – Как мне дальше жить без него?!

- Попробуй найти другого самого страшного зверя в этой колонии, - выдавил я из себя первую разумную мысль.

Клайв еще пару секунд безумно смотрел на меня, а потом горько усмехнулся:

- Как ты не понимаешь, другого такого нет.

На этом наш разговор был окончен, Везнер словно сдулся, будто выпустил все клокотавшие внутри чувства и остался совершено пустым.

- Уйди, пожалуйста, - сказал он и снова принял безучастный ко всему вид.

Выйдя из его палаты я встретился взглядом с Тришер, подпирающей косяк в коридоре.

- Думаешь, он справится? – спросил я.

- Увидим, - ответила она мрачно.

Придя в медблок на следующий день, я обнаружил логианку в палате Клайва. Вокруг его койки опять сновали и пищали датчики состояния здоровья, аппарат искусственного дыхания качал воздух в его легкие, закрывая пол-лица прозрачной мембранной. В груди разлился неприятный холодок:

- Что произошло?

Тришер пальцами отодвинула ворот больничной пижамы, и я увидел опоясавший шею кровоподтек.

- Пытался повеситься. На моих же трубках от капельницы.

Я ошибочно полагал, что, выплакавшись, Клайв смирится с ситуацией. Видимо, нет.

Следующий день не принес никаких изменений. Мне хотелось завыть где-нибудь в углу. Уже поздней ночью, когда тяжелая рука прижала меня к сильной широкой груди, я осознал, что свернулся кренделем на самом краю нашей с Еном кровати. В этот момент я глупо разревелся в подушку, ощущая молчаливую защиту и поддержку обнаженной спиной.

***

- Убери от меня это! – рявкнул Клайв.

Я притормозил возле приоткрытой дверной панели, услышав впервые за неделю голос Клайва.

- С чего бы мне это делать? – обманчиво спокойным голосом возразила Тришер и колыхнула в зажатой руке…клизму.

Прогресс не стоит на месте, в том числе и медицинский, но вид этого предмета не менялся, кажется, с бородатых времен.

- Я сам могу сделать это! – не сдавался Везнер, забившись в угол комнаты и угрожающе выставив перед собой табуретку.

- К сожалению, нет, - Тришер растянула губы в ехидной улыбке. – Ты забыл, что твой зад порван на мелкие лоскуты и швы еще не рассосались?

- Как о таком забудешь, дура, если ты все время мне об этом напоминаешь?!

Я опешил от такого обращения, но, кажется, «дура» не возражала, она только снова поиграла клизмой в когтистой руке и сделала приглашающий жест на койку:

- Запомни, Везнер, даже не пытайся снова наложить на себя руки, не зли меня, иначе я снова вытащу тебя с того света и накачаю этой дрянью так, что у тебя дерьмо через рот польется.

- Заткнись, больная ты баба!

Дальнейшее развитие событий рисовало мне не самые радужные перспективы, и я тихо удалился, но туго сжатый ком в груди стал медленно распускаться. Яростный блеск в глазах Клайва и упрямо сжатые губы дали мне наконец-таки повод думать, что обошлось.

Он справится. Я помогу. И, судя по всему, Тришер тоже.

Глава 8

Даже удивительно, насколько обыденной и размеренной стала моя жизнь в тюрьме. Я не работал в шахтах, не общался с зеками и контактировал лишь с парой-тройкой логианцев.

Каждый мой день начинался с визита к Клайву. Поначалу он сторонился меня и не шел на контакт, но я заметил, что стоило только в поле зрения появиться Тришер, как в его глазах зажигался мятежный огонь. Он весь подбирался и нахохливался, словно воробей, и огрызался на нее по малейшему поводу, даже на профессиональный интерес с её стороны, вроде вопроса: «Как твое самочувствие?», - Клайв шипел: «Не дождешься».

Это выглядело весьма забавно, на мой взгляд, и я не терял надежды расположить его к себе, поэтому приходил каждый день, болтал без устали о всякой ерунде, вычитанной мной в сети, и о новинках киноиндустрии, давал ему послушать музыку, которая мне нравилась, пытался играть с ним в шахматы и даже обещал сыграть с ним в гольф на симуляторе.

- Не хочу, - вдруг сказал он упрямо.

- Почему? – спросил я терпеливо.

- Потому что хочу в бильярд, - ответил Клайв и… улыбнулся.

- Как только твоя жопа заживет, - брякнула Тришер, появляясь в палате и сразу переключая внимание Везнера на себя.

- Я смотрю моя «жопа» тебе покоя не дает, - сразу ощетинился он.

- Не обольщайся, жальче твоей задницы я еще не видела, - хмыкнула в ответ логианка, показав клыки. – Разворачивайся: время процедур.

- Да какие процедуры?! – взорвался Клайв. – Все твое лечение сводится к клизмам и анальным свечам!

- А ты хочешь, чтобы я твой анус через рот лечила?

И все в подобном духе. Я тихо удалился с поля боя, пока раскрасневшийся Везнер не начал от бешенства швыряться

мебелью. Тришер воспринимала его истерики на удивление спокойно.

В нашей комнате было тихо, прохладно и одиноко. Ена снова не было. Последнее время он слишком часто покидал территорию колонии. От тоски я решил посмотреть какой-нибудь фильм, выбрал сопливую мелодраму и погрузился в 3D проекцию. В общем, роняя четыре часа подряд совсем не скупую мужскую слезу над нелегкой участью главного героя, по окончанию трансляции уснул быстро и крепко.

Меня разбудило чувство голода. Желудок скрутило спазмом и во рту собралась обильная слюна. Я резко сел в постели, чувствуя, что еще немного - и меня стошнит от голода, при этом мне хотелось совершенно определенной пищи: кусок не прожаренной, сочащейся кровью мансятины. Желание меня удивило, потому что раньше к этой склизкой массе, которую с аппетитом поглощал Ен, я относился даже не с прохладцей, а с отвращением. Я видел этих опарышей-переростков в голографической проекции, и они вызывали лишь рвотный рефлекс, а вот логианцы их ели с удовольствием.

- Ммм, - втянул я дурманящий запах поджаренного с кровью манса, когда мне его принес Гоэн, денщик Ена. Рыжий логианец посмотрел на меня удивленно, но промолчал и оставил наедине с моим обжорством.

Пребывая в приподнятом состоянии духа, я включил Вивальди громче и бодрые звуки «Весны» наполнили комнату. Жуя своего «червяка» и дирижируя вилкой, я пропустил момент, когда передо мной появился Ен. Рохаэ застал меня облизывающим тарелку, подвывающим «Весне» и азартно размахивающим столовым прибором.

- Привет, – обрадовался я.

Изогнутая в легком недоумении бровь и насмешливый блеск во взгляде заставили меня почувствовать себя глупо.

- Интересный выбор музыки, - хмыкнул он.

- Тебя нет и мне здесь скучно, - пожал я плечами.

«Весна» пошла на повтор и молчание между нами затянулось.

Я соскучился. Его не было всего сутки, а по ощущениям, будто неделю. Ен подошел ко мне не разрывая зрительного контакта и подхватил под зад, мне осталось только обнять его ногами. Молча, глаза в глаза. Я не выдержал первым и прикоснулся к его губам целомудренным поцелуем, и ощутил его улыбку. Ен закружил меня как в сопливой мелодраме, продолжая поцелуй, у меня перехватило дыхание, и я откинулся назад,раскинув руки, не в силах сдержать смех. В это мгновение я был счастливым и свободным, а уже в следующее блевал над унитазом: мой организм все же изверг манса тем же путем, каким он и попал в него.

- Не беспокойся, - пропыхтел я, - просто манс не прижился.

***

- Ешь.

- Нет.

- В зад засуну.

- Дура скудоумная, совсем фантазии нет!

- Просто в твоем жалком организме только задница имеет здравый смысл.

Голубки воркуют. Зайду, после «романтического завтрака вдвоем». Кажется, я понял, почему Тришер позволяет Клайву вербальную агрессию в свой адрес – после она может всласть поизмываться над ним физически и как врач имеет полное на это право.

Клайв выглядел вполне здоровым, но Тришер не спешила его выписывать и, несмотря на всю свою показушную враждебность к логианке, Везнер сам не рвался на волю. Думаю, по большей части, причиной этому было нежелание снова вручить Клайва на растерзание зекам… А может, что-то еще.

Прошла неделя, Клайв все еще был в медблоке, а меня стало рвать по утрам и не только по утрам, меня рвало все свободное от еды время: я ел и блевал, ел и блевал. Веселился, как мог, твою мать!

Собственно говоря, я понимал, что со мной происходит, но молчал. Молчал и давил в себе желание задушить Ена. Во сне. И то не факт, что удастся. Ведь я предупреждал, что это не дополнительное отверстие для его удовольствия, а вполне функциональный орган, при неосмотрительном использовании которого могут случиться дети! Не в нашем случае, заявил он самоуверенно, раздвигая мне ноги. Убил бы…

Признаться, я не знал, что делать: в голове у меня что-то перегорело, как только я осознал, что мы натворили. Весь день «великого откровения» я просидел на кровати, уставившись взглядом в никуда, периодически прислушиваясь к собственным ощущениям. Последнее время я стал плаксивым, причиной чего стали разыгравшиеся гормоны. Мои соски припухли и приобрели запредельную чувствительность, что не осталось незамеченным Еном.

Заслышав характерное цоканье когтей по полу я заставлял себя собраться и улыбаться супругу, любить его, подпускать к своему телу. Почему-то мне казалось, что пока я не произнес правды вслух, то мое состояние вернется к норме и внутри меня не будет никакой противоестественной тайны.

Думаю, что мне удавалось водить рохаэ за нос только потому, что он большую часть времени проводил не со мной. Что-то явно происходило, это было настолько серьезным, что беспокоило всех окружающих меня логианцев.

- Что происходит? – спросил я у Тришер, заявившись в медблок ближе к обеду. По утрам я больше их не беспокоил: у этой чудной парочки был какой-то собственный ритуал, течение которого я не хотел нарушать.

- Что ты имеешь в виду? – спросила она, не отрываясь от экрана, где выводились данные медсканирования Клайва.

- Я чувствую беспокойство и оно исходит от каждого логианца, попадающегося мне на глаза. Даже Ен стал еще подозрительнее и таинственней, хотя куда уж больше!

Тришер взглянула на меня поверх объемной проекции человеческого тела, и кислотный взгляд логианки мне совсем не понравился:

- На Логе восстание.

Я поймал испуганный взгляд Везнера, находящегося в медсканере, и сглотнул сухой ком вставший поперек горла.

- Насколько серьезно?

- Достаточно серьезно.

- Откуда угроза?

Тришер откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди:

- Что ты знаешь о прошлой войне?

- Ты про ту, которую развязал родной брат вашего дэали? Или еще какую-нибудь? Потому что история вашей цивилизации изобилует бесконечными войнами.

- Как и ваша, - хмыкнула она. – Лэр Хаик поднял новое восстание и, судя по всему, он вернулся отдохнувшим, полным сил и энтузиазма.

- Я считал, что ваш дэали казнил его, - подал голос Везнер, выходя из кабины медсканера.

Тришер прищурилась и окинула нас нечитаемым взглядом:

- Выходит, что нет. Брат, все же.

***

Атака началась внезапно. Жахнуло совсем близко, и стены нашей с Еном комнаты содрогнулись. Второй взрыв застал меня возле выхода из кабинета рохаэ: я упал, не удержавшись на ногах, и с потолка посыпались обломки. Третий залп был слышен отчетливо еще до попадания – пронзительный свистящий звук и тряхнуло куда сильнее первых двух раз. Чем же они ведут обстрел, что подземную, укрепленную базальтом и металлом колонию трясет как карточный домик?!

По счастливой случайности, меня завалило не насмерть, чего нельзя было сказать о двери и моем разбитом наручном коме. Выбравшись из-под кучи обшивочных панелей, я метнулся к едва уцелевшей консоли, надежда связаться с Еном или с Тришер, да хоть с кем-то из местных логианцев зажглась и тут же угасла с мигнувшим и «схлопнувшимся» экраном. Все, если еще раз прицелятся в этот район, меня погребет здесь заживо.

Паника еще не успела завладеть мной в полной мере, когда я услышал треск за заваленной дверью. Она содрогнулась раз, другой и сдвинулась вместе завалом в сторону, словно это был бумажный мусор. Разгневанный и взъерошенный Ен стоял в проеме, часть его униформы обгорела выставляя напоказ протез. Весь в саже и на измазанном черным лице горели бешенством красные глаза.

- Уходим! – рявкнул он, подскочил ко мне в два прыжка, схватил за руку и буквально выволок меня из своего кабинета.

Коридор, куда хватало глаз, был в таком же плачевном состоянии и вспыхивал то там, то здесь ярким пламенем. Не такие сильные взрывы продолжали разноситься по колонии – логианцы открыли огонь из бластеров.

- А как же заключенные? – пропыхтел я, едва успевая за Еном.

- Я открыл все камеры: хотят жить, пускай сражаются.

- А твои люди?

- Ты унижаешь их, волнуясь за судьбу воинов. Они выбрали смерть в битве.

«А ты?», - хотел я задать вопрос, но от этой мысли меня отвлекла вынырнувшая из-за угла Тришер. На её плече висел задницей вперед Везнер в лакрично-розовой больничной пижаме, одной рукой она удерживала его в этом положении, а другой сжимала ручной пулемет.

- Я сказал взять самое ценное, - холодно заметил Ен.

- Строго следую приказу, - оскалилась логианка и рванула по коридору вперед. Клайв взглянул на меня безумными глазами, свисая вниз головой, и судорожно сжал в руках ручку дорожной

аптечки.

Воистину, взяла самое ценное.

Нас стали нагонять выстрелы, и стены вокруг заплевались осколками. Тришер скалилась и лупила из пулемета, Ен схватил меня на руки так, что я очутился спереди лицом к нему, обхватив ногами. Я и Клайв были жалкими людишками, балластом, неспособным дать отпор.

Мы вломились в ангар, где стояли катера и один фрегат - компактный, маневренный, но все равно внушительный. Уже на подходе к трапу колонию сотрясло взрывом, по силе превышающим все предыдущие. Ангар тряхнуло, но его стены устояли. Внутри фрегата нас усадили в кресла и пристегнули намертво. Ен и Тришер разместились в креслах первого и второго пилота, сосредоточенно и быстро защелкали по панели, заводя корабль. Раздался голос бортового помощника:

- Внимание, отстыковка произошла. Перехожу на бортовое питание.

Горевшая до этого резервными кнопками панель управления зажглась как рождественская елка. Впереди появилась огромная проекция, на которой в данный момент отражался расходящийся шлюз ангара. Фрегат плавно перешел на взлет и устремился в раскаленное небо Лога. Нас немного потрясло на выходе из атмосферы, но турбуленция быстро прошла и вокруг остались лишь звезды, а позади Лог и его два солнца.

- Неужели выбрались, - вздохнул лакрично-розовый Клайв. Откуда этот сумасшедший цвет?

- А вот хер тебе по всей морде, - хрипло и коротко хохотнула Тришер: - смотри внимательно, все самое интересное впереди.

На экране проступили корабли, скинув с себя камуфляж. Небольшая армада появилась из ниоткуда. Ен выругался и нажал кнопку связи.

Тришер снова рассмеялась:

- Он тебя не отпустит!

Экран мигнул и перед нами появился незнакомый мне логианец. Его волосы были черно-белыми, брови и ресницы белоснежными в абсолюте. На проекции он казался мощнее Ена и куда свирепей.

- Даган, - голос незнакомца резал слух скрежетанием. – Швайнце лихт набэ!

- И тебе привет, лэр Хаик, - спокойно ответил Ен.

- Исту, Даган! Исту! – рявкнул Хаик.

- Отказываюсь, меня устраивает тот язык, на котором я говорю сейчас.

- Брахет! – зашипел повстанец, прищуривая черные глаза.

- Себя я не предавал.

- Ты предал свой народ! Ты позволил этим захватчикам из Федерации чинить на нашей планете беспредел! – Хаик перешел на всеобщий с сильным акцентом, и я внезапно осознал, как чисто логианцы в колонии говорили на чужом языке. – Брахет!

- Свой долг перед своим народом я нес долгие годы и выплатил его сполна. А теперь позволь нам улететь, - угрожающе объявил Ен.

- Ты умрешь. Сейчас, – ответил Хаик. – Планета теперь моя. Дэали мертв. Ихта ценвейн маурэ!

- Отлично. Наводи оружие! – рявкнул Ен и сам потянул рычаг управления корабельных пушек. Тришер повторила маневр со своей стороны.

Мы умрем. Вот прямо здесь и сейчас. Снаряд разорвет обшивку и вакуум заполнит все пространство внутри, сожрет атмосферу корабля. Если нас не распылит до этого на нейтроны и протоны, то нас убьет космос.

А затем случилось невероятное: наш корабль дал залп, расчищая себе путь, и резко перешел в гипер. Я ощутил резкий рывок где-то в диафрагме и сильный приступ тошноты, когда меня распластало по сидению. Корабль тряхнуло и выкинуло из

подпространства. По всей вероятности нас успели задеть, потому что включилась аварийная система.

- Внимание! Разгерметизация грузового отсека! Внимание! Разгерметизация грузового отсека!

- Что это? – раздался дрожащий голос Клайва.

Перед нами висела проекция космоса с огромной черной пастью практически на весь экран.

- Это, мой глупый мальчик, жопа мира, - мрачно ответила Тришер.

Нас отнесло к черной дыре и неотвратимо в нее затягивало. Фрегат содрогался и скрежетал всем своим металлическим корпусом.

***

- Я в грузовой, - сообщила логианка и стремительно покинула капитанский мостик.

Клайв проводил её совершенно обезумевшим взглядом, затем отстегнулся и секунду спустя его и след простыл. Я не стал останавливать Везнера - если нам суждено здесь умереть, пусть каждый сам выберет где и с кем провести последние минуты своей жизни.

Долгий и протяжный визг металла голодным зверем вцепился в мои внутренности, выворачивая страх внутри меня наизнанку. Мой испуганный взгляд метнулся к Ену, он щелкал длинными пальцами по приборной панели, сверял данные на мониторе и лишь в поджатых тонких губах отражалась обреченность ситуации.

- Внимание! Первый двигатель вышел из строя! Внимание! Первый двигатель вышел из строя! Внимание!...

Ен замер на мгновение, а затем сорвался с места и кинул мне коротко:

- Не двигайся!

Просто замечательно! Уму непостижимо!

Я отстегнулся и кинулся было за ним, совершенно не отдавая себе отчета в своих действиях, но в последний момент сообразил, что не знаю, куда умчалась моя свихнувшаяся вторая половина. Паника захлестывала, бурлила щелочью в желудке, кислотой подступала к горлу. Кажется, так страшно мне не было никогда…

Фрегат затрясло в очередной раз и сильно толкнуло, опрокинув меня на пол.

Не хочу умирать. Не хочу…

- Не хочу! – крикнул я в потолок и всадил кулаки в решетки пола.

Резкая боль отрезвила, кровь, стекающая по ребрам ладоней, придала сил.

- Я не умру здесь один! Слышишь, чертов красноглазый ящер!

Но грозиться и потрясать окровавленными кулаками оказалось проще, чем выйти из отсека: Ен заблокировал дверь снаружи.

«Внимание! Второй и третий двигатели вышли из строя! Внимание!...»

- Да заткнись ты! – рявкнул я.

Помощник заткнулся. Плохой знак, суливший новую кучу дерьма. Фрегат словно прислушивался к тому, что сейчас происходило с его металлическим телом. Подсчитывал повреждения и готовился оповестить о грядущем пиздеце… Все тот же холодный и безучастный голос сообщил: «Все двигатели выведены из строя… Все двигатели выведены из строя… Все двигатели…»

Я взвыл нечеловеческим голосом и в защитном жесте обхватил собственный живот, пытаясь сохранить жизнь, которую у меня скоро отнимут. По теории вероятности у нас один шанс на миллиард. Да какой там миллиард? Нет такого числа, способного показать соотношение шансов на наше спасение.

«Утечка кислорода… Утечка кислорода… Уровень кислорода упал на 10%... Уровень кислорода упал на 10%... »

Я подбежал к креслу первого пилота, понимая, что все равно ничего не смогу сделать.

- Будь оно все неладно! – заорал я, с размаху всадив кулак в хаотично мигающую панель управления.

- Оно и так ВСЕ неладно. Мы не сможем остаться в этом пределе космоса, нас всосет.

Я развернулся на рычащий голос, в котором сейчас четко улавливался чужеродный акцент, и встретил спокойный взгляд изменчивых глаз. Из-за завывающего аварийного сигнала я не услышал, как Ен вернулся. Мы катились в сам Тартар, а этот мужчина был спокоен и безмятежен. Мало того, он и меня каким-то непостижимым образом заразил спокойствием.

«А что будет, если нас всосет?», - хотел спросить я, но вместо этого подошел к нему и впервые позволил себе проявить слабость… к своему мужчине, не похоть, не дурость: уткнулся лбом в по-металлически твердую грудь, обтянутую грубой тканью кителя.

Сказать или нет? Он же был так уверен, что это невозможно, а так я хоть перед смертью посмотрю на его удивленную морду…

«Уровень кислорода упал на 15%... Уровень кислорода упал на 15%»

Черт, слишком быстрая утечка!

Фрегат снова тряхнуло и меня повело, стальные руки помогли удержаться в вертикальном положении, крепко прижав к сильному телу. Я снова посмотрел в ставшие для меня целым миром глаза и… не смог произнести ни слова. Стоя одной ногой на собственной, а второй на его могилах, я не мог сказать ЕМУ правду. Не мог…

Со стороны грузового отсека и первого двигателя прогремел взрыв, нас опрокинуло на пол, и едкий запах гари проник в капитанскую рубку.

«Уровень кислорода упал на 50%...»

Корпус корабля скрежетал и скулил, то протяжно и жалобно, то утробно и гневно, началась какофония света и звуков, реальность заскакала перед глазами сюрреалистичными картинами, вытягиваясь и сжимаясь до неузнаваемости, теряя четкий контур и искажаясь в цвете. Меня мутило, виски схватило тисками, тело теряло вес и плотность. «Буду блевать, определено», - появилась в голове мысль и тут же задвинулась на задворки подсознания ревом Ена. Рохаэ с исказившимся болью лицом рвал когтями протезированное плечо.

- Прекрати! – крикнул я или только подумал, что крикнул. Пространство не отразило звука, словно проглотило.

Я схватил Ена за запястье двумя руками и попытался остановить его попытки вырвать себе руку, но в это мгновение все мое тело прошило невыносимой болью, словно я попал между жерновами, мышцы рвались, кости хрустели и дробились. Горячая кровь потекла снаружи, а не внутри… Корпус корабля прогнулся.

В голове метнулась запоздалая мысль, что где-то в недрах фрегата потерялись Клайв с Тришер и, наконец, я сдался.

Я кричал и кричал, но не слышал себя. В мире боли и страданий не позволено кричать. Это был неправильный мир боли. Нас пережевывало с чувством и с толком в полной тишине.

***

Нас пережевало и выплюнуло. Фрегат дрейфовал в открытом космосе. Его помяло, но не разорвало. Как и нас. Придя в себя на полу, я обнаружил, что мое тело невредимо, боль была иллюзорной: все, что я видел и ощущал до этого, было плодом воображения моего растерянного мозга, столкнувшегося с феноменом Черной дыры.

Рядом со мной пошевелился Ен, сделав глубокий вздох, он сел, взглядом оценивая мое состояние, проверил свое окровавленное, но целое плечо. Молча поднявшись на ноги, рохаэ быстро вздернул меня следом, подождал, пока я обрету подобие баланса на нетвердых ногах и сел в кресло первого пилота.

Панель управления не поддавалась уговорам его умелых пальцев и упрямо мигала аварийными кнопками.

- Нам осталось только дрейфовать, - заключил Ен в итоге, откидываясь на спинку кресла. «И умереть», - повисло в воздухе.

- Запас кислорода? – спросил я, вглядываясь в до сих пор функционирующую проекцию космического пространства.

- Практически на нулях.

- Мы умрем? – зачем-то спросил я.

- Да, - зачем-то ответил он.

Дверь шикнула и в капитанской рубке появилась Тришер и, вслед за ней, розово-зеленый Клайв. Зелен он был лицом.

- Даган, настрой проекцию на 50 градусов по левому борту, - сходу заявила она.

На экране появилась планета – большая и безжизненно-серая… Но вот спутник её был маленьким и туманно-голубым, как Земля.

Оказывается, нас выбросило в систему звезды, которая сейчас сияла протуберанцами на поменявшей объект проекции.

- Мы не сможем добраться до неё с заглохшими двигателями, - буркнул я очевидное, уставившись на вновь появившуюся на экране планетку.

Ен встретил горевший энтузиазмом взгляд логианки и вскочил с места как ошпаренный, Тришер, чуть ли не пританцовывая, выскочила за ним, а все еще розово-зеленый Клайв бухнулся в кресло, закрыв лицо ладонями.

- Удивительно, - сказал он, убрав руки от лица: - жизнь в колонии казалась мне нескончаемым кошмаром, а сейчас я пробудился и вместо радуги и единорогов увидел совершенно свихнувшуюся реальность.

Я хотел было возразить по поводу совместимости единорогов и реальности, но корабль тряхнуло, и я едва удержался на ногах.

Клайв уставился на меня полубезумными глазами, но тряска внезапно прекратилась.

Через час мы все-таки держали курс на голубую планету на одном правом двигателе.

- Я не смогу посадить фрегат, - сообщил Ен. – Одевайте скафандры и залезайте в спасательные капсулы. Мы скоро будем на орбите.

Ен лег в капсулу последним, предварительно поставив корабль на автопилот. Нас должно было катапультировать из фрегата, как только тот пройдет верхние слои атмосферы. Окружающий меня мир снова трясло и болтало вместе со мной, я чувствовал себя песчинкой в водовороте. Очень зеленой, напуганной до усёра и на грани рвоты песчинкой.

Нас выбросило в атмосферу, и капсула запищала, включив автономную систему. Казалось, еще немного - и у меня начнется гипервентиляция: горло перехватывало сухими спазмами, дышать становилось все труднее, и слезы безостановочно текли по лицу.

Удар. Еще один и еще.

Капсула скакала как резиновый мячик по твердой поверхности, пока не замерла на одном месте. На верхней отдвижной панели, прямо перед моим лицом, замелькала информация о планете: состав воздуха, грунта, сколько процентов занимает мировой океан от суши, сканирование окружающего ландшафта. Ком дал зеленый свет, и панель с глухим хлопком разгерметизировалось: капсула раскрылась как орех, и ярко-голубое небо заполнило все видимое мной пространство.

Я сел, снял шлем и вдохнул полные легкие сладковатого воздуха - голова вмиг закружилась, и я снова лег. Когда с неба перестали сыпаться световые хлопья, я снова сел и огляделся. Мою капсулу выкинуло на поросшую высокой травой поляну, которую вокруг обступил густой лес. Далеко над деревьями поднималось плотное облако черного дыма. Значит, катер упал там.

Не успел я вылезти из капсулы, как послышался треск деревьев и на поляну выскочил Ен с диким выражением лица. Поймав меня в поле зрения, он на миг замер, а потом в несколько

шагов преодолел расстояние между нами.

- Ты цел? – спросил он меня, ощупывая и обнюхивая. Ощупывания были скупыми и жесткими, узкие крылья носа трепещущими, взгляд острым и сосредоточенным.

Пара сломанных веток, несколько вырванных кустарников - и на поляну вывалилась Тришер. Её волосы растрепались, в отличие от собранных в тугой хвост еновых волос, и выглядели совсем уж ядовито на фоне сдержанной зелени леса.

- Где Везнер? - взгляд её заметался по поляне и, не найдя желаемое. потяжелел.

- Эй! – раздался голос Клайва со стороны, противоположной той, откуда появилась Тришер. – Кто-нибудь?! Помогите, а?!

Логианка сорвалась с места и помчалась на голос, выкорчевывая деревья, посмевшие встать на пути между ней и Везнером. Нам же осталось только пройти по её следам. Всклокоченный Клайв сидел в капсуле, плавающей посередине небольшого лесного озера, перепуганным взглядом он прослеживал мелкую рябь на воде.

- Ты чего там загораешь, Везнер? – недовольно спросила Тришер.

Клайв, проигнорировав её тон, продолжил смотреть куда-то в глубину, схватившись за бортик капсулы двумя руками.

- Здесь что-то плавает, - ответил он сдавленным голосом. – И я больше чем уверен, что это "что-то" способно откусить от меня половину.

Тришер нервно переступила ногами, оставив в мягком грунте глубокие борозды от когтей.

- Плыви уже сюда, трусло, и не выдумывай.

- Сама плыви! – огрызнулся Везнер и лег на дно капсулы. – Я здесь останусь.

- Ты за это заплатишь, - тихо прошипела логианка и как-то неуверенно ступила в воду.

И тут меня осенило:

- Вы плавать-то умеете? – спросил я у Ена.

- Умеем. Но не любим, - на его лице не дернулся ни один мускул.

Лог был засушливой смертоносной пустыней, воды на нем было мало, и где-то в его недрах находились мифические озера, и то, что логианцы не любили плавать, было не удивительно.

Тришер уже была в капсуле, капая на тихо сопротивляющегося Клайва водой. После небольшой стычки, из которой она, естественно. вышла победительницей, логианка швырнула в воду вытаращившего глаза парня. Везнер вынырнул быстро, но после судорожного вдоха не проронил ни звука, замерев в воде не хуже ящерицы. Прыгнувшая за ним Тришер еще не показалась на поверхности и Клайв дергано озирался. Мы с Еном промолчали, когда позади него всплыла ядовито-желтая кочка и по-крокодилье тихо стала подбираться к нему. Мы также ни словом, ни движением не отреагировали на то, что Тришер анакондой бросилась на заоравшего от неожиданности Клайва и утащила его под воду. У меня только веко задергалось, да у Ена бровь изогнулась крутой дугой.

- Я ненавижу тебя! – заорал вынырнувший Клайв и быстрыми гребками добрался до берега. Хохотавшая как гиена Тришер вышла на берег вслед за ним.

- Ты - ходячее недоразумение, - выдавила из себя логианка, пытаясь отсмеяться.

- Тупая баба! – припечатал Везнер. – А что если бы нас сожрали?!

- Кто? Вот это? – она ткнула пальцем на вылезшее вслед за ними трепещущее существо с длинным как у змеи тельцем, восьмью лапками и совершенно беззубым ртом.

- Забавный, - сказал я.

Клайв насупился, и в его взгляде проглянул еще не до конца сдохший в колонии ксенолог. Везнер уже решил подобраться

ближе, как это земноводное пригнулось и сжалось, а из воды выпрыгнула зубастая тварь размером с бегемота. Тварь сербнула, всосав оставшийся тонкий чешуйчатый хвостик, и задом уползла в воду, отталкиваясь когтистыми конечностями.

Повисла тишина. У меня дергалось уже оба глаза, бровь Ена изломилась под непередаваемым углом, а Клайв, собрав в фокус взгляда все свое молчаливое негодование, пытался просверлить в Тришер дырку.

- Нас-то не съели, - заявила она и вызывающе усмехнулась ему в лицо.

Впервые Везнер не нашел, что ответь этой женщине.

Глава 9. Эпилог

Чужой мир, незнакомый ни землянам, ни логианцам. Мы были все время настороже, постоянно на взводе, ожидая сюрпризов из-за ближайших зарослей или высокой травы. Местная фауна затаилась, распуганная взрывом нашего корабля, но это безмолвие - до поры до времени. Мы успели дойти до обломков, взять с собой из непострадавшего то, что могло бы пригодиться и уйти от фрегата на километр, когда на нас напали. Ен с Тришер уловили угрозу раньше и стали теснить нас с Клайвом друг к другу, как овчарки маленькое стадо овец, только напавшие были не волки. Это были арагхалы. Вот так неожиданность. Не менее огромные чем на Логе, снова сплошь мышцы, клыки и зубы; покрытые зеленой чешуей и шипами вдоль холки.

Логианцы источали волнение и растерянность, но желание защитить свое взяло верх. Гумоноидные «ящеры» зарычали утробно, оголив клыки и дав понять, что арагхалы - не единственные хищники среди этих вековых деревьев. Звери напали и, напоровшись на неслабый отпор, отступили, оставив троих собратьев биться в предсмертных судорогах.

- Отлично, - хрипло произнесла Тришер, - будет, чем червячка заморить.

Короткий взгляд в сторону Ена - и решение принято единогласно. Каково им было убивать существ, приравненных к божеству? Не знаю, но выбор они сделали. Ен его сделал еще тогда, когда отпугнул от меня арагхала фризером.

Ночь принесла новое открытие: в траве и местами на коре деревьев неоново-красным лишайником горели симбионты, в состав которых входил элемент, схожий по свойствам с девонием. Но его здесь было крайне мало, словно брызги крови.

- Мы должны найти место, богатое этим элементом, или сдохнем, - сообщил Ен, перетерев один из шариков симбионта в ладони, он поднес к лицу руку, вдыхая запах. Красные глаза потемнели до фиолетового и бликанули ртутью.

- Нам нужно развести костер, ночь холодная, - сказал я, ежась в своем тонком тюремном комбезе.

- Никакого огня, мы привлечем хищников, - отрезал Ен и расправил термоспальник - один из трех спасенных.

- А так нас якобы не сожрут? – я с сомнением уставился на спальник на земле, а потом взглянул на толстые ветки над головой. – Нам лучше на дерево.

- Мы с Даганом дежурим до рассвета по очереди, будем сон ваш охранять, цветки вы наши нежные, - Тришер покосилась на шевелящейся спальник. Им с Клайвом досталось два и Везнер уже забрался в один из них, дрожа всем телом.

- Отлично, - буркнул он и шмыгнул носом.

Похоже, он слишком привык к климату Лога, раз вел себя так, словно его облили и голышом выставили на мороз в минус двадцать, меня же слегка бил озноб из-за сырости. Судя по буйной растительности, в этой планетной полосе было лето. Что будет с жаролюбивыми логианцами, когда похолодает?

- Нам нужно двигаться на юг, - озвучил я результат своих размышлений.

- Так и сделаем, - отозвалась Тришер, забираясь в спальник к Везнеру, проигнорировав свой.

- Какого черта? – взвыл Клайв, брыкаясь как молодой бык на родео. – Свали от меня!

- А ну, захлопнись, - тихо буркнула Тришер и подмяла под себя возмущенного парня. – Так теплее.

Тришер было холодно, значит и Ен чувствовал себя не в своей тарелке. Я взглянул на тень, притаившуюся на широкой ветви дерева - рохаэ выбрал себе место наблюдения, с сомнением ощупав ствол - не камень все же, и взобрался на него с кошачьей легкостью.

Я глубже зарылся в спальник и, слушая возню Тришер и Клайва, заснул, утомленный прошедшими сутками. Проснулся, когда Ен расстегнул замок термомешка, бесцеремонно подвинул меня и лег рядом. Я обхватил его прохладное тело руками и ногами, положил голову на грудь, ощущая грубую ткань кителя под щекой, и снова уснул.

Утреннее пробуждение было неожиданным: меня мутило со страшной силой, я забился в мешке, путаясь в собственных конечностях словно паук, пытаясь расстегнуть замок. Ен молча расстегнул его за меня, оперативно вытащил из спальника и утащил к кустам, где меня благополучно стошнило желчью.

- Как самочувствие? – поинтересовалась Тришер, орудуя лазерным резаком. Они с Клайвом уже развели костер, и логианка сейчас освежевывала вчерашнего арагхала, вновь приобретший зелено-розовую палитру Везнер помогал ей молча.

- В норме, - ответил я, подходя ближе к костру.

- А когда объявишь радостную весть?

- О чем ты?

- О том, что ты залетел.

Кончики пальцев закололо ледяными иглами, холод обдал мое тело с ног до головы. Я обвел взглядом нашу небольшую группу – только Клайв со своим идеальным «о» вместо рта, выглядел удивленным, Ен же смотрел на меня мрачно, ожидая, видимо, ответа.

- Ты знал?

- Мы оба знали, - Тришер отложила нож и поднялась во весь свой рост. – Во время переливания крови, в самый первый раз, я влила тебе кровь логианца. Затем я делала тебе переливания с

согласия Дагана.

- Ты могла меня убить, - я еще толком не понял, точнее, не воспринял то, что она мне сказала.

- С вероятностью в девяносто девять и девять процентов, - кивнула она. – Но ты выжил.

- Выжил, - эхом повторил я.

- Да, выжил. И смог понести от логианца, – её взгляд стал тяжелым и вызывающим.

- Зачем?.. – «зачем вы это сделали?» - хотел спросить я, но голос меня предал.

- Я спасла тебе жизнь. Ты должен быть благодарен.

- Должен? Ха! – меня, наконец, прорвало. – Должен за что? За то, что вы обошлись со мной как с вещью? За то, что я ношу в себе непонятно кого? Кого я рожу? А точнее - что?! Ты в курсе, что семьдесят процентов гибридов, рожденных естественным путем от землянина и инопланетника, рождаются с уродствами несовместимыми с жизнью? В курсе?! А то, что между логианцами и землянами не было зафиксировано ни одного помета?!

- В курсе, естественно, - Тришер саркастически выгнула желтую бровь дугой.

- А ты? – я развернулся к Ену, меня трясло от ярости и вновь поднявшего голову страха. – Ты знал, что я могу залететь, когда врал мне в глаза, что это невозможно?

Радужка Ена перетекла из красного в фиолетовый и сверкнула ртутью, губы плотно сжались, ноздри раздулись, давая понять, что ему очень не нравится мое поведение. Да похер!

- Знал.

- Прекрасно! - всплеснул я руками. – Просто зашибись! Ты хочешь, чтобы меня порвало на армейский флаг то, что сейчас внутри? Ты, бл*дь, мне чужого подселил и радуешься! Ненавижу вас обоих!

Я развернулся на пятках и ломанулся в чащу – пусть меня дикие звери сожрут, чем это! Да пошло все к еб*ням!

Я бежал, задевая ветки, по пояс в траве, где могла водиться не самая очаровательная часть этой планеты, но мне было совершенно все равно. В итоге я заблудился.

Чертова истеричка! Вокруг деревья, поросшие чем-то вроде мха, кроны сходились так плотно, что не видно было неба, живность попряталась, распуганная шумом. Сумерки. Густые, прохладные и жуткие.

Резкий треск за спиной заставил меня развернуться в прыжке: Ен вышел ко мне, корежа заросли на своем пути. Он двинулся навстречу и его потемневший насупленный взгляд не сулил мне ничего хорошего. Когтистая, черно-красная рука сгребла меня за грудки и вздернула вверх. Я схватился за неё обеими руками и засучил ногами в воздухе.

- Не смей. Никогда больше. Говорить. Подобного! – каждое слово он прорычал мне в лицо.

- А то что? – запал во мне еще не прошел, хоть и страшно было как никогда рядом с ним. Я чувствовал, как его гнев клокочет где-то на поверхности.

Ен не ответил, он опустил меня на землю, схватил за отросшие уже до плеч волосы и заставил встать на колени.

- Или проведешь так всю оставшуюся жизнь, - наконец произнес он.

Я обидел его. Я знал это и не мог выдержать обвиняющего взгляда. Я ткнулся лицом ему в бедро, прильнул и потерся щекой, ощущая, как хватка на моих волосах слабеет.

- Прости, - пробормотал я. – Прости…

Ен направил меня рукой, и я уткнулся носом ему в пах, расстегнул ширинку и высвободил терпко пахнущий член наружу. Прошелся языком по всему стволу, обвел кончиком чешуйки у основания, а потом сам насадился до глотки. Рохаэ задышал часто и отрывисто, вздернул меня вверх и вытряхнул из комбеза,

не снимая ботинок. Его грубые поцелуи доводили до исступления, ставшие чувствительными припухшие соски посылали волны похоти прямиком в пах, когда он присасывался к ним, мял, оттягивал и покусывал.

- Не могу больше, - заскулил я и оттолкнул Ена от себя. Трясущимися руками я стянул с него порванный китель и бриджы, оставив совершено обнаженным, со стоном приник губами к его шрамам на плече, вылизывая каждый рубец. Ен снова схватил меня за волосы одной рукой, второй обхватил подбородок и поцеловал. Целовал так, словно трахал языком, я вцепился в широкие плечи и запрыгнул на него, Ен подхватил меня под бедра и прижал к первому попавшемуся стволу дерева, продолжая облизывать мой рот. Между бедер потекло, и я начал бесстыдно тереться о твердый живот, пачкая его смазкой. Рохаэ прикусил меня за шею ближе к плечу и вошел одним плавным движением, и, даже не подумав притормозить, стал жестко драть, прижав к дереву. Я стонал, запрокинув голову, выгибался, пытаясь насадиться сильнее и в тоже время отодвинуться от жесткой коры. Ен, кажется, заметил это, потому что поставил меня на землю, развернул спиной к себе и, не дав опомниться, сразу вошел. Я вцепился в дерево руками, чувствуя, как удовольствие расплавляет меня в кисель, как горит кожа там, где он ко мне прикасается, и как он прогибает под себя. Ен потянул меня за волосы и нажал ладонью на поясницу, выгибая луком мое дрожащее тело. Я заскулил, заскреб ногтями по коре, запрокинул лицо, отмечая толстые ветви над головой и раскачивающиеся занавеси мха, и кончил с протяжным стоном-воем. Колени подгибались, не выдерживая больше натиска Ена, и он поставил меня на четвереньки прямо в траву, дотрахивая и покусывая мне спину и плечи, притиснул к себе в крепком объятии и кончил с глухим рыком.

Ен усадил меня на себя, откидываясь спиной на ствол дерева. Я повис на нем бессильно и расслаблено, прижавшись щекой к груди. Полная идиллия. Большие шершавые ладони прошлись по моим бокам и слегка сжали, отодвигая.

- Мы должны идти к остальным, - сказал он. – Арагхалы нас пасут: если мы сейчас не соединимся с Тришер и Везнером, они нападут.

***

Я сделал вид, что забыл о случившемся, но я не забыл. Червь обиды точил изнутри, напоминая о том, что я – подопытный кролик. Здравомыслящая часть меня понимала, что я порю горячку, что и Ен, и Тришер заслужили полного и безоговорочного доверия с моей стороны, но ничто не могло умалить того факта, что моим телом воспользовались для опытов и в нем сейчас зрело нечто. Теперь я четко осмыслил то, что… Я даже слово это произнести не могу… Я – беременный.

Эксперимент удался, твою мать! Если бы это случилось не со мной, то я с профессиональным интересом наблюдал бы за протеканием подобной беременности. Но это - мое тело. Тело, которое повергало меня в ужас, с которым я не смирился.

***

Мы все время двигались. Шли строго на юг, но когда этот «юг» начнется, никто не знал. Судя по деревьям, низкой ночной температуре и лишайнику на стволах, мы находились в северных широтах планеты. Местами начинающая желтеть листва предвещала скорую осень, а зима на севере наступала быстро и люто. Нам необходимо было спешить, иначе наши «ящеры» окочурятся от холода и нехватки девония в почве и пище.

Через пару недель блуждания я заметил изменения в собственном теле – вокруг моих сосков образовались круглые и элипсовидные уплотнения, которые через несколько дней превратились в бледно-розовую чешую. Тришер осмотрела меня и заявила, что все идет как нельзя лучше, мое тело готовится к появлению маленького логианца.

Здорово, что я еще могу сказать.

На вопрос, что у меня еще может вырасти, Тришер пожала плечами и ответила: «Кто знает?».

М-да…

***

Мы зашли в тупик, перед нами возвышались каменные

исполины – горы, преодолеть которые было невозможно: они отвесной стеной тянулись в небо и терялись в тумане и облаках. У их подножия мы встретили новую угрозу, на этот раз - с воздуха. Еще дня три назад Ен отметил, что не чувствует по близости ни одного арагхала. После того, как мы наткнулись на гнездовье «летунов», вопрос: куда подевалась крупная живность на километры вокруг? - отпал сам собой. Над нашими головами захлопали кожистые крылья, твари, похожие на горгулий, спикировали вниз, раззявив пасти, полные острых зубов. Одна из них чуть не утащила Клайва, посчитав его розовый наряд аппетитным. Тришер порвали местами, пока она пыталась отбить Везнера, но, в целом, логианка не пострадала, да и Везнер отделался легким испугом.

Мы снова укрылись в лесу, под тесно сплетенными кронами, потеряв еще день пути. Потрепанная механическая рука Ена, раны Тришер и Везнера казались сущим пустяком по сравнению с грязно-розовой выцветающей кожей логианцев: нехватка девония сказывалась на их здоровье.

У нас не было шанса выбраться из этого мира, но выжить очень хотелось.

Мы выбрали путь на запад, чтобы обойти горы и снова двинуться на юг. Дожди зачастили, листья пожелтели, и в воздухе ощутимо запахло зимой. Дни превратились в бесконечное выслеживание пушного зверья, чтобы согреть наши бренные тела. Приходилось неделями сидеть на одном месте, чтобы высушить шкуры и обеспечить себя одеждой, наша группа из трех мужчин и не менее мужественной женщины превратилась в кружок кройки и шитья. Каждую ночь Ена трясло в спальнике, да и термомешок Везнера с Тришер ходил ходуном. По утрам не выспавшийся Клайв тайком бросал на бледную и осунувшуюся логианку обеспокоенные взгляды.

Ен выглядел едва ли лучше. Мы рисковали помереть, так и не достигнув цели своего путешествия, а внутри меня беспокойной рыбкой уже билось маленькое нечто.

Путь был изматывающим, симбионты хоть и попадались чаще, но их было все еще катастрофически мало, и наши логианцы хирели на глазах. Отставшие у гор арагхалы вновь напали на наш след и в этот раз подобрались совсем близко. Они чувствовали в Тришер и Ене схожую звериную натуру, и

инстинкты гнали их разобраться с чужаками, посмевшими покуситься на их территорию. Получившие отпор вначале, сейчас хищники чувствовали слабость во враге.

Спустя три месяца изнуряющих скитаний мы приблизились практически вплотную к цели нашего путешествия: за невысокими горами замаячила пустыня со скалами психоделических расцветок и головокружительными каньонами. Я вырос в Федерации, но видел немало внеземных пейзажей, будь то металлические леса хнуртов на фоне оранжевого неба или висячие скалы донаэв, но глубокие полосатые каньоны с каменными чашами, полными прозрачной как хрусталь воды, были прекрасны. Над расчерченными пастельными тонами скалами висел каскад лун, выстроившейся дымчатыми при свете дня дисками по спирали: огромный, занимающий четверть неба диск впереди и пять меньших за ним. В этом мире восход лун был целым представлением: шесть разноцветных сияющих шаров поднимались в звездное небо одно за другим, принимая к полуночи чистый серебряный оттенок.

- А если в породе не девоний? – спросил Клайв.

- Это определенно девоний, - ответила Тришер поджав побелевшие губы: - иначе нам всем крышка.

Когда Ен сделал выбор между мной и своим народом, он прекрасно понимал, что вне экосистемы Лога, без поддерживающих препаратов его дни сочтены. Он сделал ставку на волю случая и, к счастью для всех нас, не проиграл: мы получили в дар эту планету, на которой были недосягаемы для наших прошлых жизней. При взгляде на непривычный пейзаж невольно закрадывалась мысль, что черная дыра все же раздавила нас и оставила себе опустошенные тела. Души вознеслись и попали в совместный рай для землян и логианцев. Только я сомневаюсь, что в раю логианки падают в обморок с посеревшим лицом.

Черт!

Ен оперативно сгрузил с себя все мешки с нажитым скарбом и поднял на закорки Тришер.

- Оставьте пока это здесь, потом вернемся, - сказал он и стал спускаться к каньонам. Клайв, словно привязанный невидимой

нитью к Тришер, тут же потащился следом.

В слоистой скале была узкая длинная щель в полтора человеческого роста, а внутри ее оказалась просторная пещера, вся увешанная помигивающими симбионтами. Сухой чистый пол и каменная чаша наполненная водой. Ен быстро раздел Тришер и положил в чашу, придерживая ей голову, чтобы она не ушла под воду. Наполнив походную фляжку прямо из чаши, Ен протолкнул горлышко меду губами логианки и влил в рот пару глотков.

- Везнер, - позвал Ен, - держи ей голову.

Клайв устроился с краю естественного каменного бортика и обхватил дрожащими руками голову логианке.

- Я за вещами. В бластере есть пара зарядов, - рохаэ протянул мне оружие.

- Ты сам едва на ногах держишься! – я схватил его за плечо и требовательно посмотрел в глаза: - пойду я!

- Это не обсуждается! – огрызнулся Ен, взял мою руку и пихнул в неё бластер.

- Ен!..

- Сидеть на месте! – и ушел. Черт! Упрямый ящер.

***

- Она такая женственная, - пробормотал Клайв вглядываясь в умиротворенное лицо Тришер. Логианка все еще звездой лежала в воде, дыша мерно и тихо. – Никогда бы не подумал, что она может так выглядеть.

Яркие пряди волос расходились в воде живыми водорослями, то прикрывая, то оголяя маленькую крепкую грудь с лимонной чешуёй вокруг алых сосков.

- Она словно восковая, - Клайв смотрел во все глаза на обнаженную Тришер, жадно впитывая каждый изгиб крепкого, но определенно женского тела. Что, парень, непривычно? Отвык ты от такого зрелища?

У Тришер была очень гладкая кожа и чешуя на теле оказалась полупрозрачной словно самоцветы, тонкие ключицы и длинная шея предавали ей сходство со статуэткой, со всей аккуратностью вылепленной из воска.

Клайв переместил одну руку под голову логианке, а второй погладил её по щеке, сначала робко и неуверенно, но вскоре пальцы стали нежно оглаживать брови, острые скулы, приоткрытые губы.

- Дай сюда фляжку, - попросил он и, получив её в руки, влил немного в рот Тришер.

- Она поправится, - попытался приободрить я.

Клайв вскинул на меня взгляд, свет от симбионтов лег тенями на его красивое лицо и подсветил жидкой ртутью глаза:

- Мне иногда кажется, что мы умерли еще там, в дыре, но, когда я прикасаюсь к ней вот так, мне не хочется в это верить.

- Мы живы, все обошлось.

- А заслужили ли мы вторую попытку? Ведь среди нас нет невиновных. Я точно грешен, - кажется, для Клайва пришло время исповедаться. – Каждый божий день, прошедший в красном аду, я не сомневался, за что меня посадили. Я не белый и пушистый, я монстр, избивший и изнасиловавший брата собственной невесты.

- Невесты? – наличие в прошлом Клайва невесты удивило меня сильнее, чем то, что он и впрямь сидел за преступление.

- Невесты, Дален, невесты, - хмыкнул он, и в углу его губ образовалась горькая складка. – Я - из хорошей семьи и помолвлен был с детства. Я любил и думал, что любим, но сильно ошибся. Она играла со мной, водила за нос, притягивала и отталкивала. Я с радостью принимал эти условия, считая дни до свадьбы, но накануне самой церемонии я обнаружил свою невесту в родительской спальне с её собственным братом. Дальше я помню смутно, я избил обоих до полусмерти, изнасиловал его на её же глазах. Парень потом год лежал в психушке. Что с ними стало дальше я, по понятным причинам, не знаю.

- Знаешь, что-то мне кажется, что ты искупил свою вину, - сказал я, выдержав его пристальный вопросительный взгляд.

- Может быть. Я хочу и дальше чувствовать спиной грудь этой глупой женщины и делать вид, что прижимаюсь к ней от холода, - слабо улыбнулся Везнер, и его лицо немного расслабилось.

- Хватит себя жалеть, дай воды.

Я вздрогнул, а Клайв и вовсе вскрикнул, отдернул руки, а потом с испугу притопил ими же логианку. Та вынырнула, отплевываясь от волос и воды, и насмешливо взглянула на Клайва:

- Так много не надо, обошлась бы парой глотков.

Клайв стерпел насмешку, поджав губы в тонкую полоску.

Тришер вылезла из чаши и Клайв тут же прикрыл её тело меховым плащом, спрятав женщину от моих глаз. Я фыркнул в ответ на удивленный взгляд логианки и вышел через щель, дав им время уединиться. Солнце уже садилось и на небе не было видно ни одной из шести лун. Скоро они поднимутся яркой гирляндой.

На горизонте замаячил Ен, как-то неуверенно цепляющийся пальцами на ногах за камни. Я пошел навстречу и буквально подхватил оседающее крупное тело.

- В порядке. Я в порядке, - Ен перехватил сумки с вещами поудобней и оперся на мое плечо.

Пришла моя очередь отпаивать и отмачивать в богатой девонием воде своего рохаэ. Нам придется задержаться в каньонах надолго, пока логианцы не восстановят свои силы. По крайней мере, сухая, освещенная симбионтами пещера была куда лучше мокрой травы под открытым небом.

- Ну, давай, прижмись к моей груди спиной, а то замерзнешь, - тихо посмеивалась Тришер, валяя в спальнике Клайва.

- Дура, - зашипел он в ответ, но голос был слишком довольный для недовольного.

Мы не умрем. Не сейчас, точно. И это успокаивало.

***

Я превратился в первобытную женщину, ожидающую своего мужчину с куском мамонта на плече, оберегая очаг в пещере. Клайв рвался на охоту с горящими глазами, но Тришер была непоколебима, оставляя его каждый раз один на один с беременным гермафродитом. Ему оставалось только удовлетворять свой ксенологический интерес, освежевывая туши, но уж к этому процессу он подходил со всей тщательностью, аккуратно отделяя шкуру и раскладывая по мискам печень, почки, сердца и остальную требуху. Меня порой передергивало от его поглощенного работой вида, с руками по локоть в крови, но Тришер наблюдала за ним с затаенной гордостью и тихо хмыкала от удовольствия.

У меня порой закрадывалась мысль, а не ждет ли Ен от меня подобного фанатизма, но его лицо всегда оставалось спокойным, без примеси скрытого неудовольствия или напряжения.

Проходили день за днем - мой живот рос, поясница ныла, а грудь стала тяжелой, налитой. Тришер периодически осматривала меня, ощупывала натянувшуюся кожу и расположение плода в матке - он был крупным, но лежал правильно, вниз головой. Я все еще не мог смириться с мыслью о новой жизни во мне и с содроганием ожидал её появление на свет.

Низ живота прихватило, я поморщился и продолжил счищать со шкуры остатки мяса, чтобы можно потом было просушить ее как следует. Снова боль, более настойчивая, тянущая, мешающая сидеть. Я откинулся на руках назад и рассеяно посмотрел на каскад лун в голубом небе. По моим подсчетам, рожать мне только через два месяца, но, видимо, плод считал иначе. Снова боль - и я от страха задышал чаще, закусил губу до крови и поднялся на ноги с тростникового настила, лежащего возле входа в пещеру. Тришер и Ен шарили по округе, Клайв был в пещере, засаливал мясо и перебирал съедобные клубни, чтобы они не испортились. Схватившись за прохладную каменную стену руками от новой волны боли, я привлек внимание Везнера:

- Что с тобой? – спросил он, отвлекаясь от работы.

- Кажется, началось, - проскулил я.

На лице Клайва проступила паника:

- А что делать?

- А мне откуда знать?! Я роды принимал только у искусственных маток!

Он быстро вытер руки о тряпку и закружил вокруг меня испуганным воробьем, не зная, с какой стороны подойти и что со мной сделать.

- Хватит кудахтать! – не выдержал я, укладываясь на настил из горы шкур и спальника. – Ставь воду кипятиться и достань пару одноразовых пеленок, что у Тришер в заначке.

В аварийном пакете, который откопал Ен в обломках корабля, был котелок из жаростойкого материала и горелка на несколько сотен зарядов. Не давая огню потухнуть окончательно, мы сохранили несколько десятков зарядов на будущее, но дотошные и запасливые «ящеры» нашли камни, способные, как и кремний, высекать искру, так что, благодаря нашим хомякам-переросткам, огонь у нас был всегда.

Новая более сильная боль скрутила живот, заставив меня согнуться. В пещеру буквально влетел Ен и, следом, Тришер. Я посмотрел на него, больше не сдерживая страх, и попросил настолько жалобно, что сам не узнал своего голоса:

- Помоги.

Ен бросился ко мне, схватив за протянутую руку и сел рядом, прижимая к груди. Я уткнулся в него и стал тихо постанывать.

- Как ты себя чувствуешь, Дален? – спросила Тришер, усаживаясь на колени передо мной: - Где болит?

- Живот болит, - ответил я сквозь зубы.

- Как именно болит?

- Больно, бл*дь, болит! – рявкнул я.

- Дай мне тебя осмотреть, отлипни от своего рохаэ.

Я неохотно послушался и откинулся на спину, чувствуя себя неповоротливым айсбергом. Тришер задрала на мне черную выцветшую и растянутую майку, ощупала живот и сказала:

- Снимай штаны, нужно посмотреть раскрытие, - и добавила резко, увидев, что я мешкаю: - Живее! Здесь уже некого стесняться!

Она сама стащила с меня ботинки и штаны, а затем заставила раздвинуть ноги. Я прижался виском к Еновому предплечью и подчинился.

- Клайв, тащи сюда аптечку, - скомандовала Тришер.

Получив свой серый, лаконичных форм, саквояж, логианка достала пару стерильных перчаток, рассчитанных на когти логианцев, надела одну и ощупала меня между ног. Я вздрогнул и свел колени вместе.

- Раздвинь, - сказала она, надавливая мне на колено рукой без перчатки, а когда я послушно открылся, добавила ободряюще: - хороший мальчик.

Я фыркнул, но тут же захлебнулся вдохом, когда чужая рука полезла внутрь, и попытался отползти вверх.

- Спокойно, спокойно. Всего три, но это хорошо, - сказала Тришер, обмывая перчатку в миске с кипячёной водой, которую ей предусмотрительно подставил Клайв. – Тебе нельзя лежать, плод достаточно большой, а твой внутренний таз достаточно широк, но нам нужно, чтобы мархо опустился до конца.

«Мархо». Тришер называла плод только «мархо» - «ребенок».

- Мне больно, я не хочу стоять, - возразил я.

- Тогда ходи! Давай, давай, подъем! – Тришер помогла мне встать и сунула Ену в руки. – Пусть бродит под твоим присмотром, а я все подготовлю. Клайв, а ну иди сюда! – она сверкнула взглядом в сторону подкрадывающегося к выходу Клайва, и тот перепугано вытаращил глаза.

Мои хождения затянулись, схватки участились, и в такие моменты у меня подгибались ноги. Ен не давал мне упасть, крепко держа под локти со спокойным сосредоточенным лицом, словно для него это все не ново. Да, конечно, не ново, он же был отцом двоих. Черт! Меня это злило! Злило, что я страдаю, а он даже не вспотел! Я стал цепляться за его руки со всей дури, оставляя лунки ногтей наполненными яркой логианской кровью. И он терпел, подставляя бешеной недосамке свое тело.

- Тришер! – каждая «эр» в её имени прозвучала раскатисто и зло. – Я больше не могу! Я сейчас свихнусь!

Жара в пещере стояла неимоверная от двух растопленных очагов, благо, стены вверху были испещрены естественными воздуховодами, и мы не травились дымом.

- Иди сюда, я осмотрю, - она указала на кучу травы, застеленную шкурой и, сверху, одноразовой пеленкой.

- Пять пальцев! Отлично! – радовалась она, когда в меня пролезла вся её рука. – Походи еще, чуть-чуть осталось.

Спустя пять минут я готов был уже прощаться с жизнью, низ живота разрывало, по ногам потекло, и мне показалось, что внутри меня ломаются кости. Ноги подкосились, и Ен подхватил меня на руки. Дальше как в бреду: сознание то уплывало, то вновь вспыхивало нестерпимой болью, снова отключалось и снова меня било болью. Я ощущал, как плод проталкивался вниз, тужился, чувствуя себя оболочкой куколки, шкуркой, из которой выползает созревшее насекомое.

- Встань на колени! Даган, держи его спереди!

Я вцепился Ену в плечи и зацепился взглядом за полыхающие глаза.

- Не плачь, - сказал он, вытирая мои мокрые щеки рукой: - все хорошо.

Меня снова выворачивало наизнанку.

- Тужься! – крикнула Тришер, и я закричал Ену в лицо.

Мне показалось, что прошла вечность, прежде чем из меня выскользнуло что-то мыльное и длинное по ощущениям. Невероятное облегчение наполнило все тело, и я стал заваливаться на бок.

- Мадаг, - услышал я. – Мальчик. У вас мальчик.

Уже проваливаясь в черноту, я услышал крик и увидел бледное в синеву существо, размахивающее куриными лапками. Как есть, насекомое.

***

- Дален, - легкий шлепок по щеке: - Дален.

Я с трудом разлепил глаза и увидел перед собой Тришер, за ней стоял Ен с каким-то свертком на руках, из свертка дернулась вверх маленькая рука, и я понял, что там Он.

- Как самочувствие? Где-нибудь болит?

Я прислушался к себе и не почувствовал боли, только странную пустоту на месте большого живота.

- Нет, - ответил я и закашлялся сорванным горлом. Из меня что-то хлюпнуло, и я испуганно уставился на Тришер: - из меня течет.

- Долго еще будет течь. С тобой все в порядке, можешь быть спокоен.

Ен шагнул вперед, и логианка кинула взгляд на то, что у него в руках.

- Тебе нужно покормить мархо, прошло много времени, как он появился на свет, ты долго спал.

Тришер откинула с меня легкое одеяло, оголив обнаженный торс, и помогла повернуться на бок, при этом из меня опять хлюпнуло. Она положила мне под бок ребенка – лысый, без ресниц и бровей, с узкими щелями вместо глаз и постоянно дёргающегося, он сам повернул голову в сторону груди, жадно ловя ртом воздух. Тришер подтолкнула меня в спину и чужие

губы засосали мой сосок. Было больно и мерзко, волна гадливости поднялась из самой глубины моей души, и я резко отдернулся, перевернувшись на другой бок:

- Я не могу. Не могу.

Мне захотелось убежать, укрыться где-нибудь, лишь бы не слышать требовательный писк за спиной и никогда больше не испытывать это чувство.

- Дален! – от тихого грозного рыка захотелось сжаться в комок, а лучше совсем раствориться в воздухе.

Тришер увела Ена от меня, и я услышал сквозь детский вой, как она увещевает его, что случается и такое, что скоро это пройдет.

***

Он кричал часами, не переставая, вопли перешли на хрип и потом пошли на убыль, совсем в итоге прекратившись. Я не поворачивался, не желая встречаться с осуждающими взглядами, скрючившись на своей лежанке с тряпкой между ног и ощущая себя больным – душевно и физически.

- Так нельзя, - услышал я за спиной голос Тришер: - ночь прошла, если ты не покормишь мархо, то он совсем ослабнет, и это уже будет необратимо.

Я услышал скрежет когтей по полу пещеры, затем кто-то прыгнул на мою постель и сильные руки развернули меня. Лицо Ена было искажено гневом, одна рука крепко держала меня за волосы, вторая за горло.

- Покорми его! ОН! НАШ! СЫН!

Когда я не ответил, то он замахнулся, и я увидел занесенную над собой красно-черную руку. Убьет, как пить дать.

- Даган! – крикнула Тришер.

Ен застыл, бегая ошалевшим взглядом по моему лицу, а потом оттолкнул от себя и пулей вылетел из пещеры. Снаружи

раздался оглушающий рык, я заскулил и заткнул уши руками.

- Пусть его смерть будет на твоей совести, - сказала Тришер, положила вновь ревущего младенца рядом со мной и вытолкнула перепуганного Клайва из пещеры.

Я остался один на один с ребенком. Он пищал и дергался, побагровев и опухнув лицом, беззубый рот открывался в надрывном крике, практически оглушив меня.

- Хватит орать! – крикнул я, не выдержав звуковой атаки.

Мархо внезапно заткнулся, вскинул вверх руки и ноги и засунул кулак в рот, пытаясь его обмусолить. У него была головка идеальной формы и пухленькие плечики, круглый, вздувшийся от постоянного плача животик, гладкая, словно шелк, кожа и скукоженные логианские ножки. Мархо перестал смоктать кулачок и внезапно посмотрел прямо на меня голубыми с металлическим отливом глазками, растянул губы в улыбке и опять беспорядочно задергал руками и ногами. Внутри меня что-то дрогнуло, и я аккуратно взял его на руки, грудь заныла, словно вены внутри растянулись до предела. Из набухшего соска брызнула белая струя.. и не одна... и все в разные стороны. Я засмеялся горько и обреченно: кто бы сомневался, отец не признавал полумер. Раз я могу выносить и родить, то почему не могу выкормить? Это же закономерно, бл*дь!

Мархо робко потянулся губами к соску и, когда получил желанное в рот, быстро зачавкал, положив по-свойски ручку на грудь.

Когда Ен появился в пещере и медленно подошел к нашей лежанке, то увидел сына у меня под боком - мархо сыто рыгнул и дернулся во сне. Я смотрел на Ена и не знал, как просить прощения. Ничто не могло загладить моего поведения, но рохаэ только вздохнул так, словно с его плеч свалилась Вселенная, и опустился на колени. Погладив меня по бедру, укрытому простыней, он лег рядом и прижал меня спиной к груди, зарывшись носом в волосы на затылке. Я положил ладонь поверх его руки на моем животе и тихо сказал:

- Теперь все будет хорошо… Ээм… кажется, он навалял…

***

Мы провели в каньонах еще полгода и все же решили идти дальше. Среди нас оказались сплошь авантюристы. Мархо подрос, его кожа приобрела красноватый оттенок, отросли белые брови и ресницы, а вот на голове торчком стоял красный чуб и во рту выросли первые два клычка.

Вид у нашего мини-отряда был заправский: старая, местами изодранная одежда того мира была прикрыта плащами из добротного, хорошо выдубленного меха райских расцветок. У всех кроме меня, кормящей матери, позвякивали тяжелые заплечные сумки, а я возился с мелким, пытаясь удобней его устроить в тканевой петле у себя на груди.

- Мархо, мелкий ты жук! – ворчал я на него, но он продолжал вертеться, пытаясь увидеть все и сразу и при этом не выпустить ткань моего комбеза из цепких пухлых пальцев. Подул холодный осенний ветер, и я поправил на Мархо меховую шапочку, завязав её под двойным подбородком.

- Хватит называть ребенка «ребенком», - вмешалась Тришер, - у него имя есть.

- Его Вурих зовут, - поддержал Ен как бы промежду прочим, продолжая наш путь через цветные каменные холмы.

Вурих, Вурих, знаю я, что Вурих, но мне не нравится. Когда я спросил у Ена, что значит это имя он сказал: «Вурих есть Вурих. Ничего не означает», - но Тришер потом объяснила, что «Вурих» означает «надежда». И непросто «надежда», а «надежда на будущее».

Я верил в светлое будущее, где будем мы с Еном, Вурих и, может быть, еще парочка пухлощеких мархо.

Эпилог

Меня загнал кивар на самый край пропасти, скалился на меня, оголяя огромные клыки, к прыжку готовился. Я уже немолод, силы и глаза меня подводят, да и ноги слабы. Попрощавшись с жизнью и помолившись Серебряной Тха’ке и её

троим сыновьям и двум дочерям на небе, я приготовился отдать свою жизнь не за просто так. Всё же я - шаман племени Анава Туэрэ, и тотемом нам служит гордый ксу, а ксу пытается взлететь даже с одним крылом.

Я оскалился и выставил копье вперед:

- Ну, давай! Вперед, отведай старческого мяска!

Кивар припал к пыльной земле, прижав уши и шипы на холке, но внезапно вскинулся и повернулся ко мне задом, лицом к деревьям. Их было четверо. Двое из них вырвались из леса, один прыгнул на кивара, прижав его ногами к земле, и оторвал зверю голову. Второй схватил меня и оттащил от пропасти, куда я чуть не свалился с испугу, и стал что-то мне говорить на неизвестном мне наречии, глаза и волосы его ярче солнца, ростом на голову выше меня и кожей красный, как всё наше племя. Звериные лапы, звериные клыки.. Второй был еще выше, его глаза и волосы вспыхивали пламенем, и рука одна была сплошь черный огонь, а лицо, с самоцветами по бровям, кровью кивара залито.

Двое других были белокожими, но такими же светловолосыми, как и женщины нашего племени, глаза их жидким металлом сверкали, сами тонкие, как длинноногие тинки в степях. Одна из «тинков» держала на руках ребенка, красноволосого и с глазами, как небо на закате. Они смотрели на меня, пришедшие со стороны радужных холмов, где не селилось ни одно племя, потому что там издревле боги обитали, смотрели и чего-то ждали.

- Боги! – возликовал я и упал в пыль, раскидав шкуры по земле.

Пусть возрадуется племя Анава Туэрэ, старый Вэр привел к ним детей Тха’ке и больше им не стоит дрожать в ночи, ожидая нападения чудовищных кивар.